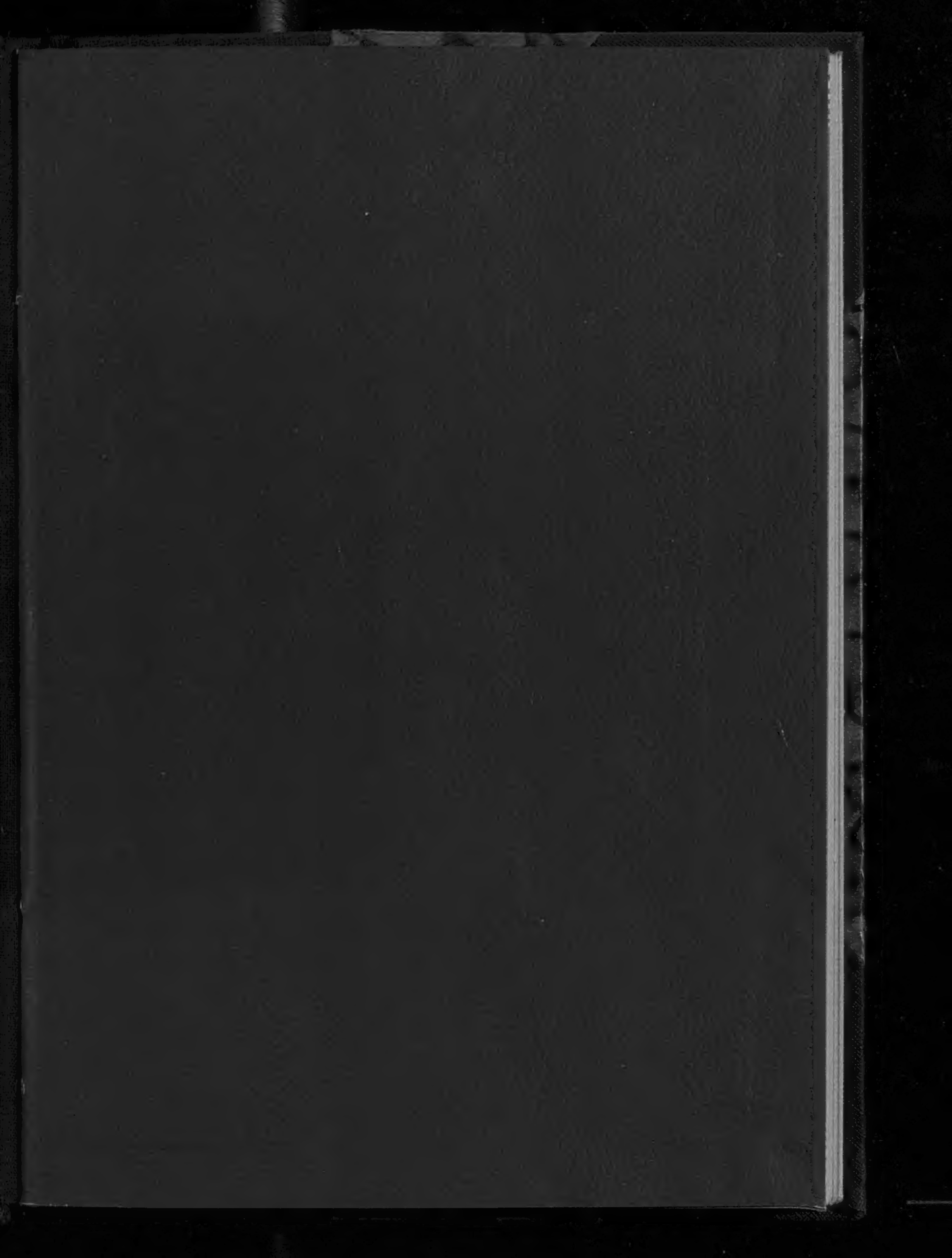
Симанский

ПАНИКА В ВОЙСКАХ

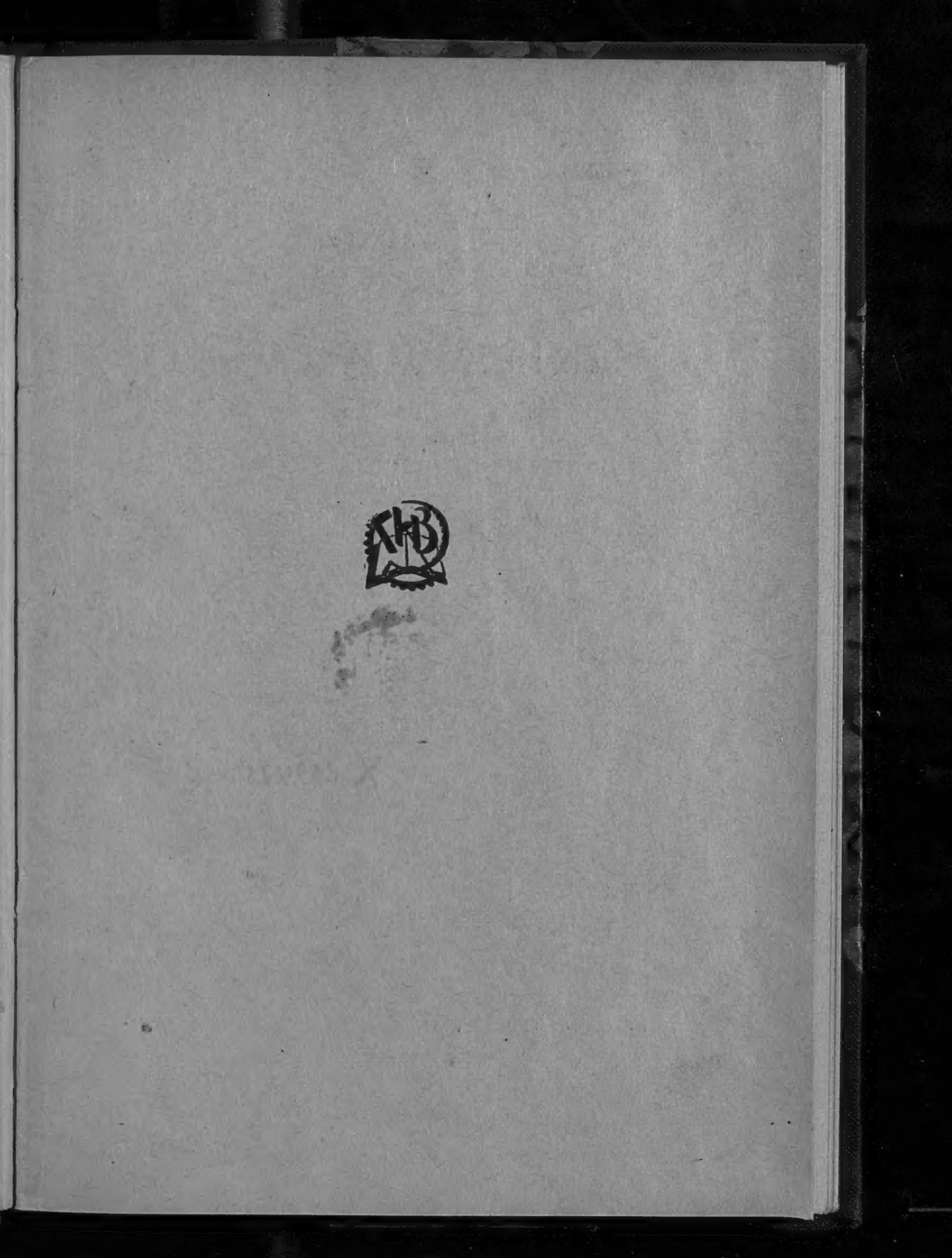

БИБЛИОТЕКА ИНОСТРАННОЙ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

П. СИМАНСКИЙ

ПАНИКА В ВОЙСКАХ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1929

P. SIMANSKIJ

PANIKA W WOJSKU

„BELLONA“ MIESIGERNIN WOYSKOWY ZA 1926 U 1927
WARSZAWA

БИБЛИОТЕКА ИНОСТРАННОЙ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

П. СИМАНСКИЙ

ПАНИКА В ВОЙСКАХ

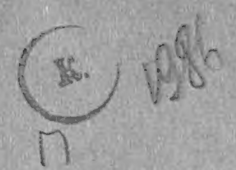
ПЕРЕВОД С ПОЛЬСКОГО

В. И. НИКОЛАЕВА

С ПРЕДИСЛОВИЕМ

Н. Н. КУЗЬМИНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОТДЕЛ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1929 ЛЕНИНГРАД

П. Симанский. — „Паника в войсках" — представляет собой исследование причин возникновения паники и способов борьбы с нею на основании исторических примеров и опыта мировой войны. Работа, по независящим от Госиздата обстоятельствам, печатается незаконченной. Однако, богатейший фактический материал, подобранный автором, дает полную возможность сделать самостоятельно необходимые выводы.

82×111—11½ л. В. 10. Гиз № 29204/М.
Ленинградский Областлит № 24786
Тираж 3000.

Тип. [illegible] Ленинград, ул. Моисеенко, 10.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть пятая

Приложения

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение паники чрезвычайно важно. Поэтому труд Симанского, дающий довольно большой фактический материал, заслуживает серьезного внимания.

Автор высказывает очень интересную и совершенно правильную мысль, что „проявления самой большой трусости, хотя бы в виде паники, непосредственно граничат со случаями самого высокого мужества и героизма. Они соединены между собою каким-то общим рулем. И вот, может быть, военная психология найдет, наконец, счастливый и ценный способ поворачивания этого руля исключительно в сторону героизма, передавая его однако в руки того командира, который будет во всей полноте вооружен приобретенными им знаниями и практическими навыками".

В настоящее время военно-научные организации Красной армии серьезно занялись вопросами военной психологии, которую, пожалуй, лучше назвать не „военной", а „боевой" психологией, так как в будущей войне придется иметь дело с массовыми армиями, с территориальной и милиционной системами, с участием в деле обороны страны даже женщин и стариков, и поэтому надо изучать не специально военную психологию, а психологию масс, психологию организованных коллективов в периоды перед боем и во время боя.

В книге приводятся случаи паники, охватывавшие немецкие войсковые части в 1914 году, когда с ними вместе отходило население тех городов и местечек, которые прусская армия эвакуировала под давлением русских. Материалы, рисующие эти случаи паники, указывают, что население, отступавшее с войсками, чувствовало себя тревожно и нервно, и это состояние передавалось войскам. Для нас изучение этих вопросов является необходимым и даже обязательным.

Далее автор говорит: „С момента появления на боевой линии не профессиональной армии, а вооруженных народов, в военную область вторглись элементы, затрудняющие правильное применение основ военного искусства". А на стр. 40 он дает

совершенно ошибочное объяснение причинам „упадка“ воинской дисциплины. Правильно указав целый ряд фактов, имевших место в истории последних лет, он вследствие неуменья разобраться в классовом переплете событий последнего времени делает из этого неверный вывод: „Все это вместе взятое подорвало авторитет высшего командования и вызвало *неизбежный упадок воинской дисциплины*“. Первое рассуждение относительно применения основ военного искусства очень напоминает тех австрийских генералов, которые считали, что революционная армия Франции и, под ее влиянием, ее вождь Наполеон дерутся совершенно не по правилам.

Но не Наполеон создал тактику революционных французских войск. Она была создана в боях самими войсками революции, знавшими, за что они дерутся, понимавшими цели войны, считавшими их своими и потому мужественно и решительно перешедшими к рассыпным порядкам. Наполеон только сумел использовать и применить в широком масштабе то, что в малых масштабах делали революционные воины.

Что касается воинской дисциплины и ее упадка, то мы можем указать на довольно крепкую и твердую дисциплину Красной армии, которая с каждым часом гражданской войны росла и которая крепнет и будет крепнуть с каждым часом все больше и больше.

Можем прибавить, что воинская дисциплина в буржуазных армиях с каждым часом будет слабеть. Все те случаи, которые приводит автор о русской, французской, итальянской, австрийской и германской армиях, объясняются, главным образом, тем, что широкие массы не понимали причин войны и потому не имели того внутреннего импульса, побуждавшего их воевать, без чего воинская дисциплина прочно и долго держаться не может. Вся беда тех военных специалистов, по отношению к которым автор отмечает появившееся нерасположение, заключается не в том, что они воинственны, а в том, что они, руководя обучением и борьбой рабочих и крестьян, заставляли последних драться за чуждые им классовые интересы буржуазии.

Но по мере продолжения войны, по мере того, как классовые противоречия все более и более обострялись, когда трудящимся массам пришлось нести только жертвы во всех областях жизни, а командующим классам это жертвенное настроение масс приносило обогащение, настроение стало меняться. И

пусть не благодаря классовому сознанию, а благодаря классовому чутью, но все же солдатская масса, а с ней и все широкие рабочие и крестьянские массы перестали доверять военным специалистам, целиком и полностью стоявшим на стороне империалистической буржуазии.

В настоящее время, несмотря на всякие разговоры об „экономическом мире", стыдливо и осторожно прикрывающие стремление добиться гражданского мира, военные специалисты буржуазных стран начинают поговаривать, а кое-где даже и делают первые шаги к переходу от армии общегражданского набора к наемным профессиональным армиям. Какое же может быть доверие к военным специалистам и авторитет у высшего командного состава, когда они всю свою задачу видят в том, чтобы заставить солдат драться за чуждые, непонятные им интересы, про которые они сами, как это сделал еще в 1906 г. Фош в своей книге „О принципах войны", говорят: „Японская война дает нам, хотя и в ограниченных размерах, но полную идею о природе, присущей теперешней борьбе. Это коммерческое предприятие нации, интересующее непосредственно националистов более чем в прошлом, а потому сильно возбуждающее страсти отдельных лиц. Возьмем войну на Кубе или наши последние недоразумения с Англией по вопросу о Фашоде. Чего мы все ищем? Рынков для торговли, промышленности, которая, производя более, чем можно сбыть, постоянно угнетена возрастающей конкуренцией.

Ну вот, ей и добывают новые рынки, под гром орудийной пальбы.

„Биржа приобрела такое влияние, что для защиты своих интересов может даже принудить армии начать войну (Мольтке). Кто вызвал войну против буров? Конечно, не английская королева, а купцы Сити (стр. 36)."

Автор совершенно правильно приводит верную для буржуазных государств мысль Геруа из его книги „Полчища": „Нынешние войска по мере дальнейшего превращения их в милицию, будут с каждым разом являться все менее надежной опорой государственной власти, все менее прочным средством действия командования на театре войны и все более сильным орудием политической борьбы классов, которую эти войска могут даже вызвать и ускорить". Мысль эта безусловно верна для буржуазных империалистических государств, но она не верна по отношению к СССР.

Вполне понятна попытка руководящих военных кругов, обязанных с оружием в руках защищать капиталистический порядок, перейти от армий общегражданского набора к армиям наемным, профессиональным, фашистским. По мере роста понимания общего положения вещей среди трудящихся масс, по мере роста классового самосознания, каждому становится ясным, что армия общегражданского набора послушным орудием в руках буржуазии не будет. История гражданской войны особенно подчеркивает это. В книге Геруа указывается на случай под Березовкой, около Одессы, когда прекрасно вооруженные французские войска отказались сражаться и отступили под натиском красных войск, оставив нам танки, орудия и снаряжение. В своем письме Фошу из тюрьмы Санте, написанном 27/VIII 1927 г., Андре Марти говорит:

„Вы осмеливаетесь утверждать, что если бы конференция послов вас послушала, то вы смогли бы разгромить большевизм. Пустое! 58-й пехотный полк и 2-й пулеметный полк получили приказ взять Тирасполь 2 февраля. Пришлось поспешить отозвать этих солдат с фронта, разоружить 58-й полк и отправить его в Марокко.

Жаль, господин маршал, что вы не присутствовали 5 апреля 1919 года при эвакуации Одессы, когда 19-й артиллерийский полк, 2-й саперный и 1-й пулеметный полки вписали прекрасные страницы в историю революционного движения. Вы видели бы, как славная, победоносная французская армия радостно уступала место красноармейцам. И могли бы полюбоваться прекрасным зрелищем, когда все войска дефилировали мимо здания одесского совета под пение „Интернационала“. И вы сами, господин маршал, поступили бы без сомнения так же, как и все высшие чины вашей восточной армии, которые бросились спасаться частью на военные суда, частью в Аккерман, преследуемые пулями Лебеля.

Несколько дней спустя солдаты 4-го и 8-го колониальных полков отказались в Бендине так же, как и в Архангельске, сделать хотя бы один выстрел по Красной армии. Уже нельзя было рассчитывать на очень многих солдат...

...И при помощи этих людей вы хотели задушить русскую революцию. Да, господин маршал, если бы вы в то время явились в Одессу для руководства военной операцией, начатой Клемансо и Пуанкаре, вопреки конституции, то возможно, что в настоящее время я не имел бы возможности с вами по-

лемизировать, и вы находились бы в Пантеоне, оскорбляя своим присутствием память Жореса“.

Геруа в своей книге „Полчища“ называет все это паникой, трусостью и тому подобными именами.

Автор „Паники в войсках“, как большинство военных специалистов, не вдумываясь в причины явлений и не понимая классовой подоплеки событий, называет паникой такого рода отказы войск от боя, которые подсказаны их нежеланием драться за непонятные цели. Геруа это прекрасно понял и именно с этой точки зрения разъясняет события под Березовкой, в то же время по инерции называя уход французских войск паническим бегством. Для буржуазии и ее слуг такого рода события, конечно, приходится называть „паникой“.

Мне думается, что в будущих войнах, которые навяжет нам буржуазия и которые она будет вести при помощи войск общегражданского набора, будут довольно часто случаи такого рода „паник“, зачатки которых можно наблюдать в империалистической войне, о которых автор упоминает и которые довольно основательно развернулись в период нашей гражданской войны на юге и на севере, когда французскому, английскому и американскому командованиям пришлось спешно эвакуировать свои войска, никак не понимавшие, почему они должны драться с нами.

Автор цитирует Розье: „Горизонты действий расширились. В 1914 г. предметом стратегии было уничтожение неприятельских армий, в будущих войнах задачей станет уже уничтожение всех неприятельских народных сил“.

Эта мысль справедлива по отношению к нашим империалистическим буржуазным врагам, которые пойдут войной на нас или будут вести борьбу с восстающими колониями и полуколониями. Но она неверна, если ее рассматривать как задачу для нашей стратегии или стратегии стран, борющихся за свое раскрепощение. Если буржуазия, ведя против нас войну или против других буржуазных стран, будет безусловно стремиться к тому, чтобы беспощадно наносить поражение не только войскам, но и всему населению стран, с которыми она будет бороться, то наша тактика и стратегия должны быть построены иначе. Мы видим врагов только в буржуазном классе. Трудящиеся массы этих стран по сути дела являются нашими друзьями, нашими братьями по классу. Борясь с буржуазией, мы не стремимся к захвату или к подчинению себе той или иной

страны, как это делают империалисты, ведя войну со своими братьями по классу. Поэтому наши боевые действия, наши отношения к буржуазии будут решительными, беспощадными и безжалостными. Но наша тактика должна быть построена так, чтобы было видно и понятно, что мы боремся против буржуазии за интересы рабочих и крестьян. В наши планы не будет входить полное истребление, уничтожение, порча имущества той страны, которая вынудит нас вести войну. Мы будем передавать его по возможности в неиспорченном виде рабочим и крестьянам для коллективного управления.

Эти длинные пояснения необходимы для парализования тех коротких, но неправильных утверждений автора, которые, если их не оговорить, могут помешать правильному изучению вопроса.

Автор, разбирая задачи вождей в будущих войнах, ужасается при мысли, что существуют люди, которые не признают войну *„как явление, находящееся вне человеческой воли"*. Он горюет, что такие люди *„отнимают постепенно у вождей средства соответствующей подготовки будущих бойцов, лишают самую подготовку к войне целостности и всесторонности..."*

Выше мы приводили оценку, данную Фошем еще в 1906 году, и поэтому особенно останавливаться на том, что война есть явление, созданное человеческой волей, не будем.

В Красной армии мы на это не сетуем. Наоборот, благодаря именно такому пониманию войны, проясняется сознание бойца, и его подготовка к войне делается целостной, всесторонней от сознания того, что война есть неизбежный спутник буржуазно-капиталистических и особенно империалистических отношений.

Изучение вопросов паники должно итти по двум путям: с одной стороны, это — область психологии, рефлексологии, физиологии и, пожалуй, даже медицины. С другой, это — вопрос взаимоотношения командного и политического состава с красноармейцами, его воспитательная работа, его внимательность и забота, а также находчивость.

Тов. Войтоловский, в своей книге о психологии масс, высказывает чрезвычайно верную мысль о том состоянии, которое переживает каждый коллектив, в том числе, конечно, и войсковой. Он различает четыре периода: а) эмоционального брожения, б) эмоциональной податливости, в) концентрации чувства и г) коллективного действия.

Рефлексология учит, что раздражения, получаемые через органы чувств (зрение, слух и проч.) передаются по нервам в мозг, в ту его часть, которая соответствует данному типу раздражения. Отсюда оно передается в двигательный центр и далее в соответствующий мускул. Для наблюдателей это выражается в движении. Если одно и то же раздражение повторяется много раз, то в мозгу образуются так называемые „проторенные пути“ и локализованные (местные) центры данного типа раздражения. Поэтому путь или время от момента раздражения к моменту движения проходится с каждым разом легче и скорее и в конце концов будет совершаться почти мгновенно. Это последнее называют автоматическим действием. Всякое новое раздражение, для которого проторенных путей нет, проходит обычно как бы с трением, и ощущение этого последнего и будет тем, что принято называть сознанием.

Чем раздражение сильнее, тем оно больше охватывает мозг, и последний делается менее восприимчивым ко всяким другим раздражениям более слабым. Наконец, бывают случаи, когда новое и неожиданное раздражение столь сильно, что весь мозг приходит в возбуждение. Возникновение этого явления объясняется тем, что путей для нового раздражения еще нет, центра соответствующего не выработано; в других случаях раздражение захватывает врасплох, потрясает и „разливается“ по всему мозгу. Это явление называют *иррадиацией*, а охватившее мозг господствующее чувство, вытеснившее все другие, *доминантой*. В бою явление доминанты довольно обычно, особенно для новичков или мало обстрелянных.

Если одно и то же раздражение и притом большой силы охватывает многих людей, то тогда они подпадают под влияние общей доминанты, и получается *паника* — безотчетный массовый испуг, — которая, если глубоко вдуматься, является высшим проявлением защитного рефлекса (инстинкта самосохранения). Приведенные соображения указывают на то, что если организм (мозг) подготовлен или предупрежден или упражнения в прошлом создали проторенные пути, то ни иррадиации, ни доминанты, ни, наконец, паники не будет.

Поэтому-то командный и политический состав должен все время следить за тем, чтобы состояние бойцов было таким, при котором для них не возникало бы неожиданностей. В случае, если начинают появляться признаки, указывающие, что возможно появление паники (утомление, раздражение, вялость

и т. д.), надо стараться искать различного рода тормозящие способы, которые помешали бы появиться разброду (иррадиации). В случае появления паники надо найти какой-нибудь способ, дающий толчок в обратном направлении, или тормозящий, помогающий центральной нервной системе взять под контроль волю бойцов. Задача наших командиров и политорганов на основе изучения психологии бойца, при помощи ярких впечатлений, удара по воображению, уметь не только не допустить „концентрацию чувства“ перейти в „паническое действие“, но и период коллективного действия (паника) приостановить и повернуть в другом направлении. Основная задача заключается в том, чтобы, опираясь на социально-классовый анализ, политико-моральное, физическое и физиологическое состояние бойцов, *понимать и чувствовать* настроение части настолько, чтобы не допускать появления паники, а возникшую преодолеть.

Например, маршал Ней, видя, что подчиненные ему войска бегут в совершенной панике и понимая, что ему их никак не остановить, разослал своих адъютантов к командирам бегущих частей с распоряжением, чтобы войскам было приказано бежать не останавливаясь около 10 верст. Панически бежавшие войска могли бы пробежать и больше, но, когда им *стали приказывать бежать определенное* количество верст, то, пробежав версты три, они остановились, пришли в себя и через небольшой промежуток времени стали снова боеспособными.

Один из наших командиров дивизии в 1918 году, видя, что один из полков, входивших в его дивизию, панически удирает неизвестно от какого противника, придумал следующий трюк: он закричал: „Стой! Снимай сапоги“. Этот окрик подействовал. Красноармейцы начали действительно снимать сапоги и затем быстро были приведены в боеспособное состояние.

Но самое главное, это — предупреждать возникновение паники.

К мерам предупреждения надо отнести постоянную и неукоснительную заботу, внимание к бойцам, умение в любой обстановке облегчить, елико возможно, тяжести походной и боевой жизни. Эта постоянная забота, которую бойцы не могут не видеть и не ощущать, привяжет их к командиру и создаст у них уверенность, что он, умеющий в самых трудных условиях облегчить тяготы их боевой жизни, сумеет помочь им в любых условиях.

Так установится необходимая связь и вера в свой командно-политический состав.

Интересны способы, применявшиеся Суворовым для предупреждения появления паники. При штурме Измаила, с русской стороны стреляло более двухсот орудий. Должен был наступить момент, когда солдаты, взобравшись на стены крепости, попадут под огонь своих орудий. Предвидя это, Суворов приказал артиллеристам стрелять боевыми снарядами только до тех пор, пока штурмующие не влезут на стены крепости. Как только будет замечено, что значительная часть войск ворвалась и бой ведется в городе, артиллеристы должны прекратить огонь боевыми снарядами и перейти к стрельбе холостыми. Точно также Суворов поступил при форсировании Дуная, когда приказал стрелять боевыми снарядами до момента, пока русские не выйдут на берег. Когда же они переправились и втянулись в бой, стреляли опять-таки холостыми.

Здесь был правильный расчет. Если бы войска, победно штурмовавшие крепость и уже ворвавшиеся в нее, перестали слышать звуки своих выстрелов, то вряд ли они выдержали бы и, несмотря на свою победу, почувствовав, что их никто не поддерживает в то время, как турки продолжают стрелять, они, наверное, обратились бы в бегство, бегство же в сутолоке и условиях штурма могло бы стать паническим. Точно также в период гражданской войны наши части требовали непременно, чтобы стреляла артиллерия, хотя обстановка этого не требовала. Звуковое явление, это — первый источник страха, и, чувствуя, как стреляет противник, но не слыша своей артиллерии, пехота морально не выдерживала и начинала волноваться. Неоднократно бывали случаи, когда мы давали распоряжение стрелять все равно куда, лишь бы был слышен звук выстрелов.

Во время гражданской войны, вся работа политических органов среди войск, не имевших продовольствия, обмундирования, белья, вынужденных совершать огромные переходы, по сути дела была направлена к тому, чтобы ставить тормозы развитию тех настроений и такого состояния, когда войска могли превратиться в панически настроенные группы, обращающиеся в бегство даже перед воображаемым врагом.

С этой точки зрения нашему командному составу надо чрезвычайно внимательно изучить историю политработы, чтобы понять, как сочетались и переплетались методы работы политорганов с хозяйственными заботами. Комиссар думал не только

об агитации и пропаганде, но и о боевом и материальном состоянии части.

О Суворове, Скобелеве и других крупных работниках военного дела прошлого здесь я упомянул лишь потому, что той же находчивости, которую они проявляли в качестве дивизионных, корпусных и армейских командиров, в настоящее время война потребует от батальонных, ротных и, очень возможно, даже взводных командиров.

Нашим командирам взводов и рот, политрукам и комиссарам необходимо знакомство с психологией, с рефлексологией и, особенно с историей, где можно найти сведения о случаях паники. Если борьба с возникшей паникой зависит от находчивости и сообразительности командира или политработника, то предупреждение появления паники требует знаний, внимания и заботливости. Другими словами, в первом случае нужен талант, способности, а во втором—только выучка и наблюдение за собой.

Кроме обычных мер поддержания боеспособности для предупреждения возникновения паники, вступая в полосу предбоевую, следует предупреждать войска о возможности возникновения тех или иных явлений. Всякая неожиданность очень опасна. Занимая какую-нибудь деревню, надо сказать, чтобы были осторожнее, ибо противник может оставить двух-трех стрелков, которые неожиданно могут открыть огонь и т. д. и т. п.

Явление паники надо изучать с точки зрения: а) причины возникновения, б) формы проявления, в) способа предупреждения и г) способа прекращения. Надо понимать, что не всякий испуг является паникой, не всякий, даже быстрый отход является паническим. Но надо твердо помнить, что и испуг и быстрый отход, если не будет хорошо, чутко вестись политработа, если не будет внимательного и заботливого отношения к бойцам, если их не будут предупреждать о возможных неожиданностях, приведут к паническому бегству, которое может охватить и командира и политработника, как бы они храбры ни были.

При чтении труда следует иметь в виду, что географические названия переведены дословно и поэтому не совпадают с прежними германскими и австрийскими.

Н. Кузьмин

Москва
7 июня — 1928 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВВЕДЕНИЕ.

В греческой мифологии рассказывается, что во время одного из своих походов в Индию Бахус расположился лагерем в некоем пустынном и укрытом месте. Разведчики сообщили, что вблизи находится лагерь численно несравненно сильнейшего противника. Бахуса охватил страх; но один из его самых приближенных помощников, Пан, бог пастушества, охоты и рыболовства, не потерялся и отдал распоряжение, чтобы с наступлением темноты войска Бахуса подняли такой шум, который, повторяемый эхом лесов, скал и ущелий, заставил бы противника думать, что против него находится во много раз сильнейший враг, чем он предполагал раньше. Неприятеля охватил ужас, и он обратился в бегство.

Другая легенда говорит, что Пан родился с рогами на голове, имел совершенно плоский нос, козлиные бороду, голени и копыта и был настолько безобразен, что, когда одной нимфе предложили взять его на воспитание, она, охваченная ужасом, бросилась бежать.

Эти рассказы древнего мира послужили причиной того, что по имени Пана стали называть *паникой* страх, который от неизвестных причин охватывает иногда людские массы вообще, и ряды войск в особенности, и принуждает их к бегству.

„Если в далеком прошлом, — пишет немецкий полковник Пфюльф, — когда в наивном воображении людей, полном фантазии, жил еще „великий Пан“, влюбленная пара, отдыхавшая среди густой заросли, или путник, неожиданно захваченный в лесной тиши сумерками и переменой погоды, воображали, что слышат — первая в шуме листвы — приближающиеся к ней нескромные шаги, а второй — в дуновениях бури — грозный голос разгневанного божка; напуганные и дрожащие, бежали под защиту ближайшего жилого места, то они переживали именно то, что греческий классический мир называл „ужасами Пана“. [1]

[1] Pfülf Emil, Oberst „Die Panik im Kriege“, München, 1908, стр. 3.

Значение появившегося таким образом слова „паника“ в течение многих сотен лет после падения древнего мира ограничивалось индивидуальным переживанием чувства страха. Так, по крайней мере, без достаточного, по моему мнению, основания, говорит упомянутый автор. Совершенно иное значение придаем мы этому слову в настоящее время. Из области понятий о чувствах и поведении отдельного человека паника перешла в область понятий о чувствах и поведении толпы или массы, т. е. стала предметом так называемой *психологии толпы.*

„Паника,— пишет ген. Додиньяк,— является внезапным переломом, приступом слепого страха, часто необъяснимого, который овладевает неожиданно *всей частью,* распространяется с молниеносной быстротой и делает ее толпой беглецов“. [1]

„Паника, — пишет поручик Пинуар, — это — внезапный ужас, который охватывает людскую толпу, лишает ее способности оценивать положение и свои выгоды и побуждает искать в бегстве спасения от опасности, находящейся в большинстве случаев только в воображении“. [2] Из этих определений следует, что характерными чертами паники в наше время являются: *неожиданность возникновения, беспричинность, овладение массой,* толпой, вообще собранием единиц, *быстрота распространения среди толпы и губительное влияние на нее.*

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ И МАССОВАЯ ПАНИКА

Конечно, паника могла и может овладевать также отдельными личностями. Так, например, Дюра-Лассаль в своем труде указывает на случай, когда паника на несколько минут охватила Тамерлана под Ангорой (20 июля 1482 г.), в сражении, которое решило судьбу султана Баязета. [3] Каждый читатель, рассмотрев внимательно момент после разгрома пруссаков под Иеной, вероятно, согласится, что прусский командующий кн. Гогенлоэ, лично находился независимо от впечатления, которое

---

[1] „Les réalités du combat“, Paris, 1915, стр. 70.
[2] Братская помощь, 1908 г., № 7, стр. 21.
[3] (Военная Библиотека, т. I, стр. 384. Далее указан способ, к которому прибег Тамерлан, чтобы возвратить себе обычное присутствие духа: „призывает своего историка, приказывает ему прочитать несколько статей, говорящих о более выдающихся подвигах его предшественников; его мужество возрождается, он становится героем, сражается, как храбрый солдат, — и на Баязета наложены оковы“.

события дня произвели на все войска, в состоянии панического поражения, что и привело его к решению сдаться под крепостью Прензлау. Из изучения наполеоновских войн мы хорошо знаем, какую панику наводил Наполеон на своих недругов — командующих противной стороной — когда они узнавали, что сам великий цезарь и вождь прибыл уже на поле сражения и что в виду этого сейчас где-то последует его последнее знаменитое „coup de collier", которым гениальный командующий французской армией сметал с поля сражения неприятельские силы.

Однако, случаи такой индивидуальной паники нас в настоящее время не могут интересовать, так как, во-первых, им относительно легко помочь, во-вторых, они редки и непродолжительны, и, в-третьих, их вредное и пагубное влияние может замкнуться в границах одного только человеческого сердца, сердца вождя. Если же я упоминаю о них, то только для того, чтобы опровергнуть мнение Пфюльфа, который думает, что индивидуальные паники уже окончились, и вследствие этого рассматривает паники исключительно среди сборных единиц. Оговорив это, я последую его примеру и буду рассматривать единственно те случаи, когда паника охватывает какую-нибудь толпу, либо людскую массу.

Под влиянием случайностей паника может охватить всякие сборные единицы, толпу ли, состоящую из лиц разных слоев, разного возраста и пола, или воинские части, и даже армии,[1] организованные, созданные из взрослых людей, в большей или меньшей степени обученные и подготовленные для выполнения поставленного задания и при этом проникнутые единой идеей. В обоих случаях проявления охватившего страха, т. е. паники, суть одинаковы. Однако, причины, вызывающие и останавливающие панику, различны, как не одинаковы по своему составу толпа и воинская часть.

Воинская часть, однородная в своем составе и подготовленная к бою, черпает свои силы для противодействия панике в своей организованности и в чувствах, оживляющих ее дух. Следовательно, здесь мы можем говорить о *предупредительных средствах.* Даже тогда, когда паника уже началась, ее еще может погасить начальствующий состав и командирское

---

[1] Ниже я привожу суждения, заимствованные из статьи Невежина, „Бегство полевой армии и метод восстановления боеспособности". („Военная мысль и революция". 1923, кн. 1, стр. 35—48.)

напряжение воли; иными словами, может быть разговор о *средствах противодействия.*

В толпе же не однородной, состоящей из совершенно случайных элементов, нет никаких данных, которые могли бы предотвратить панику, ослабить ее или прекратить. Это имеет место даже тогда, когда в состав толпы входят элементы относительно однородные, как то случилось, например, в Париже во время известной паники на пожаре в помещении благотворительного базара. В то время не нашлось такой силы, которая могла бы противодействовать, и паника эта в памяти народа заняла место несравненно более значительное, чем паники, которые охватывали европейские войска в сражениях последнего времени.

МНОГОЧИСЛЕННОСТЬ СЛУЧАЕВ ПАНИКИ

Суживая таким образом нашу задачу, ставя ее 1) в рамки известных соединений людей и 2) воинских частей, как исключительно интересующих нас сборных единиц, можем подтвердить, что даже в столь суженной области мы встретим огромное количество оттенков в разных случаях паники. Случаи паники имели место в войсках *всех* народов как культурных, так и некультурных, в войсках *всех* государств, самой разнообразной организации, состава, состояния и настроения. Паника охватывала командиров (вождей) всякой степени таланта, опыта и знания, даже тех, которые считались самыми крупными. Эти случаи паники, отличаясь лишь своей продолжительностью и напряженностью, имели место на самом поле сражения, а иногда распространялись даже на весь театр военных действий. Панику вызывали разнообразнейшие причины как большие, так и малые. „Паника стара так же, как стара история, — пишет Трошю (Trochu), — это показывает самое слово паника, взятое из греческой мифологии. Во всех войсках случались паники, *во всех войсках*, могу сказать, *они будут случаться.* Молодые войска будут им подвергаться легче, чем войска обстрелянные; степень впечатлительности войск также обусловливает степень паники, но *никакая воинская часть в известный момент не избежит этой судьбы.*“ [1]

„Если какой-либо человек был внутренне подготовлен к войне, то это был несомненно спартанец“, — читаем в одном из трудов

---

[1] „L'armée française en 1867“, Paris, 1867, стр. 249.

Пузыревского, — „однако и он терпел поражения и обращался в бегство... Спартанцы бежали даже тогда, когда должны были бы оставаться на поле сражения все до одного... Англичане с их хладнокровием и их страшным, быстрым огнем, русские с их стойкостью, отступали перед импульсом. Немец также подвергался панике, тот, немец, который с точки зрения легкости придания ему организационной формы, а также солидности, назван прекрасным военным материалом.“ [1]

Следовательно, паника не является чем-то исключительным. Наоборот, в более или менее острой форме она оказывается явлением совершенно обычным, общим для всех армий и народов. Все это должно бы было исключить необходимость систематического замалчивания тех отдельных случаев паники, о которых я буду говорить ниже. Однако, для постановки в порядок дня задачи всестороннего исследования этого явления, которое оказывает весьма вредное влияние на успех сражения и на общий ход военных действий, всегда ставились препятствия.

ТРУДНОСТИ В ИССЛЕДОВАНИИ ПАНИКИ

Исследованию рассматриваемого вопроса препятствовал также взгляд, что якобы большинство паник начинается только из-за воображаемой опасности, тогда как по своей сущности это было явление безусловно причинное.

„Вечером в день битвы при Сен-Прива (18 августа 1870 г.)— пишет ген. Касте (Castet), — мы ехали в Бан-Сен-Мартен среди отступающих пехотных колонн, когда вдруг услышали позади себя какой-то шум, происходивший как будто от землетрясения; шум все возрастал, слышно было лязгание оружия, стоны, крики, одним словом, какой-то адский оглушающий шум. Мы попали в облако густой пыли, закрывавшее небо, и едва различали верховых, которые на полном карьере

---

[1] Пузыревский, А. К. „Исследование боя в древние и новейшие времена“. Извлечение из франц. сочинения полк. де-Пика. Изд. 2-ое, Варшава, 1902 г., стр. 118. И в последней войне немцы не являлись исключением. „В германской армии, как и в прочих, в тяжелых условиях войны, случались паники и фантастически распространялись невероятные слухи, которые получили название „этапных“. („Военная наука и революция“, кн. I, 1921, стр. 472.) К случаям паники, имевшим место в германской армии в 1914 — 18 гг, я еще вернусь.

пролетели мимо нас.[1] Сбитые в кучу, они посланные как ураган, как бы подгоняемые сзади бичами. Это была паника. *Однако, как могла она возникнуть после сражения, когда стрельба уже затихла?* Каким образом могло случиться, что отважные командиры не предупредили ее и сами оказались среди этого дикого карьера". [2]

О другой панике, возникшей без всякой видимой причины, я знаю из личного опыта первых дней мировой войны, когда развертывалась так называемая великая галицийская битва. X русский корпус, находившийся в то время еще под начальством известного ген. Сиверса, которого в феврале 1915 г. разбили немцы в Восточной Пруссии и в Августовском лесу, двигался тремя колоннами. Средняя колонна, являвшаяся одной из резервных (второочередных) дивизий, двигалась по шоссе, а две другие дивизии (9-я и 31-я) шли параллельными дорогами вправо и влево от шоссе. При средней колонне находился вместе со своим штабом сам командир корпуса. Было уже темно, когда головы колонн достигли назначенной на этот день линии, и части должны были разойтись на ночлег. Господствовала полная тишина; ничто не говорило о присутствии неприятеля. Доведя второочередную дивизию до ее места, командир корпуса повернул к месту стоянки своего штаба. Спустя некоторое время, он неожиданно услышал со стороны штаба какой-то шум, указывавший на присутствие там значительного числа людей. Посланные офицеры сообщили, что не только весь двор штаба, но и вся деревня заполнена людьми и что, повидимому, сюда прибежала второочередная дивизия совместно с командованием и офицерами. В виду необходимости тотчас же принять меры к восстановлению порядка и направить дивизию на место, было приказано отыскать ее командира. Как же были удивлены посланные, когда нашли командира и его штаб на том самом месте, на котором их оставил командир корпуса. Они, как и раньше, находились на шоссе, сидели при свете фонаря у санитарной повозки, рассматривая карту, разложенную на ее ступенках и готовили приказ на следующий день, даже не подозревая, что

[1] Речь идет о панике, охватившей часть кавалерийской дивизии Клерамболь.

[2] Касте, ген. „Ce, que j'ai vu" („Братская помощь", 1908, № 7, стр. 30).

остались на шоссе одни, без своей дивизии, которая поспешно убежала на несколько верст назад.

О подобном же случае паники, которую ничем нельзя объяснить, сообщает Новак. Разговор идет об обороне Львова австрийцами в августе и сентябре 1914 г. „*Можно было еще защищать столицу*, — пишет Новак, — *так решил Конрад*. Но решение это должно было отступить перед одним из тех происшествий, которые часто *без причины действуют* на нервы войск. У Жолквы, вблизи небольшого леса, 32-я гонведная дивизия была внезапно охвачена паникой. Дивизия побежала решительно *без всякого повода*. Создался прорыв. При этих условиях не было уже средств для обороны Львова. Конрад быстро отодвинул свой фронт назад и занял позицию у прудов Городка“. [1]

Суммируя неоднократные случаи паники в австро-венгерской армии в первые дни войны, раздосадованный ген. Конрад отмечает с горечью, что большая часть случаев паники происходила без всякой причины, а именно тогда, когда „одно из животных этого стада, охваченное страхом, бросалось бежать“. [2]

При более внимательном рассмотрении фактов оказывается, однако, что всегда существовала более или менее понятная и оправдывающая причина паники. В первом из упомянутых случаев были еще живы в рядах войск тяжелые впечатления кровавых сцен в Сен-Прива, учиненных саксонцами при помощи обхода правого крыла французской армии, жило еще сознание, что нужно отступать под напором неприятеля; [3] в прочих случаях безусловно сыграла роль особая впечатлительность резервных частей и, повидимому, недостаточно спаянных, хотя и кадровых, австрийских частей, которые впервые оказались в действительном боевом положении. В той же статье, в которой мы встречаем жалобы Конрада по поводу частых случаев паник, начальник австро-венгерского генерального штаба дает также и некоторое их объяснение. Он говорит,

---

[1] Новак, К. Ф. — „Les dessous de la défaite“, Paris, 1925, стр. 56.

[2] Фельдмаршал Конрад, „Aus meiner Dienstzeit“, Wien, 1923, t. IV, стр. 650.

[3] Расследования причин этой паники в своем распоряжении я не имел, вследствие чего я приводил только те, которые в данных условиях кажутся наиболее правдоподобными. Не подлежит сомнению, что в действительности могли действовать более непосредственные причины. Напр., части кавалерии, бросившиеся к Мецу, могли быть перед тем покинуты своими высшими командирами.

что в каждой армии психика массы выступает особенно выразительно в период первых дней боя и что тогда масса эта превращается в стадо животных. [1]

То, что паника постоянно имеет свои причины, допускает благоприятное разрешение вопроса в смысле изыскания решительных и прочных предупредительных средств. В дальнейшем, в историческом обзоре, посвященном панике, я постараюсь выделить эти причины из ряда подробностей самого события и разбить их на категории. Тогда мы увидим, что основу паники надо искать не в моменте ее фактического возникновения, а иногда значительно глубже, в основных принципах, на которых данная армия создавалась, воспитывалась, обучалась и вообще подготовлялась для своих великих целей. Затем, внимательное исследование причин паники может послужить не только для изыскания предупредительных средств и средств противодействия на самом поле сражения, но и для выработки средств, служащих для предупреждения паники еще в довоенный период, т. е. в мирное время. Ныне, когда на ряду с огромным опытом последней войны руководители военного дела сталкиваются со стремлениями к новому укладу всей политической, экономической и общественной жизни европейских народов и, помимо воли, останавливаются на перепутьи, отыскивая способы примирения требований военного искусства и военного дела с требованиями измученных войной и ее результатами людских масс — становится особенно ценной только-что упомянутая возможность познания существенных причин нездоровых явлений, выявившихся на поле сражения в форме многократных случаев панического бегства.

Паника, это нередкое явление в бою и вообще во время походов и сражений, была известна, как я упоминал еще в глубокой древности. „В древности, — говорит Ардан дю Пик, — паника являлась неизбежным результатом сражения, и победителем оставался тот из сражающихся, который дольше мог подставлять свой лоб“. [2] В те времена, когда люди встречались на расстоянии меча либо копья, когда более измученная или легче поддающаяся утомлению сторона прекрасно знала, что в момент, когда она дойдет до предела своих физических и духовных сил и прекратит бой, она не в состоянии

[1] „Aus meiner Dienstzeit“, t. IV, стр. 650.
[2] „Братская помощь“, 1908 г., № 7, стр. 23.

будет избежать опасности, и спастись бегством, тогда ее неизменно охватывала паника.

В настоящее время паника не может являться уже чем-то неизбежным. Даже победоносного и преследующего неприятеля можно остановить после проигранного сражения на определенном расстоянии силой нынешнего усовершенствованного оружия, при условии, что отступающие войска не поддадутся панике.

ВЛИЯНИЕ ПАНИКИ НА ИСХОД ОПЕРАЦИИ

Несмотря на эту разницу между древним миром и нынешним временем, паника продолжает оставаться явлением грозным и катастрофическим. „Между выигранными мною сражениями лежат царства", говорил Наполеон. Однако, ссылаясь на собственный пример, он мог бы также сказать, что царства лежат между возникавшими в его время паниками. После паники под Иеной в руки великого военачальника попала вся Пруссия за исключением крайнего участка около Клайпеды. После паники под Ватерлоо окончилось и вторичное последнее пребывание Наполеона на французском троне. После паники под Лариссой окончилась греко-турецкая война 1897 г. После паники сербских добровольцев под Дьюнишем (?) в 1876 г. для турок открылась дорога на Белград, т. е. для нанесения последнего и быстрого поражения. Паника под Адуей сорвала попытку итальянцев включить в сферу своего влияния королевство абиссинского негуса. За исключением тыловых паник, которые иногда кончались относительно счастливо, большинство других, нам известных, оказывали губительнейшее влияние на результаты боевых действий, часто прекрасно проработанных и развивавшихся в плановом порядке. „Неоднократно, вследствие необъяснимого страха либо потери головы несколькими людьми, самые лучшие, прекрасно обдуманные планы и наиболее героические усилия, сводились нанет, — пишет пор. Пинуар, — и давали победу почти уже разбитому противнику". [1]

6 июля 1641 года десятитысячная цезарская армия под начальством ген. Лямбуа (7000 цезарских солдат и 3000 французов, во главе с графом Суассон, взбунтовавшихся против кардинала Ришелье) встретилась у леса Ле-Марфе, в 4 *км*

[1] „Братская помощь", № 7; стр. 24.

юго-западнее Седана, с одиннадцатитысячной армией маршала Шатильон (Колиньи), высланной Людовиком XIII для усмирения бунтовщиков.

„Сражение началось в условиях весьма благоприятных для французов“,—пишет Пинуар.—„Великолепно обученные и руководимые прекрасными командирами, они напали на цезарские войска, шедшие в походной колонне. *Полный разгром цезарской армии* казался неизбежным. Как вдруг французская кавалерия правого фланга обратилась в бегство. Благодаря этому, панический страх охватил и деморализовал пехоту. Кавалерия левого фланга также неудержимо ринулась назад. Французский командующий, маркиз де-Шатильон, принужден был вместе со своими пятью офицерами и пятью вестовыми личной охраны спасаться бегством. 2000 пленных, все орудия, обозы, казначейство, все попало в руки случайного победителя“. [1]

Один из участников сражения, граф Руссильон, описывает это бегство следующим образом: „Страх до такой степени охватил нашу трусливую и жалкую кавалерию, что никакие усилия командующего не могли ее удержать. Под звуки труб, с развернутыми знаменами бежало все. Люди, носящие мечи, никогда еще не доходили до такого позора. Наши малодушные, солдаты *сами себе устроили поражение, а враг ничего не предпринимал для использования победы. Наоборот, удирал от тех, которые решились наступать на него*“.

„Командирский пример, умелое расположение, переход в наступление на противника, находящегося на походе, неблагоприятные для него условия местности, одним словом, все шансы, благоприятствующие победе, послужили к тем большему нашему позору“, — прибавляет Фабер.

Из личного опыта 1914 года могу привести следующие случаи.

8 октября, после известных сражений на Висле и на юго-западе от Варшавы, в период так называемой варшавско-ивангородской операции, двигаясь за отступавшими немецкими войсками, части XVII русского корпуса заняли Козеницы и соседние деревни. К дер. Едвабно, расположенной на противоположной стороне Августовского леса, [2] был выдвинут авангард в со-

---

[1] „Братская помощь“, 1908 г., № 7, стр. 24.

[2] Не следует смешивать с лесом того же названия, находящимся между Гродной и прусской границей и получившим широкую известность вследствие катастрофы, случившейся с XX русским корпусом.

ставе 1-ой бригады 3-й пехотной дивизии. Тем временем неприятель получил значительные подкрепления, и 9 числа русский авангард был разбит и отступил на север от дер. Августово, находящейся в самой середине большого и довольно густого леса. В помощь теснимому неприятелем авангарду еще 9 октября было выслано сильное подкрепление. Вечером, когда командующий 3-й пехотной дивизией ген. Ползиков, вследствие нервного расстройства, сдал командование, и его сменил командир 61-й пех. дивизии, новый командир имел в своем распоряжении: 2 полка 3-й пех. дивизии (11 Псковский и 12 Великолуцкий), 2 полка 61-й пех. дивизии (243 Холмский и 244 Красноставский) и один полк 35-й пех. дивизии (140 Зарайский) с двумя артиллерийскими бригадами (6-й и 61-й). Кроме того, по близости, в дер. Александровке, к югу от Козениц, находилась 1-я бригада 61-й пех. дивизии (241 Седлецкий полк и 242 Луковский полк), бывшая в корпусном резерве. [1]

Эти силы, не принимая даже во внимание корпусный резерв, были довольно значительны и совершенно достаточны для борьбы с наступающими на Козеницы австрийцами, если бы все части находились в полном своем составе и если бы среди них не было резервных частей, плохо сколоченных и не обстрелянных. Относительно полными были полки последней категории, а также 11 пех. Псковский полк. Что же касается Великолуцкого и Зарайского полков, то первый был лишь остатками прежнего полка, а второй, хотя и сохранил полную численность батальонов, но количество людей в батальонах едва достигало половины своего прежнего состава.

На левом фланге, отделенном от остальных частей довольно значительным оврагом, находился 243 Холмский полк с двумя батареями. [2] Поздно вечером 9 октября и этот полк был подчинен командиру 61-й пех. дивизии.

Приказы командира 61-й пех. дивизии сводились к следующим указаниям. Ранним утром 10 октября три полка — Зарайский, Красноставский и Холмский [3] — должны начать одновре-

---

[1] Трудно установить, были ли оба полка в резерве, так как, когда в лесу произошла катастрофа, о которой будет речь ниже, командир 61-й пехотной дивизии подтянул к себе по своей личной инициативе Луковский полк.

[2] Первоначально этот полк действовал совершенно самостоятельно; при полку находился к-р бриг. 61-й п. див. ген.-майор кн. Орлов.

[3] Перечисляю в порядке их расположения, начиная с правого фланга.

менное наступление. Цель действий — овладение дер. Августово и выход на южную опушку леса в сторону дер. Едвабно; так

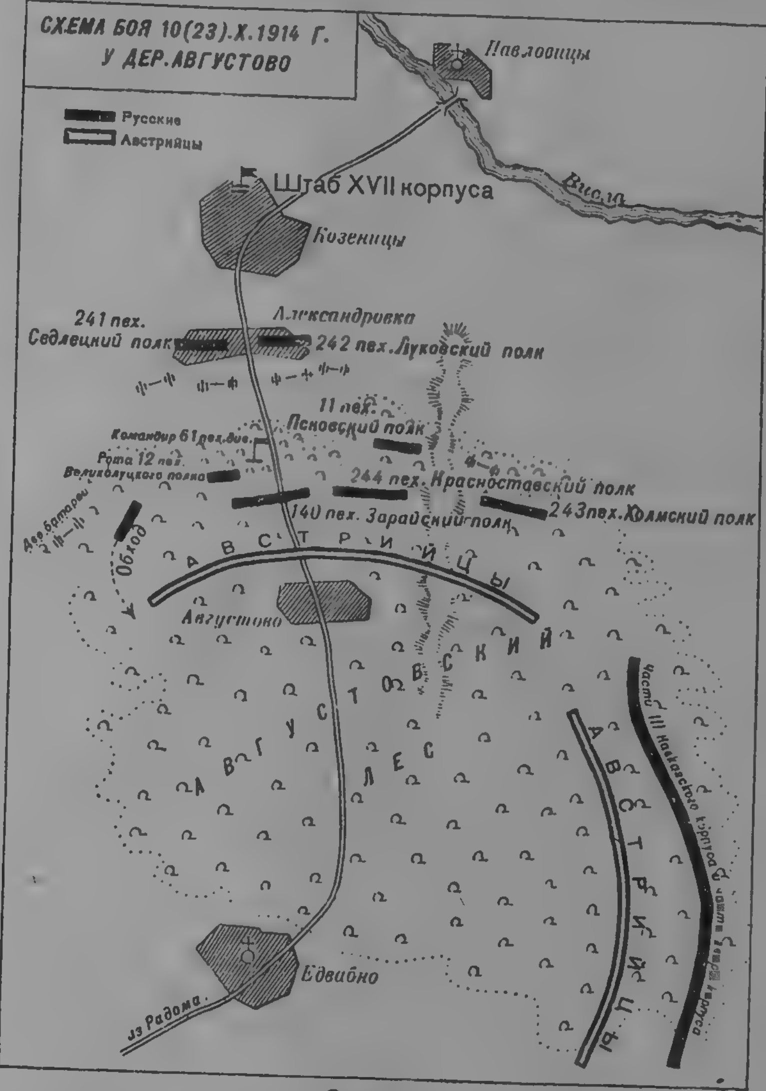

Схема I.

как накануне, т. е. 9-го числа, неприятель, стремясь обойти левый фланг русских, постоянно пользовался упомянутым овра-

гом, командир 244-го Красноставского полка получил приказ ни в коем случае не удаляться от оврага и выдвинуть по его дну особую часть для охранения и связи с соседним Холмским полком; части Великолуцкого полка с двумя батареями 3-ей артил. бригады, поддерживаемые ротами Зарайского полка, должны были охватить на левом фланге неприятельскую позицию у дер. Августово. В резерве командира дивизии оставался 11 Псковский полк и отличные, молодцеватые роты, только что прибывшие на пополнение Великолуцкого полка; Псковский полк должен был продвигаться за левым флангом Красноставского полка, а роты пополнения в случае необходимости поддерживать намеченный охват.

До $12^{1}/_{2}$ часов действия развивались благоприятно, и можно было смело ожидать, что деревню Августово удастся занять даже без значительных потерь. Но около 13 часов 244 Красноставский полк не выдержал. Применительно к шаблону, господствовавшему в мирное время, направляющим батальоном оказался не левофланговый, несмотря на указания командира дивизии, а правофланговый 1-й батальон. Вследствие этого полк оторвался от оврага, и австрийцы вновь получили возможность продвинуться частью сил низом оврага. Одновременно с появлением их на левом фланге Красноставского полка, с правой стороны грозно по лесу грянули выстрелы двух батарей части, заходившей австрийцам во фланг. Эти батареи весьма запоздали, их с большим трудом удалось втянуть в лес, за то они весьма удачно взяли австрийские позиции под фланговый огонь.

У противника произошло замешательство и, повидимому, он вынужден был начать отход. Однако, дела пошли иным путем. Оглушенные громом своих орудийных выстрелов, непривыкшие к лесным боям, неумело руководимые неопытными прапорщиками запаса,[1] рядовые в *паническом страхе* начали бежать частью вправо, вдоль линии, занятой Зарайским полком, частью назад к северному выходу из леса. Впереди удиравших лесом бежали прапорщики, впереди 9-ой роты бежал без шапки молодой, молодцеватый с виду фельдфебель.[2] По дороге из

---

[1] Большую часть кадровых офицеров полк потерял еще во время первого боя, 15 августа, у дер. Василев (в Вост. Галиции).

[2] На следующий день во время обхода частей командир 61-ой дивизии лично снял с этого фельдфебеля знаки его звания и перевел его рядовым в другую роту; 4 ноября того же года в первом сражении

Августова медленно отходило несколько офицеров, а затем поспешно прошел командир полка. Все оправдывались необходимостью отыскать полковое знамя, а командир полка — необходимостью принятия мер для его спасения.[1] Словом — обычная картина войсковой паники.

Вскоре той же дорогой спешил обезумевший командир Зарайского полка и, не обращая внимания на стоящих рядом солдат дивизионного резерва, стал докладывать командиру 61-ой дивизии о том, что Красноставский полк внес панику в его два батальона и что Зарайский полк также отхлынул назад. Так как попытки успокоения паники в большом и густом лесу оказались совершенно напрасными, оставалось только одно — уменьшить, насколько возможно, ее пагубные последствия. Командир дивизии тотчас же отдал распоряжение об отводе назад обеих охватывавших неприятельский фланг батарей, и лично повел к северной опушке леса находившиеся при нем роты Великолуцкого полка. Роты неоднократно пытались прибавить шагу и, быть может, последовать примеру Красноставского полка, однако, командир дивизии сумел не допустить их поддаться тревожному настроению. При каждой подобной попытке он лично подавал команду „короче шаг“, и сам его подсчитывал. В итоге ему удалось благополучно вывести всю часть из леса и, стянув 242-й полк, задержать дальнейшее продвижение австрийцев.[2]

Левофланговый Холмский полк, охваченный с правого фланга продвинувшимися по оврагу австрийцами, также остановился, но когда находившийся при полку ген. Орлов куда-то пропал, полк поспешно бросился назад на линию своего исходного положения.

под Краковым, лишенный звания фельдфебель, заметив, что австрийский огонь по какой-то причине прекратился, вызвал другого рядового и вместе с ним направился к неприятельским окопам. Спустя 10 минут он вывел оттуда 2 австрийские роты с офицерами, всего более 200 чел. Свидетель этого дела, к-р дивизии тут же на месте восстановил его в звании, перевел в его прежнюю роту и исходатайствовал ему Георгиевский крест.

[1] В данном случае это были обычные отговорки, хотя основанием они имели то опасение, какое пережили офицеры Луковского полка, когда 16 августа 1914 г., во время нападения австрийской кавалерии, отходя в темноте, полк потерял свое знамя, и затем опасались, что полк расформируют.

[2] Туда же по приказанию командира корпуса был двинут 241-й пех. Седлецкий полк.

Вследствие этой неожиданной паники в Красноставском полку, не говоря уже о том, что не был осуществлен отличный план действий, могла произойти большая катастрофа, так как австрийцы имели значительный перевес сил. Несмотря на то, что к вечеру 10-го числа был подтянут весь XVI корпус, продвинуться к Августову и овладеть лесом все-таки не удалось. Австрийцы отступили только 13 октября, когда совершенно явственно определился успех III Кавказского и гвардейского корпусов, наступавших в общем направлении на Ивангород (Демблин) — Едвабно, т. е. на их тылы.

Примеров, когда случайная паника сводила на-нет действия, обещавшие самые лучшие результаты, можно привести весьма много. Ограничиваюсь однако, этими двумя мало известными или вовсе неизвестными примерами, считая, что они достаточно объясняют основную мысль, высказанную еще до меня ген. Додиньяком, а именно: „Результаты паники могут быть страшны“.[1] В главе, посвященной истории наиболее известных случаев паники, увидим, какое, например, ужасное положение могло бы создаться для французов в 1809 г. под Ваграмом вечером после выигранного сражения, или для русских в 1877 г. на всем их театре военных действий в Болгарии, если бы людям, панически бежавшим к мостам у острова Лобау и у города Систова, удалось неумышленно или сознательно уничтожить эти мосты, чтобы поставить между собою и врагом столь могущественную преграду, как Дунай. Нет ничего удивительного, что охранявший мосты в Систове достойный высокого уважения ген. Рихтер, командир саперной бригады, подвергся в этом момент столь сильному душевному потрясению, что это отразилось на всем его организме, и впоследствии, когда он уже был командиром XVI корпуса в Витебске, он неожиданно для всех покончил жизнь самоубийством.

НЕДОВЕРИЕ К СВОИМ ВОЙСКАМ И ПАНИКА

Имеется еще одна особенность паники, не так резко бросающаяся в глаза, как ее внешние результаты, но, кто знает, не более ли грозная. Если только командир начнет допускать, что его части, вследствие ли своего состава, способа формирования или степени боевой подготовки, склонны к па-

---

[1] **Додиньяк**, стр. 172.

нике, — он будет иметь в руках оружие, которому сам не доверяет, и неизбежно окажется связанным в своих решениях. Следствием этого явится то, что иной раз, зная, каким путем ему следует итти, чтобы добыть победу над врагом, он будет от него отказываться из опасения, что его части не сумеют „пойти по этому пути". Избирая же худший, менее решительный, но более простой путь, на который сам вступает неохотно, и вследствие этого терпит поражение, он в свою очередь теряет доверие войск, столь важное во время боя. Отсюда проистекает взаимное недоверие, а в результате его многократные успехи врага.

Недостаток веры в свои собственные войска не исключение, а довольно частое явление. Вся стратегия и тактика европейских армий XVIII века были построены на основе недостатка доверия. [1] В 1812 г. Кутузов не решился предпринять под Можайском маневр, не веря в способность войск его выполнить. [2] Суворов во всех боях основывал успех на способности своих войск сражаться, но не на способности маневрировать. Глубокий знаток солдатской души, он был уверен, что в первом случае войска его не подведут, но постоянно сомневался в том, что уже опытный, но мало культурный солдат созрел для производства сложного маневра, например, охвата флангов.

В этой боязни маневра и в недоверии к собственным войскам русские не были одиноки.

Приведя ряд неожиданных для него паник, которые охватывали части австро-венгерской армии в начале мировой войны,

---

[1] Невозможность полагаться на солдата, вступившего в армию по вербовке, который был совершенно не заинтересован результатами войны, подтверждалась громадным дезертирством. Следствием этого являлась необходимость иметь солдата постоянно на глазах, т. е. двигаться в сомкнутых строях и становиться плотным биваком; для боя было необходимо выбирать ровную местность и применять сомкнутые строи и боевые порядки. Отсюда стремление „вести бой, стоя на месте, и для усиления себя прибегать к содействию местности, — к крепким позициям." (Леер, „Метод военных наук", 1894 г. стр. 80.)

[2] Nos troupes ne sont pas assez maneuvrières", сказал Кутузов и оставил мысль о переходе в наступление против французов 27 августа 1812 г., т. е. на следующий день после можайского сражения, когда по существу безусловно следовало перейти в наступление, а не занимать обычной оборонительной линии, как то имело место 26 августа. (Из воспоминаний А. С. Михайловского-Данилевского, „Русская Старина", 1897 г. апрель, стр. 474.)

Конрад с горечью пишет в своем дневнике: „В подобных случаях совершенно невозможно создавать какие-либо подсчеты, хотя бы на половину верные. Надо пройти сквозь это самому, чтобы видеть, что значит работать инструментом, ломающимся в руке.“ [1]

В 1917 г. после двух с половиной лет позиционной войны все разучились маневрировать. Сознание этого недостатка вызывало в высшем французском командовании боязнь маневренной войны, единственного способа быстрого окончания тяжелой борьбы, к которому стремилось само командование в предыдущие годы, делая неоднократные попытки прорвать неприятельский фронт. „Случилось то, что произошло с тигром, который в гамбургском зверинце проломил клетку. Получив свободу, он был так этим поражен, что забился в угол клетки“. [2] Это явление основывалось на совершенном отсутствии доверия высшего командования к своим ближайшим помощникам и к своим частям, которые свыклись с особыми свойствами и всем укладом позиционной жизни.

МЕРЫ БОРЬБЫ С ПАНИКОЙ В ПРОШЛОМ

Боясь паники, как грозной катастрофы, все вожди всех времен упорно боролись с этим явлением. Действовали они, однако, необыкновенно примитивно. Не исследуя явления во всем его разнообразии, не углубляясь в основные причины паники, вожди эти признавали и пропагандировали одно средство противодействия — *страшные наказания.* Они старались побороть панику возбуждением страха перед своими командирами. Греческий вождь Клеарх говорил, что солдат должен бояться своего командира более, чем неприятеля. Много сот лет спустя Фридрих Великий повторял почти дословно то же самое, твердя, что солдат больше должен бояться палки капрала, чем неприятельской пули или штыка. Также и древний Рим применял самые крайние средства противодействия бегству: каждый солдат, покидавший поле битвы, наказывался смертью, а в части, обнаружившей трусость, наказывался десятый. Тем не менее, тактика древнего Рима считалась с моральным уровнем войск, и постановка лучших солдат легиона

---

[1] „Aus meiner Dienstzeit“, t. IV, стр. 649.

[2] Владиславский-Кершин, „Наступление французов весной 1917 г.“ („Военная мысль и революция“, Москва, 1922 г., стр. 21).

(triarii) в третью линию за более слабой частью состава была именно предупредительным средством на случай паники.

Несмотря на проверенную опытом (военной историей) безрезультатность карательных средств, находится еще и ныне много людей, даже высоко культурных, которые советовали и сами хотели действовать по примеру Клеарха. Бывший военный врач румынской армии доктор медицины Компеано, автор труда „Опыт военной психологии индивидуальной и общей“ (Петербург, 1902 г.) советует преодолевать упадок духа или, как видно из его вступительных слов, панику при помощи самых суровых мер наказания, чтобы трусы знали, что враг, может быть, их убьет, а, может быть, и нет, а свои при первой попытке бежать расстреляют их наверное. „Если они будут в этом убеждены, то предпочтут риск славной смерти неизбежности смерти позорной.“ [1] Президент трансваальской республики Крюгер во время сражения под Попляр-Гове отдал приказ расстреливать всех панически бегущих буров. Такой же приказ отдал ген. Гувион-Сен-Сир одной из французских батарей 18 августа 1812 г. в сражении под Полоцком, когда нужно было задержать бежавшую, вследствие появления в тылу русского кавалерийского полка, кавалерийскую бригаду, которая во время бегства закрыла на левом фланге огонь французской артиллерии. [2] 10 января 1871 г. накануне сражения под Ле-Ман ген. Шанзи (Chanzy) отдал следующий приказ: „Каждый корпус должен охранять свои тылы при помощи кавалерии, собирать беглецов и принять меры против всякого рода разложения войсковых соединений. Беглецы должны быть приведены на позиции и поставлены в первую стрелковую линию. Если бы они пытались бежать, их надлежит расстреливать“. [3]

Я еще вернусь к двум рассказанным выше эпизодам, но уже с другой целью. Здесь я привел их только как пример старых, [4] однако все еще существующих, хотя уже и отживающих взглядов. Отмечу еще для полноты картины, что приказы Крюгера и ген. Гувион-Сен-Сир не были исполнены. Солдаты

---

[1] Компеано, „Опыт военной психологии индивидуальной и общей“, Петербург, 1902 г., стр. 117.

[2] Пфюль, Ф., стр. 53; Додиньяк, стр. 83.

[3] Додиньяк, стр. 129.

[4] „Старых“, принимая во внимание, что я говорил о жестокости древнего мира и эпохи войн Фридриха Великого.

не могли решиться стрелять в своих товарищей, хотя с военной точки зрения последние, несомненно, были преступниками. О том, как в действительности был выполнен приказ ген. Шанзи я никаких данных, к сожалению, не имею.

Французский автор, пор. Пинуар (Pinouard), в своем исследовании, посвященном панике, указывает, что число паник уменьшилось, когда в средние века правители государств начали вводить *наемные* войска, которых удерживала на поле сражения надежда на грабеж и добычу. Тот же автор далее говорит, что „французская революция сплотила старых и молодых солдат и в высшей степени пробудила их энтузиазм“.[1] Действительно, случаи паники стали встречаться как будто бы реже. Другими словами, он причисляет отмеченные явления к числу тех средств, которые пытались применять в разное время, как правители государств, так и вожди для борьбы с паникой. Этот взгляд автора приобретает большое значение не только потому, что вытекает логически из существа ранее сказанного, но и потому, что автор одновременно приводит другой пример борьбы с паникой, который дал отличный результат, хотя был чрезвычайно далек от жестокого метода древнего мира и эпохи Фридриха Великого. „Суворов, пишет он, достигает великолепных результатов путем настойчивого *воспитания* солдата и укрепления железной дисциплины“.

О методе Суворова я буду говорить ниже, здесь же отмечу, что пор. Пинуар безусловно не прав: паника среди наемных войск была так же часта, как и среди тех, которые формировались по-иному. Автор, видимо, не принял во внимание одного любопытного явления. Наемные войска не любили кровавых боев, и все их усилия приводили не к достижению решительной победы над неприятелем, который являлся таким же наемником, как и они, и на другой день мог оказаться вместе с ними на службе одного и того же государства, но лишь к более или менее добросовестному, без особого самопожертвования, исполнению договора. Что же касается солдата-гражданина французской революции, то он, без сомнения, подавал большие надежды.

Армия, которую начали создавать путем набора, получила уже не самых плохих, как при вербовке, а самых лучших людей. Солдат проникся высоким идеалом — *отечества*, вы-

---

[1] „Братская помощь“, 1908 г., № 7, стр. 23.

двинутым на первый план. „Все наши чувства и устремления,— говорит Стендаль (Stendhal),—сосредоточились в одном — быть полезными отечеству; все прочее: обмундирование, продовольствие, карьера, все это казалось ничего незначащей мелочью". Нет ничего удивительного, что основным мотивом военного искусства той эпохи является полное доверие к солдату. Отсюда вытекает возможность расчленения построений, стремление к наступлению, возможность реквизиций и т. п.

Однако надежда, что вследствие хорошего подбора солдат значительно уменьшится количество паник и панического бегства, не оправдалась. Французский инженер полк. Вувилье (Vouviliers) старательно исследовал в своем труде[1] весь период революционных французских войн и их естественного продолжения, — императорских войн — с 1792 по 1815 год, и насчитал в течение этих 24 лет во французской армии более 300 случаев наники.[2] Между тем Вувилье не принимал во внимание отдельных эпизодов в разных войсковых частях, ни мелких происшествий так называемых „paniques de detail'"[3] ни катастроф этого рода, которые по тем или другим причинам не дошли до общего сведения. Кроме того, я должен отметить, что пор. Пинуар в своем труде не использовал и, вероятно, не мог использовать статистических данных. По этой причине его заключение было, как видим, довольно голословно.

В наше время борьба с паникой путем ее *предупреждения* (до ее начала) и *противодействия* (когда она случится) становится еще более необходимой, так как количество случаев паники в будущем не уменьшится, но, наоборот, значительно возрастет.

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПАНИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЕ.

Военный мир в настоящее время стоит на перепутьи и переживает небывалый кризис.

С момента появления на боевой линии не профессиональной армии, а вооруженных народов, в военную область вторглись

---

[1] „Essais sur de nouvelles considérations militaires", Paris, 1843.

[2] Додиньяк (стр. 75) пишет, что упомянутый период начался двумя паниками около Лилля в 1792 г. и окончился паникой под Ватерлоо 18 июня 1815 г.

[3] „Незначительная (частная) паника".

элементы, затрудняющие правильное применение основ военного искусства. Появились многомиллионные армии, которые в качественном отношении оказались без сравнения менее заслуживающими доверия, чем предыдущие постоянные, так называемые кадровые армии. В море современного огня сгорели как солома основные кадры вооруженных сил, и их место *вскоре* после начала военных действий заняла милиция чистой воды.[1] В бою сразу стали выявляться все отрицательные качества этого рода войск: неспособность к наступлению или маневру,[2] привязанность к позициям,[3] тяготение к тыловым дорогам снабжения, а отсюда особая впечатлительность флангов, и капризная неустойчивость. О каком-либо ином способе создания вооруженной силы никто, повидимому, не думал. Милиционная система, как утверждают ее защитники и приверженцы, облегчает призываемым службу в рядах войск, уменьшает государственные издержки на содержание вооруженной силы и увеличивает численность бойцов, заменяя таким образом ухудшение качества этих последних.

На руководящих постах этого дела, становящегося с каждым годом все более сложным и требующего, чтобы во главе его стали всесторонне образованные и опытные специалисты, стали появляться новые, мало подготовленные люди. Они старались оправдать свое участие в руководстве несомненно чуждой для них областью примером маршалов Наполеона, которые, будучи неподготовленными в военном смысле, добывали для своего императора и Франции бессмертную славу. Но они не знали однако или забывали, что, когда в 1813 г. император вывел в поле численно большие армии, то его маршалы оказались, как он это и предчувствовал, способными вести

---

[1] „После боев под Лодзью в один из полков было в скором времени прислано пополнение около 3000 человек. Это же имело место и в других полках той же дивизии. Совершенно ясно, что кадры полков, сильно разреженные в предыдущих боях, распылились среди вновь прибывших с явным вредом для частей". (Геруа, „Полчища", стр. 27.)

[2] „Милиционная организация влечет за собою ухудшение войсковых частей и командиров с точки зрения их способности к маневрированию". (Геруа, „Полчища", стр. 145.)

[3] „Огонь, нанося огромные потери, заменил армию милицией, эта же, неспособная к маневрированию, схватилась за позиции, еще не укрепленные и не устроенные, но уже изменяющие группировку обеих сторон в тонкие кордонные линии, растянувшиеся на тысячи километров". (Геруа, „Полчища", стр. 148.)

действия только по „главным дорогам“, т. е. там, где положение было детски просто и где они не могли скрыться от быстрых глаз и властной руки императора. Но как только они оказались вне этих дорог, без непосредственного руководства императора, то стали терпеть поражения, например, под Денневицем и над Кацбахом.

Когда неспециалисты стали во главе специального дела, тысячелетний опыт перестал оказывать свое влияние, и новые люди должны были вести работу не от того пункта, на котором остановились их предшественники, а начинать ее снова, приобретая опыт постепенно, ценою новых потоков крови и новых поражений.

Участие неспециалистов объясняется еще тем, что в настоящее время военные задачи являются делом всех граждан. „С появлением опасности, — пишет Б. А. П., — все поняли, что впредь нельзя поручать специалистам заботу о таком исключительно важном деле, как народная защита, и что эта забота является обязанностью каждого гражданина. Инстинктивно, хотя мысль эта и не получила ясной формулировки, возвратившиеся с войны чувствовали необходимость, чтобы уже в мирное время „все были в полной готовности“.

Когда-то были военные, которые готовились к войне, и гражданские лица, которые работали над развитием благосостояния страны; ныне все граждане вместе должны выполнять одну и другую задачу. Это основа новой организации“.[1]

Следовательно, новые военные специалисты в будущем подвергнутся влиянию *с двух* сторон: со стороны людей, которые думают, что они вожди, но не имеют профессионального стажа, и со стороны тех невоенных, которые станут во главе разнообразных дел военного министерства.

УПАДОК ДИСЦИПЛИНЫ В МИРОВУЮ ВОЙНУ

Катастрофы, пережитые в течение мировой войны; революции, вспыхнувшие к концу войны, связанные с падением старых династий и многолетних тронов; роль, которую в этих переворотах сыграла вооруженная масса; непонимание народными массами, что одного желания мира мало, что войны

---

[1] B. A. P., „L'armée nouvelle et le service d'un an“. Paris (без даты), стр. 150.

никогда не прекратятся, что подобно изредка вспыхивающему Везувию они и впредь будут сотрясать земную поверхность и что поэтому надо быть постоянно готовым к новым усилиям; нерасположение к военным специалистам, как к людям не нужным при миролюбивом настроении народа и даже опасным, благодаря своему воинственному шовинизму; продолжительная, никем энергично не осиленная пропаганда так называемых „дефетистов“ и представителей интернационала — все это, вместе взятое, подорвало авторитет высшего военного командования и вызвало *неизбежный упадок воинской дисциплины.* Параллельно с этим ужасы войны и внутренние волнения, которые испытали на себе не только армия, но и гражданское население, до женщин и детей включительно, уменьшили ореол, окружавший звание солдата, который, как казалось до войны, только один стоял над бездной жертвенного подвига, награждаемого смертью, и только один имел привилегию находиться под рвущимися и свистящими снарядами.

Уже последние годы войны ясно свидетельствовали о стремительном падении воинской дисциплины. В конце 1916 г. в XII русской армии, стоявшей под Ригой, был ряд строго наказуемых происшествий; например, в 3-й кавказской стрелковой дивизии солдаты начали опрокидывать кухни с приготовленной пищей.[1] Начались беспорядки среди маршевых рот, шедших в армию.

Замечались возбуждавшие беспокойство случаи прибытия этих рот в неполном составе, так как в пути много рядовых отставало и дезертировало.[2]

В июне 1917 г. *во французской армии* также были случаи недовольства и открытого неповиновения: отказывались итти

---

[1] Пишущий эти строки получил для своей дивизии 10 рот пополнения из состава деморализованных на Северном фронте контингентов, находившихся там уже около года, следовательно, совершенно достаточное время, чтобы с корнем были уничтожены всякого рода попытки разложить войсковую часть. Означенные роты прибыли в 61-ю пех. дивизию (в Добруджу) в начале ноября 1916 г., т. е. задолго до революции.

[2] Ограничиваюсь этими мелкими примерами, так как то, что имело место в русской армии после февральской революции, и прежде всего быстрота, с какой происходил развал армии, ясно указывают, как сильно пала в ней воинская дисциплина, очевидно, еще до февральской революции.

на смену частей, стоявших на позициях, предъявляли командованию требования повышения жалования и систематических отпусков, не исполняли приказов своих офицеров; можно было слышать возгласы „долой войну“ и „долой неспособных командиров“. Потребовались особая энергия и личное влияние ген. Петена, твердая рука и разумная тактика французского „тигра“ Клемансо, призванного в конце 1917 года на пост премьера и военного министра, чтобы явления эти не повлекли за собою вредных последствий и постепенно прекратились.[1]

У *итальянцев* в 1917 г. дисциплина пала так низко, что осеннее наступление неприятеля привело к разгрому и разложению большей части их армии. Еще в марте этого же года отдельные бригады отказывались занимать боевые участки. В тылу итальянской армии собралось около 100 000 дезертиров. Нет ничего удивительного в том, что, когда австро-германские армии 24 октября перешли в наступление, сопротивляемость итальянцев оказалась не на должной высоте. Подходившие резервы встречались возгласами: „штрейкбрехеры!“ „да здравствует Австрия!“ Во время 11-го боя на Изонцо наблюдались многочисленные случаи неповиновения и бездействия со стороны начальствующего состава, происходившие, как то было выяснено на месте, вследствие недостатка дисциплины.

У *австрийцев* обнаружилось еще зимой 1914—1915 г., что поведение многих славянских полков противоречит всякой воинской дисциплине. Сдача Ярославля без боя и обороны объяснялась бунтом, неожиданно вспыхнувшим среди гарнизона этой крепости.[2]

Даже среди *германских войск* имели место страшные проявления падения дисциплины. В конце войны начались солдатские бунты прежде всего во флоте, а затем среди сухопутных войск, приведшие к проигрышу войны и полной

---

[1] Rendulic, „Militärpsichologische Studien“, 1925, стр. 31, 36, 37; Корольков, „Стратегический очерк войн 1914—1917“, II, стр. 17.

[2] По словам ген. Крамона („Quatre ans au G. Q. G. austrohongrois“, Paris, 1922, стр. 39), в бою под Сенявой полк сражался позорно, изменив, повидимому, присяге и чести, что поставило соседние части в весьма тяжелое положение. Кроме того, смотри „Zur Geschichte des grossen Krieges“, Wien, 1924, стр. 54, и Cramon, стр. 26.

капитуляции страны на милость победителя. „Мирные условия были тяжелы, — пишет Вертинский,— но армия, лишенная дисциплины, обратилась в толпу, уже неспособную к какому-либо сопротивлению.“ [1]

„В особенности в нашем (т.-е военном) деле начинают проявляться беспокойные явления в той именно области военной организации, которая вся построена на моральном фундаменте, — в области дисциплины“. [2]

Усиленно работала также неприятельская пропаганда, еще более понижая дух и дисциплину армии.

В 1917 году после неудачного наступления французов на Шмен-де-Дам (Chemin-de-Dames), между 20 апреля и 3 мая, две французские пехотные дивизии под влиянием пропаганды покинули позиции и в полном составе отошли в тыл. Все усилия офицеров задержать движение этой массы, даже не преследуемой неприятелем, разбились о недоверие солдат к их словам.

Такая же неудача встретила командира корпуса и командующего армией.

Помогла лишь удачная находчивость чрезвычайно популярного среди солдатской массы командира бригады. Части послушались его и возвратились на первую линию. [3]

Поражением под Капоретто (Caporetto) итальянцы обязаны одновременному бегству двух корпусов, которые не были даже втянуты в бой, бегству, вызванному исключительно социалистической пропагандой каких-то агентов, щедро оплаченных немецким золотом. [4]

Повторяя вкратце свои мысли и выводы, А. Геруа пишет, что „нынешние войска, по мере дальнейшего превращения их в милицию, будут с каждым разом являться все менее надежной опорой государственной власти, все менее прочным средством действий командования на театре войны и все более сильным орудием политической борьбы классов, которую эти войска могут даже вызвать и ускорить.“ [5]

---

[1] „Военный Сборник“, 1925 г., кн 6, стр. 133, из ст. „Кризис дисциплины во время великой войны“. Согласно ген. Альтроку („Deutschlands Niederbruch“, Berlin, 1919, стр. 35) революционное движение в германской армии началось еще осенью 1915 г. в Ersatz-Truppen.

[2] „Полчища“, стр. 15.

[3] Геруа, стр. 36. Ludendorff, II. 33.

[4] Le Bon. „Psychologie des Temps Nouveaux“, стр. 168.

[5] „Полчища“, стр. 40.

СОЛДАТ ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ.

Горизонты действий расширились. В 1914 году задачей стратегии было уничтожение неприятельских армий, в будущих войнах этой задачей станет уже уничтожение всех неприятельских народных сил. [1] К боевым позициям присоединится постепенно весь тыл, лежащий за ними, [2] вся страна со всем населением, территорией и богатствами. Присоединится не для того только, чтобы своим трудом обеспечивать успех боевых действий, но и потому, что по мере технического развития авиации и появления новых либо обновленных средств боя — газов и пропаганды, явится достижимым на значительном пространстве, если не на всей своей территории. Страшные и многочисленные средства уничтожения начнут сеять неизбежную смерть, охватывая со всех сторон, даже с голубого неба, не только все больший и больший круг жертв, но и нанося удары все в более и более короткие промежутки времени. В этих условиях нервы солдат и не призванного еще в ряды гражданина должны быть в настоящее время значительно более крепкими, нежели это было во времена Канн и Марафона, Лейпцига и Ватерлоо. Между тем вся общественная жизнь с ее необыкновенно быстро изменяющимися впечатлениями, с ежедневной нервной работой, с неожиданными катастрофами, с тяжелой борьбой за существование разрушает человеческую нервную систему еще до войны. „И все это [3] мы должны переживать теперь, — пишет ген. Ниссель (Niessel), — когда нравы под влиянием цивилизации смягчились, когда благоприятные условия жизни сделали человека менее способным переносить утомление и неудобства и без содрогания смотреть на кровь и зияющие раны“. [4] А между тем в будущей войне, как это было уже в русско-японской и мировой войнах, „победу будут решать не снаряды и картечь, не смерть и раны, а нервы.“ [5]

Если же ныне перейти от „человека“ к „солдату“, пишет

---

[1] Розье, „Развитие военной техники с начала войны 1914 г.“, Москва, 1922 г., стр. 6.

[2] Выше был затронут этот вопрос, в приведенной цитате из труда B. A. R. „L’armée nouvelle et le service d’un an“, стр. 150.

[3] Т. е. ужасы современной войны.

[4] Ниссель, „Психология бойца“, перев. с французск., стр. 7.

[5] Из письма есаула Краснова от 20 марта 1905 г. („Русский инвалид“, 1905 г., № 88).

А. Геруа, то окажется, что этот последний, вследствие социальных условий, становится все хуже и хуже. Юлий Цезарь считал свой 9-й легион недостаточно обученным только потому, что входящие в его состав солдаты находились на службе „едва только“ 9 лет. [1] 70 лет тому назад *новобранцы* в русской армии обучались в течение 4 лет или, вернее, не столько обучались сколько воспитывались. Ныне четырехлетняя служба считается недопустимо длинной. [2]

ВОЖДИ АРМИЙ БУДУЩЕГО И ПАНИКА

Задачи вождей в будущих войнах станут более сложными. Усилившаяся антимилитаристская пропаганда, совершенно определившиеся стремления к немедленному разоружению, и непризнание войны, как явления, находящегося *вне человеческой воли*, отнимают постепенно у вождей средства соответствующей подготовки будущих бойцов, лишают подготовку к войне целостности и всесторонности и ставят перед вождями задачи, которые они не в силах разрешить; ведь, когда загремят орудия будущей войны, общественное мнение и „вооруженный народ“ потребуют от них предварительной старательной подготовки и, несомненно, удивятся и возмутятся, если этой подготовки не окажется и вооруженный народ принужден будет выйти на встречу своему врагу, как те евангельские девы, которые не названы мудрыми.

Не следует забывать, что если даже Европа искренно разоружится, то это еще не значит, что войн не будет. Быть может, они прекратятся на европейском континенте, но не на других, где европейские народы расценивают свои интересы, кто знает, не выше ли европейских. Цветные расы, до сего времени смотревшие безразлично на европейские войны, призванные в 1914 году на франко-германский фронт, обученные и в известной степени политически просвещенные, могут высказать желание проливать свою кровь не за дела метрополии, а за свою свободу и независимость. „Мировая военная история, — пишет В. А. К., — не окончится даже тогда, когда Европа станет единым великим государством, в котором поумневшие народы создадут новые провинции. Дорога с востока,

---

[1] Ardant du P i e q, „Etudes sur le combat.“ Paris, 1903, стр. 94.
[2] „Полчища“, стр. 193.

дорога великих нашествий, останется открытой и поведет навстречу великой загадке, которую скрывает Восток.“ [1]

Идя в указанном только что направлении, европейские народы подготовляют себе мало опытных вождей и солдат, которые не окажутся на высоте требований будущих столкновений, превосходящих своей жестокостью все, что до сих пор видел мир. Задачи становятся все сложнее и тяжелее, а основной элемент борьбы — человек — вождь, или обыкновенный рядовой — все менее способным к этой борьбе как с точки зрения физической, так и моральной силы. Если бы даже это ухудшение фактически и не было, то самые основы эмоциональной природы человека содержат большие опасности, так как они остаются неизменяемым [2] элементом боя, в то время как другие элементы эволюционируют, принимают все более грозные и сложные формы и идут в своем развитии явно не на пользу человека.

По мере увеличения розни между этими элементами с одной стороны и человеком с другой, момент, когда человек потеряет волю к дальнейшему ведению боя, будет становиться все ближе. [3] Вследствие перечисленных ранее условий все это приведет к тому, что плохо воспитанные, слабо обученные и недостаточно сплоченные войсковые массы постепенно превратятся в толпу, [4] *невероятно легко поддающуюся панике.*

Другими словами, случаи паники в будущих войнах не только не прекратятся, но станут чаще, значительнее в своих размерах и более грозными по своим последствиям, т. к. панику в толпе и предусмотреть и прекратить несоизмеримо труднее, чем в войсковой части. Вместо отдельных войсковых групп бегство будет охватывать целые армии, и никакие новейшие технические средства, многочисленные пулеметы и танки, улучшенные средства обороны, покрытие человека панцырем не помогут и не спасут, так как каждое оружие, на-

---

[1] „L'armée et le service d'un an“, стр. 154.

[2] Только в течение тысячелетий подвергается изменениям и потому с известным приближением может быть признан неизменяемым только один элемент — основы эмоциональной природы человека.

[3] Т. е. промежуток времени между началом боя и утратой боеспособности войсковой частью должен неизбежно уменьшаться. *Ред.*

[4] Шум и беспорядок сражения, разрывая органические соединения, содействуют потере монолитности армии и делают ее вновь толпой, особенно нервной и легко поддающейся внушению“. (Niessel, „Психология бойца“, стр. 4.)

ступательного или оборонительного характера, постольку ценно, поскольку не теряет присутствия духа человек, держащий его в руке или пользующийся им, чтобы защититься от грозящей отовсюду смерти.

МЕТОДЫ БОРЬБЫ С ПАНИКОЙ

Следовательно, борьба с паникой ставится в порядок дня, как один из капитальнейших вопросов, и в настоящий момент, когда после громадного опыта невиданных до сего времени усилий, военные, находясь на распутьи, ищут новых форм для всех почти своих разнообразных дел, она должна обратить на себя особое внимание высшего руководства. Военное дело требует создания *чего-то*, подобного „триарии“ римских легионеров, понимая под этим все те, самые широкие и разнообразные средства, которые, подобно организованной в легионах третьей линии, были бы одновременно средствами предупредительными и противодействующими.

Ограничиться исключительно капральской палкой и жестокими карами в наши времена уже немыслимо. Предшествующий опыт показал, что это малодействительные средства. Кавалерия Фридриха Великого перед ее реорганизацией бегала в паническом страхе чаще, чем пехота, так как, будучи равной пехоте в отношении способа организации и господства в ее рядах капральской палки, имела, кроме того, непосредственный соблазн обратиться в бегство, использовывая быстроту коня. [1] Когда же после сражения под Мальвитцем Фридрих II совершенно изменил систему организации кавалерии, тяжесть боев и слава побед достались ей, и бегала теперь только пехота. Если французский генерал Кардо (Cardot) не может указать в войсках Суворова ни одного случая паники, [2] то это потому, что, не прибегая к жестоким мерам, Суворов проводил глубоко продуманную *воспитательную работу*, основанную на тщательном изучении и чутком понимании психологии солдата, слабых сторон солдатской души и сильных сторон разумной военной педагогики.

---

[1] А бежать на лошади так легко, говорил один из генералов Фридриха II.

[2] „Не знаю случая паники в войсках Суворова; еще более, я не представляю себе какой-либо паники, прорыва, капитуляции ни в какой армии, предводимой и воспитанной командиром, подобным Суворову“. (D a u d i g n a c, стр. 114.)

На этот путь, указанный Фридрихом Великим и Суворовым, должны вступить руководители современных войсковых масс, с той разницей, что, *не обладая гениальностью этих вождей прошлого*, они должны начать со *всестороннего изучения* паники, [1] т. е. с познания того, как *возникает* паника, как она *протекает*, чем ее можно *предупредить*, а если вспыхнет, то каким образом *ее быстро прекратить*. Ясно, что прежде всего требуется собрать возможно больший фактический материал, подвергнуть анализу ряд точно установленных случаев и только после их классификации и оценки приступить к извлечению соответствующих выводов.

Иначе говоря, следует от *капральской палки* перейти к *серьезной военно-научной работе* и пользоваться для нее столь малоизвестным в военной среде вспомогательным средством, как *общая и особая*, т. е. специально *военная психология*.

---

[1] „Инстинктивное решение сложных вопросов жизни является уделом гениев, пишет Головин, они только могут в мгновение ока, божеским ясновидением, познать сущность явления и поступить так, чтобы ход этого явления направить согласно своей воле. Обыкновенный человек, человек-командир, а имя им легион, и они создают жизнь, особенно в нашу эпоху, не обладая даром божеского ясновидения, вынуждены расчленить свою работу на познание явления и руководство им. В тех случаях, когда происшествия касаются интересов государства, они обязаны, отдавая время и труд, пополнить то, что отделяет их от гения. *Поэтому-то они должны посвятить самое большое время самому добросовестному изучению явлений паники*". („Исследование боя", стр. 130.)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ХАРАКТЕРИСТИКА МАТЕРИАЛОВ, ПОСВЯЩЕННЫХ ПАНИКЕ

И вот мы встречаемся с первой и довольно значительной преградой. Изучение вопроса о панике в высшей степени затрудняли и до сегодня затрудняют следующие обстоятельства: 1) общий недостаток материалов, 2) недостаточная их ценность, 3) недооценка указаний такой основы изучения, какой является психология, 4) недостаточная проработка военной психологии, как части общей психологии, и 5) относительно позднее выступление военных на путь научного изучения паники.

Недостаток материалов объясняется тем, что паника считалась явлением позорным, так как она бросала темное пятно и на командиров, которые якобы не умели оказать противодействия ее возникновению, а затем прекратить, и на части, которые поддались ее влиянию и тем самым как бы забывали о чувстве долга. Вследствие этого о панике писало не много людей, а те, которые имели в своем распоряжении наиболее ценные факты и документы, т. е. лица, занимавшие высокое положение, старались, как правило, о ней промолчать. Что же удивительного, если относительно еще недавно и военная история упорно молчала об этих явлениях, особенно, когда случай паники не имел решающего влияния на результат действия.[1] Характерным исключением в этом направлении была литература о сражении над Россбахом. Паника союзнических цесарских и французских войск была описана, но все это сводилось к тому, что оба союзника „в письменном споре, продолжавшемся целые годы, взаимно обвиняли друг друга в ошибках и старались свалить вину на чужие плечи“.[2]

Люди, считавшие, что о случаях паники следует молчать, поддерживали свой взгляд чисто практическим и на первый взгляд,

---

[1] Pfülf, стр. 15.
[2] Там же, стр. 15.

казалось, обоснованным рассуждением: „Замалчивание случаев паники объясняется само собою, — пишет ген. Додиньяк. — Неприятель не упустил бы случая использовать и соответственно разъяснить их проявления, но он почти всегда ничего о них не знает, а, следовательно, бюллетени заинтересованной стороны, очевидно, их замалчивают. Мы требовали бы слишком много от рапортов, поспешно редактируемых после боя еще под влиянием пережитых впечатлений, в общем весьма понятных, домогаясь, чтобы они излагались совершенно беспристрастно вплоть до описания упадка духа, который, нужно сказать, часто имеет своим источником первоначальные ошибки командования.“ [1]

В результате вопросами паники занималось весьма немного военных писателей. „Паники имели место во все времена и во всех армиях; нет более частых происшествий в поле, и, однако, нет таких происшествий, о которых военная история говорила бы меньше.“ [2] К этому можно еще добавить, что в большинстве случаев вопросы паники не выделялись из среды тех обширных и более сложных задач, с которыми они сливались, а именно из боевого задания, рассматриваемого с психологической точки зрения, поведения солдата в бою и т. п. Только недавно случаям паники стали посвящать самостоятельные исследования, о чем я буду говорить позже.

Однако, и тот материал, которым мы располагаем, *не достаточно ценен*. Это объясняется следующими обстоятельствами:

а) Касающиеся этого вопроса официальные описания мало достоверны. „Нет, пожалуй, явлений, в которых правда, сознательно или несознательно, была бы до такой степени искажена, как в отчетах о случаях паники, говорит Пинуар (Pinouard); сознательно, когда командиры намеренно скрывали момент упадка духа своих частей, не желая публично бросать тень на солдат, мужество, отвага и даже героизм которых были им хорошо известны; несознательно — когда, принимая участие и выполняя активную роль в этой драме, они сами подвергаются влиянию слагающихся обстоятельств, что прежде всего проявляется в потере способности спокойного наблюдения явлений.“ [3]

---

[1] Daudignac, стр. 75.
[2] Там же, стр. 74.
[3] „Братская Помощь“, 1908 г., № 7, стр. 22.

б) Высшее командование обычно не знает подробностей происшествий, имевших место на самом поле сражения, и, по необходимости, пользуется показаниями низших командиров или рядовых, которые искренно рассказывают то, что видели и пережили, эти показания имеют однако те недостатки, что люди, передающие их, вследствие узости поля зрения, часто не отдают себе отчета не только в общем ходе событий, но даже в том, что делается на их участке.

Откровенные и на вид заслуживающие доверия свидетели из среды младших начальников часто сообщают такие же малоценные данные, как и те, которые под влиянием разноречивых сведений описывают люди, занимающие большие посты, и даже высшие начальники. Бесспорнен факт, что часто непосредственные участники и свидетели сражения, рассказывая о ходе боевых происшествий, доходят до того, что весь бой, иной раз весьма поучительный и относительно счастливо и разумно проведенный, сводится в их понимании к какому-то незначительному делу, имеющему только личное для них значение; из этого мы можем понять, как наивно, неполно и неправильно отдают себе эти люди отчет в подробностях боя, относящихся к явлениям столь тонкой природы, как область психологии.

Чтобы меня не обвиняли в голословности, укажу на интересный пример, приводимый автором известных „Записок“ А. Т. Болотовым. Это был человек для того времени вполне образованный и весьма наблюдательный. Редактор „Русской Старины“ М. Семевский, издавший „Записки“, называет его даже „представителем избранного русского общества XVIII века“, который развернул свои врожденные способности благодаря трудолюбивому изучению наук, отечественной и иностранной, „особенно“ немецкой литературы. Несмотря на это, все сражение под Гросс-Эгерсдорфом (Gross-Egersdorf), единственное сражение семилетней войны, в котором Болотов принимал участие, весьма интересное и сложное с точки зрения положения обеих сторон и развития действия, а также весьма кровопролитное, [1] с полное необыкновенных эпизодов и примеров мужества русских частей, и блестяще выигранное русским главнокомандующим гр. Апраксиным, сводится Болотовым, судя, по крайней мере, по его „Запискам“, к конной атаке донских

---

[1] Русские потеряли в своих рядах 5943 человека, пруссаки—4155.

казаков на левом фланге русского расположения,[1] т. е. к относительно мелкому конечному эпизоду генерального сражения. Ходя автор находился в рядах части, не принимавшей непосредственного участия в бою, следовательно, в условиях облегчавших ему спокойное наблюдение,[2] он не понял того, что разыгрывалось на его глазах, не оценил тактического искусства казаков, которые применили свой излюбленный способ действия, и совершенно незаслуженно и презрительно назвал их „ни на что не пригодными бойцами". А ведь впоследстии на „Записки" Болотова ссылались, как на свидетельство беспристрастного и внимательного наблюдателя.

Мне пришлось слышать рассказ одного из участников боя под Базарджиком, происшедшего 25-26 августа 1916 года. В этом рассказе события, хорошо мне известные, приобрели характер чуть ли не панического отступления русских частей на исходные позиции. В действительности же ничего подобного не было, и только сам автор рассказа, слабо ориентировавшийся на местности, во время отхода ошибочно направился в сторону противника, а когда заметил ошибку, искал спасения в состоянии, близком к панике. Естественно, что это индивидуальное и совершенно случайное состояние он позже перенес на весь сложный и с многих точек зрения весьма интересный бой.

Если возьмем в руки те листки дневника А. Симанского, в которых этот офицер гвардии Измайловского полка говорит о сражениях под Можайском и под Кульмом, то никто, прочтя их, не почувствует, что одно из этих сражений имело мировое значение, а другое являлось началом разгрома Наполеона в 1813 году. Однако, свои заметки автор писал непосредственно после обоих сражений.

в) Описание эпизодов боя является в общем трудной задачей.

„Описание боя в обстреливаемой полосе, пишет А. Витмер, в той потрясающей обстановке, в которой разыгрывается бой, приводит свидетелей его к невольным уклонениям от правды, и не только к уклонениям, но даже к полному искажению действительности, в большинстве случаев совершенно невольному. Впечатления от боя столь грозны, сильны и столь мало

---

[1] Атака Серебрякова на прусскую конницу кн. Гольштинского.

[2] По словам Болотова, он находился „в столь счастливом месте, в каком каждый охотно пожелал бы находиться во время боя".

уловимы, что наиболее добросовестный свидетель неоднократно впадает в конфликт с правдой и вводит в заблуждение историков. Характерным примером этого является свидетельство Шрекенштейна, участника сражения под Можайском и непосредственного свидетеля героических подвигов при взятии редута Раевского. Он говорит: „Кажется, я хотел отыскать Тильмана,[1] но скажу правду, у меня обо всем этом осталось только смутное воспоминание. В таких обстоятельствах человек обыкновенно подчиняется мгновенному побуждению, не отдавая себе отчета в том, что он делает, а потом, слыша рассказы других, перепутывает с ними и то, что сам видел". Какое же значение может иметь показание такого свидетеля даже при полнейшей его добросовестности? А ведь добросовестность не является качеством, присущим всем людям. Немецкие авторы утверждают, например, что редут Раевского (Курганная батарея) был захвачен саксонскими кирасирами Тильмана; французы же приписывают эту честь французской кавалерии."[2]

В данном случае разница в подтверждении факта вытекала из народной гордости; однако, можно привести разные примеры, где участники боя, не имея никаких оснований для противоречий, дают, однако, различные показания, об эпизодах, про которые нельзя сказать, чтобы их было трудно обнять. Так, например, полк. Липранди, доблестный участник боя за редут Раевского, говорит, что редут отобрали обратно якобы русские части, а именно ген. Ермолова в 9-ом часу утра; по показанию же самого Ермолова оказывается, что факт этот мог иметь место не ранее как в полдень, так как только тогда Ермолов выехал из дер. Горки.

Поэтому не следует удивляться, что история войн заключает в себе так много эпизодов, находящихся под знаком вопроса. Справедливо сказал Веллингтон, что описать сражение также невозможно, как описать какой-либо бал. Тысячи свидетелей дают свои показания, однако, они так искажены, что историческая критика беспомощно останавливается перед вопросом, что правда и что ложь. Тысячи людей, например, были свидетелями великолепной кавалерийской атаки под Се-

---

[1] Тильман — командир саксонской кавалерийской бригады; Шрекенштейн — офицер французской кавалерии, оставивший весьма интересные и ценные воспоминания о кампании 1812 г.

[2] Витмер (б. проф. русской Акад. ген. шт.), „Бородинский бой" („Военно-исторический сборник", 1912 г., № 3, стр. 92).

*

даном и, однако, до нынешняго дня не удалось точно установить, кто ею руководил.[1] Английский генерал Волслей (Wolseley) утверждал, что о важнейших моментах сражения под Ватерлоо существуют совершенно ошибочные понятия. В Румынии в течение ряд лет велся горячий спор о том, принимал ли ген. Кандиапо (Candiapo) участие в штурме так называемого „греческого редута", а ведь сотни людей могли и должны были знать об этом.[2]

Если описание боя является нелегкой задачей, то что же говорить об описании моментов, главную роль в которых играла *паника*. Эти события обыкновенно бывают в конце сражения, когда участники уже измучены и физически и морально, более всего поддаются разным впечатлениями и менее всего замечают свои ошибки. В виду этого возникает вообще вопрос, в состоянии ли участники боя точно установить наиболее интересный для исследователя момент возникновения паники и могут ли они в хаосе бегства воссоздать подробности происшествия.

Замалчивая паники в своих частях, авторы весьма охотно описывают паники в войсках противника, т. е. то, что естественно им хуже известно за отсутствием тех мелких подробностей, которые являются самыми ценными при описании события. Поэтому во Франции, например, никто, повидимому, не знает, что накануне Аустерлица, вечером в день Ваграма и на следующий день после битвы под Сольферино, иными словами, в дни блестящих побед французского оружия, среди победоносных частей имели место случаи совершенно явной паники.

ЗНАЧЕНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИИ ВОЙСК

Пренебрежение военных авторов, изучающих характер войны и боя, указаниями, которые может дать психология, было одной из самых больших их ошибок. Это касается и таких явлений боя, как паника в армии.

„Человек был, есть и будет главным орудием войны", го-

---

[1] Речь идет о двух блестящих атаках кавалерийской дивизии Маргеритта (Margueritte) на части XI прусского корпуса, произведенных на глазах самого короля Вильгельма, который, не будучи в состоянии скрыть своего восхищения мужеством противника, невольно воскликнул: „Что за молодцы". Одной из бригад этой дивизии командовал известный потом ген. Галифе (Galliffet).

[2] Кампеано, стр. 44.

ворит ген. Леер. [1] „Человек будет побеждать, и человека нужно будет победить“, пишет полполк. Монтень (Montaigne). [2] „Центр душевных сил — человек, в данном случае солдат, является“, говорит также Леер, „*ключом* к выяснению всех явлений войны как *общего*, так и частного характера“. [3] Даже формы военного искусства находятся в зависимости от душевных качеств сражающегося.

Я уже говорил, что в XVIII веке существенной основой этих форм был недостаток доверия, а во время французской революции, наоборот, полное доверие к солдату. О последствиях этого я кратко упомянул. Теперь задержусь на этом более подробно.

Невозможность полагаться на солдата — следствие рекрутской системы XVIII века, благодаря которой в ряды войск попадал солдат, совершенно не заинтересованный в результатах войны и охотно бежавший из своей части, [4] вынудила придать армии характер какого-то механизма, принять сомкнутые, негибкие и неподвижные расположения, вести бой исключительно на ровной и открытой местности. стремиться к устройству укрепленных позиций, располагаться на биваках, двигаться в походах всею массою и в отношении снабжения держаться так называемой магазинной системы, связывавшей в высшей степени свободу действий частей.

Основанием такой системы был недостаток доверия к солдату, опасение, что „солдат убежит“, сознание, что он не руководствуется никакой моральной силой, а исключительно одной корыстью и является скорее животным в образе человека, которое нужно *дрессировать* и держать под вечным страхом наказаний. [5] Когда же солдата-рекрута сменил полный моральных сил солдат французской революции, призванный по принципу всеобщей повинности, тогда формы стратегии и тактики изменились. Армия того времени отличалась высоким подъе-

---

[1] Головин, стр. 31.

[2] Vainere, „Esquisse d'une doctrine de la guerre“, Paris, 1913.

[3] Леер, „Метод военных наук“, 1894 г., стр. 100.

[4] Маршал Вилляр (Villars) говорил, что фуражировка в 1703 г. в окрестностях Нейбурга стоила ему большого количества бежавших людей, нежели проигранное им сражение под Хохштедт. (Пузыревский, „Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого“. Петербург, 1889, стр. 144.)

[5] Леер, „Метод военных наук“, Петербург, 1894, стр. 87.

мом духа и горячим патриотическим чувством. На воззвание революционного правительства стать на защиту страны от набега иноземцев, как один, поднялся весь французский народ. Много лет спустя маршалы Наполеона и его современники вспоминали еще с особым чувством свою службу в революционной армии. „Пушечные ядра встречали восклицаниями: „Да здравствует родина, да здравствует свобода и равенство", говорил маршал Даву (Davout). „Чувствовал я себя точно где-то совершенно в другом мире, — добавлял маршал Мармон (Marmont), — до сих еще пор, спустя 55 лет, чувствую всю силу и подъем этих чувств, как в то время". „Никогда армия не была более дисциплинированной и преисполненной большей восторженности" — утверждал маршал Сульт (Soult) — „в эпоху этих войн доблесть армии была самой высокой". „Счастье сражаться за родину переполнило меня, как и всех французов", — говорил Ля-Валлет (La-Vallette). [1] — Солдаты награждались уже не свободой грабежа, а одной фразой: „хорошо послужил отечеству". „Амстердам с восторгом увидел, — писал Жомини (Jomini), — как десять мужественных батальонов, без башмаков, без чулок, лишенных необходимейшей одежды, вошли в его стены под звуки военной музыки. В течение нескольких часов они спокойно стояли на городской площади, среди снега и льда, безропотно ожидая распоряжения относительно продовольствия и расквартирования". [2]

Поэтому нет ничего удивительного, что недоверие к солдату сменилось полным доверием. Вследствие этого армия из механизма стала организмом, боевое расположение стало расчлененным, гибким и подвижным; вместо тяготения к позициям появилось стремление к наступлению, сражения начали происходить на всякой местности, явилось возможным располагаться на биваках и совершать походные движения отдельно, что было гораздо удобнее, а обеспечение продовольствием при помощи реквизиций дало свободу действий. „Эволюция в стратегическом искусстве *исходит от человека и к нему же возвращается*", говорит справедливо ген. Леер. [3]

Следовательно, для понимания явлений войны нужно прежде всего изучить душевную структуру бойца. Это изучение облег-

---

[1] Дюрюи, „Современная социальная роль офицера", 2-е издание, СПБ, 1906 г., стр. 60 и 66.
[2] Дюрюи, стр. 66.
[3] Леер, „Метод военных наук", стр. 100.

чается тем, что при изменчивости всех других элементов боя основы эмоциональной природы человека в существе своем остаются постоянными.

„Чувства не знают эпох, остаются без изменения от сотворения мира“, [1] обстоятельство, имеющее глубокое значение для работ в области военной психологии. Благодаря этому мы можем обращаться к каждой эпохе военной истории, к сражениям самых отдаленных времен. Это тем более важно, что сложные формы современного боя не всегда поддаются точному и всестороннему изучению. Обращаясь к фактам далекого прошлого, мы получаем богатейший материал, дающий прочное и крепкое основание для окончательных выводов и обобщений.

«ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СЕРДЦЕ»

Вожди всех эпох придавали большое значение душевным свойствам бойца. „Перечислить имена вождей, которые верили в решающее значение душевных свойств“, пишет Головин, „было бы равнозначуще составлению списков всех вообще выдающихся полководцев“. [2] Многие из них также указывали на необходимость изучения этих свойств.

„Людские сердца — исходный пункт военных дел человека; чтобы их познать, сердце надо изучить“, говорил маршал Мориц Саксонский, работая над трудом под названием „Reveries“.

„Те же части, — говорит он, — которые, имеют успех, будут, наступая, несомненно разбиты, если станут сражаться на укрепленных позициях; немногие сумеют найти этому истинную причину: *она коренится в человеческом сердце, и там ее нужно искать.* Для подтверждения мысли, что сердце не руководится умом, расскажу одно происшествие. Когда французская пехота в сражении под Фридлингеном с несравненным мужеством отбросила императорскую пехоту и, врываясь неоднократно в ряды, преследовала ее через лес и долину, находящуюся по другую сторону леса, кому-то пришло в голову, когда показались два эскадрона (быть может, даже французские), закричать „мы отрезаны“. И вся эта победоносная пехота кинулась бежать в самом ужасном беспорядке, хотя никто на нее не нападал, и никто ее не преследовал; она про-

---

[1] Теруа, „Полчища“, стр. 21.
[2] Головин, стр. 34.

бежала весь лес и остановилась только на противоположном краю поля битвы. Тем временем сражение благополучно закончилось: французская кавалерия разбила императорскую кавалерию, и противника не было даже видно. Все усилия маршала Вилляра и других командиров успокоить пехоту оказались тщетными. А ведь это были те же люди и те же части, которые только-что разбили императорскую пехоту, и лишь панический страх расстроил до такой степени все их чувства, что они совершенно потеряли твердость духа и уже не могли ее найти. Узнал я это со слов самого Вилляра, который рассказал мне об этом происшествии в Во-ле-Вилляр, показывая планы совершенных им сражений. Если б кто-нибудь захотел еще поискать подобные примеры, он нашел бы громадное их количество в истории всех народов. Этот пример достаточно объясняет всю изменчивость человеческого сердца и указывает на те заключения, которые отсюда надлежит вывести".

Я убежден, что каждая часть, не чувствующая поддержки, уже разбитая часть, так как каждый человек, не видящий позади себя ничего, что могло бы его поддержать или выручить при отступлении — уже наполовину разбит. Это и является причиной того, что вторая линия часто отступает в то время, как первая продолжает сражаться; мне это приходилось видеть много раз; несомненно, что, кроме меня, это наблюдали многие другие; однако, вряд ли кто-нибудь искал причины этого явления; а ею является *еще раз человеческое сердце.*

„Воспрепятствование переправе неприятеля через реку значительно труднее, чем это кажется многим; противнику легче переправиться, наступая, нежели отступая перед вами. В первом случае он подставляет под удары свои головные части, поддерживая их при помощи дельных распоряжений и сильного артиллерийского огня; во втором - подставляет тыльные части, которые не всегда в состоянии легко оторваться, тем более, что в это время все происходит поспешно, и даваемые распоряжения никогда не бывают так старательно подготовлены, как при наступлении; эти распоряжения исполняются также менее старательно, нежели во время наступления, так как все становятся какими-то нерадивыми и беспокойными, что приводит к тому, что вы уже наполовину разбиты. Трудно было бы определить причины этого явления, но искать их нужно *в человеческом сердце,* которое действует, не рассуждая".

„Человек всегда больше боится последствий опасности, нежели самой опасности. В подтверждение этого могу привести массу доказательств. Допустим, что колонна наступает на укрепленную позицию и что ее голова находится у края окопа; если на расстоянии ста шагов за этой позицией покажется горсть людей, то голова колонны остановится, или же никто более за нею не последует. Почему? *Это делает человеческое сердце*".

„Допустим, что мы вынуждены защищать позицию. Нужно остерегаться ставить все батальоны за бруствером, так как если неприятелю удастся на него взойти, то все, что находится позади, начнет искать спасения в бегстве. Это происходит оттого, что люди всегда теряют голову, когда случится что-то, чего они совершенно не ожидали;[1] на войне это — правило, решающее все битвы и все дела. *Это то, что я называю человеческим сердцем.*"[2]

СОСТОЯНИЕ ВОЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ К НАЧАЛУ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Несмотря на то, что все великие практики военного искусства признавали решающее значение для победы морального элемента, и это стало, наконец, избитым правилом, — все исследования, посвященные бою, рассматривают, однако, только его *внешнюю* сторону. Точно также признавалось всеми интересующимися сущностью боя значение психологического исследования боя, но сделано в этом направлении весьма немного. Стараясь быть совершенно прикладной, военная наука посвящала свои труды способу „ведения войны" и почти не занималась ни душевными свойствами бойца ни законами, управляющими его поведением в бою.

В результате, рядом с богатой военной литературой, трактующей внешние факторы боя, мы имеем только небольшое количество работ, посвященных анализу его моральной стороны. Уступая выявившимся требованиям, исследователь внешне вникал в область психологии, но ограничивался тем, что в трудах, трактующих теорию ведения войны, упоминал о значении моральных элементов.

---

[1] Сравните Суворовское: „удивить — значит победить". *Ред.*

[2] „Mes rêveries, ouvrage posthume de maréchal Maurice C-te de Saxe". Paris. 1877, стр. 6, 7, 58, 108, 118 и 119.

Однако, требования жизни, т. е. необходимости и целесообразности, постепенно делали свое дело.

В области общей психологии появился ряд работ, непосредственно связанных с военными вопросами. Появились наконец и работы, посвященные специально военной психологии. Подсчитать их здесь трудно, так как их список занял бы слишком много места. На первом месте стоит, конечно, считающийся ныне классическим труд Ардан-дю-Пика, „Etudes sur le combat antique et moderne“, Paris, 1903. Он касается *души боя,* пишет об авторе труда Пузыревский, [1] его интересует человек, его физическая и психическая природа, его достоинства и недостатки, эти последние более всего... Он углубляется в тайники человеческой души, подвергает ее беспристрастному анализу, ничего не скрывая от читателя, и смело утверждает, что часто там, где поверхностное наблюдение заметило бы героизм, по существу имеют место только „поиски спасения впереди“, в стороне неприятеля. [2]

Значительно позже выступили русские писатели. До 1885 года в России не было даже попыток в этом направлении. Первый толчок дали работы профессора Николаевской академии генерального штаба ген. Сухотина [3] и ген. Драгомирова. [4]

С этого момента работа потекла весьма живо, достигая высшего напряжения после русско-японской войны, которая с полной очевидностью показала необходимость знакомства с психологией бойца, т. е. с тем моральным фактором, о котором до тех пор лишь говорили, но который не изучали, думая, что умение пользоваться им является врожденным свойством военных талантов. Никто не замечал, что психология человека подчиняется определенным законам, которые можно познать и до известной степени достигнуть возможности „низведения искусства гениев на уровень общедоступной науки“.

Во главе изучения этого вопроса стало „Петербургское обще-

---

[1] А. К. Пузыревский, „Исследования боя в древние и новейшие времена“ (извлечение из франц. сочинения полк. де-Пика), 2-е издание Варшава, 1902 г., стр. V.

[2] В приложении I даны наиболее интересные работы в этой области.

[3] Статья Н. С. (Николай Сухотин), „Военная наука“ в „Энциклопедии военных и морских наук“. СПБ, 1885 г., т. II, стр. 229.

[4] Драгомиров, „Разбор Л. Н. Толстого «Война и Мир»“, Киев, 1895 г., стр. 5.

ство ревнителей военных знаний", группируя вокруг себя ряд имен и работ. [1]

В 1907 году появился капитальный труд подполк. С. Г. Головина: „Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека, как бойца", который поставил затронутый вопрос во всей его широте.

Несмотря на это, русские опоздали, так как вся их по существу довольно несмело продвигавшаяся вперед работа начала развиваться более интенсивно только за несколько лет до мировой войны, когда было уже слишком поздно создать что-либо прочное, дающее осязательные результаты. В итоге огромное большинство русских командиров и офицеров, за очень немногочисленным исключением, оказалось совершенно беспомощным среди грозных условий небывалой войны и без сравнения еще более страшных условий русской революции. Не обладая умением *руководить собою и вообще людьми*, они могли только *командовать и приказывать*, тогда как этот период необыкновенных потрясений, а в 1917 году почти полного упадка народного духа требовали *умения подчинять себе волю других и руководить ею*, оказывать на нее влияние не столько на основании воинских уставов, сколько *силой духа и знанием психологии людей*, приобретаемыми единственно только с помощью тщательного изучения и постоянного упражнения. [2]

Время от времени стали уже появляться работы в области военной психологии и хотя в военных трудах уделяли этим вопросам некоторое внимание и понимали уже необходимость знания военной психологии, хотя М. Драгомиров, Н. Бутовский, И. Маслов, Н. Головин и другие также обращали на нее надлежащее внимание, однако *тщательного изучения и постоянного упражнения* еще не было. Указания военной психологии не проникали в глубину масс, и рядовой видел перед собой как во время мирного обучения, так и во время дней боевой практики не психолога-воспитателя, а только подобного себе, простого и не слишком умного воина, наряженного лишь во все внешние отличия офицерского звания.

Русские военные в этом отношении не были, однако,

---

[1] См. приложение II, список наиболее интересных работ членов общества.

[2] „Военный сборник общества ревнителей военных знаний", Белград, 1922, кн. 3, стр. 127.

исключением. Я должен подтвердить, что и в других европейских армиях не понимали так, как надлежало, необходимости изучения психологии боевых масс и одиночного бойца во время боя. Казалось бы, что накануне давно ожидаемой войны, когда на театре боевых действий должны были появиться уже целые народы, со всем разнообразием их психологии, находящейся в тайной зависимости от ряда генетических и исторических причин, когда психологические факторы, направляющие действия отдельных единиц и масс, получали все более решающее значение, надлежало бы, наконец, обратить особое внимание на познание этих факторов. Однако этого не было; изучение этого дела имело постоянно какой-то случайный характер; о явлениях в области военной психологии говорилось как-то мимоходом, да и то не всегда. „Даже не во всех высших школах, — пишет В. Вязмитинов, — обращалось достаточное внимание на познание не только общей, но и военной психологии“. [1] Несколько большее количество работ в этой области появилось лишь после мировой войны. „Однако и в настоящее время в высших военных школах нет кафедры военной психологии, — жалуется А. Васильев, — и во всем мире нет сносного учебника этой психологии“. [2]

БУДУЩЕЕ ВОЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Военная психология имеет перед собою большую будущность. Она станет не только предметом изучения всей военной среды, средних и младших командиров, но будет поставлена перед необходимостью исследовать и вскрыть ряд еще не разрешенных вопросов. Ведь до сего времени еще недостаточно освещены и исследованы такие явления как иллюзия, галюцинация и даже внушение. Затем военные должны будут положить много труда на так называемую психологию *толпы*, т. е. психологию масс. В конце каждого сражения, когда соединение всех сражающихся в одну *психологическую толпу* [3] достигает своей вершины, явления психологии масс господствуют надо всем. Так как все общественные явления подчиняются законам этой

---

[1] „Военный сборник общества ревнителей военных знаний“, Белград, 1922, кн. 3, стр. 127.

[2] „Военная мысль и революция“, 1923 г., кн. 1, стр. 135, из статьи: „Военная психология и ее приложение к тактике“.

[3] Т. е. в толпу, управляемую особыми законами психологии.

именно психологии, бой же создает для явлений этого характера особенно благоприятные условия, отсюда вытекает, что психология толпы в интересе своего собственного развития должна прежде всего обратиться к явлениям боя, как к той области, в которой находится самый богатый материал. „Употребляя общепринятый термин — „военные науки“, можно сказать, — пишет Головин, — что психология толпы должна стать более военной наукой, нежели все иные.“ [1]

Говоря в 1923 г. о военной психологии и ее применении в тактике, один из советских военных писателей (А. Васильев) прежде всего поставил себе вопрос, что в этой психологии необходимое, существенное и самое важное. „Это все те условия и причины, отвечает он самому себе, которые вызывают исключительные, специально военные переживания, все отличающиеся от других, особые переживания военного. Из общей психологии мы возьмем только то, что необходимо, и столько, сколько, например, артиллерия берет из математики и механики. Артиллерист должен знать математику, должен уметь пользоваться ее формулами, преподавать ее однако не будет. Военный психолог должен основательно знать общую психологию, но заимствовать из нее он должен лишь столько, сколько необходимо для объяснения переживаний солдата в условиях боя“. [2] По мнению А. Васильева, сущность военной психологии будет сводиться к выяснению и объяснению того состояния, в котором находятся познания солдата в разных областях полевой службы и вообще боевой работы. „Военная психология отличается тем, пишет он, что не старается охватить какое-либо явление всесторонне и объективно; не станет она заниматься измерением времени продолжения реакции, а отразит только мысли и чувства среднего человека в конкретных „военных“ условиях и выяснит, чего можно ожидать от этого человека“. [3]

Васильев рассматривает свойственные военной психологии черты, ее значение и затем практическое применение несколько узко. Он забывает о том, что, если в условиях войны может иметь место, *теперь*, — а в виду неизменности такого фактора, как психические свойства человека, наверное будет иметь место и в будущем — ряд необыкновенно отрицательных для

---

[1] Головин, стр. 123.
[2] „Военная мысль и революция“, 1923 г., кн. I, стр. 133.
[3] „Военная мысль и революция“, 1923 г., кн. I, стр. 133.

боевого успеха явлений, то задача военной психологии должна заключаться и в том, чтобы уже заранее выработать вспомогательные средства, могущие предупредить или же приостановить явления этого рода среди участников боя.

Лично я свято верю в постоянный, не имеющий предела, прогресс человеческой мысли. Весьма трудно сказать, каких далеких целей достигнет человеческий гений, какие загадки природы сумеет он еще отгадать, какими ее силами овладеет и какие удивительные открытия ожидают еще род людской. Думаю, гений человеческий не обманет и в области психологии, в способности познания самого себя, а также в отыскании простого, необыкновенно простого способа управления человеком как одиночным, так и тем, который объединился в известную массу, в толпу. И если это правда, то при проникновенности, широте взглядов и смелости этой творческой мысли придет, быть может, время, когда управлять душевными свойствами человека будет так же легко, как нынешним пулеметом. И в то время будут неудачи, но главным образом, только тогда, когда человек, стоящий на верху или чего-нибудь не досмотрит, либо не будет обладать достаточным опытом. Ниже мы увидим, что проявления самой большой трусости, хотя бы в виде паники, непосредственно граничат со случаями самого высокого мужества и героизма. Они соединены между собою каким-то общим рулем. И вот, может быть, военная психология найдет, наконец, счастливый и ценный способ поворачивания этого руля исключительно в сторону героизма, передавая его однако в руки только того командира, который будет во всей полноте вооружен приобретенными им знаниями и практическими навыками.

Так как на войне „все психологические явления соединяются с военными не каким-либо чисто внешним способом, но проникают и нераздельно сливаются в одно целое“,[1] *военная психология должна установить самую тесную связь с военной историей.* Эта же последняя со своей стороны может быть полезной для первой только тогда, если будет заниматься более психической стороной, нежели фактической. „В области психических явлений кроются золотые зерна военной истины“, — говорит Лихтенштейн.[2]

---

[1] „Варшавский военный журнал“, 1902 г., № 10, стр. 940, из статьи „Значение воображения на войне“.

[2] Там же, стр. 939.

Может быть, я излишне долго задержался на подробностях того положения, в котором оказались общая и военная психология. Думаю, что это было необходимо для того, чтобы выяснить, благодаря чему в период наивысшего испытания, т. е. в мировой войне, большинство командиров не были подготовленными, недостаточно глубоко знали психологию для выполнения своей задачи, а затем — чтобы еще раз подчеркнуть необходимость поддержки этого движения в области военной психологии не только при содействии отдельных авторов, но и всего военного общества. Повторенные ощибки прошлого являются уже не ошибками, а преступлением.

РАЗВИТИЕ ЛИТЕРАТУРЫ О ПАНИКЕ

Я уже упоминал о том, как неохотно говорили военные о панике. Родное дитя страха — панику рассматривали как особенно яркое и, вследствие этого, особенно позорящее проявление слабых сторон человеческой души. „Изучение страха — дело щекотливое, — пишет ген. Модюи, — потому что он, так кажется по крайней мере, несет стыд и позор. И однако стыдом является не самое чувство страха, так как это врожденный инстинкт, а то, что человек ему поддался“. [1]

„Не избегнуть ведь, — говорит Пфюльф (Pfülf), — повторения какого либо зла, носящего скорее характер несчастья, чем чего-то достойного презрения, игнорируя его существование“. [2] „Между тем правдивое описание того беспорядка, с которым мы иной раз встречаемся в критические моменты боя, говорит одна из статей французского ген. штаба в Историческом обозрении (Revue d'Histoire), было бы ценным источником для размышления и изучения темы, на которых возлагается честь командования“.

Как только стали понемногу прививаться подобные взгляды, появились и специальные труды, посвященные панике. В стремлении ничего не скрывать немцы встали во главе и впереди прочих. Официальная история войны 1870—1871 г., изданная германским ген. штабом, полна описаний паник, которые, по словам ген. Додиньяка, *господствовали* в немецких рядах в 1870 году. [3] За немцами последовали французы, которые

---

[1] „Пехота“, стр. 23.
[2] „Die Panik im Kriege“, стр. 16.
[3] Daudignac, стр. 75.

вступили на этот путь в статьях своего ген. штаба, посвященных той же войне. „Историческое обозрение открыто выступило на тот же путь, пишет Додиньяк, сообщая без прикрас о паниках, которые во время этой несчастной войны происходили во французской армии во многих сражениях". [1]

Это новое направление нашло отзвук и у русских, однако первоначально в довольно слабой степени. Из описания русско-японской войны, составленного комиссией, работавшей при Главном Управлении Ген. Штаба, трудно создать себе истинную картину размеров и последствий тех случаев паники, о которых авторы, повидимому, имели желание говорить с полной откровенностью. Это является доказательством того, что основной официальный материал описания, т. е. донесения, отчеты, рапорты и описания младших офицеров, не соответствовал той же степени откровенности. Младшие офицеры оставались при старом принципе замалчивания, в то время как в среде, более близкой к высшему командованию, думали уже о другом, — о правде, откровенности, о полном знакомстве с паникой, этим частым явлением на полях сражений, чтобы, наконец, найти средство для борьбы с нею. [2]

Говоря о случаях паники, я буду иметь в виду исключительно случаи истинной паники, т. е. *внезапное обращение всех частей в бегство*, а не такие явления, когда одна из сторон, под влиянием огня или иных причин, отходит назад и даже бежит, но сохраняет при этом свою оборонительную способность и тотчас же после занятия новой позиции вновь вступает в бой. Во время русско-японской войны мы неоднократно наблюдали, как японцы быстро отходили назад с той целью, чтобы, выйдя из сферы действительного огня, возобновить прерванное наступление в более удобный момент и по более удобному направлению. Подобные случаи только своей внешней стороной напоминают панику и, очевидно, не могут быть к ним причислены.

С другой стороны мы можем встретить произвольное зачисление в ряды паник таких происшествий, причиной которых было вовсе не чувство страха или потеря головы. Так, напри-

---

[1] Daudignac, стр. 75.

[2] Трудов, посвященных панике, немного. Список тех, которыми пользовался автор, дан в приложении III.

мер, полк. Пфюльф совершенно неосновательно зачисляет в ряды паник происшествие на Северном море, имевшее место в русской эскадре адмирала Рожественского, следовавшей на Дальний Восток. [1]

КЛАССИФИКАЦИЯ ПАНИКИ

Продолжительность, размер и сила паники могут быть чрезвычайно разнообразны в зависимости от национальности армии, способов ее комплектования, ее физического состояния, авторитета командиров, действия неприятеля и, наконец, от целого ряда иных причин. Между частью, которая, потеряв голову в полном смысле этого слова, в совершенном ослеплении, а иногда в каком-то страшном безумии бежит в сторону неприятеля, и частью, сознательно покидающей поле сражения, чтобы не попасть, например, в плен, существует целый ряд промежуточных ступеней, которые прежде всего определяют возможность, а затем ту или иную трудность борьбы с паникой. Нет никакой надобности рассматривать все эти отдельные случаи; подобная работа только осложнила бы изучение вопроса. Поэтому мы будем говорить лишь о панике, развернувшейся во всей своей полноте.

Классифицируя случаи паники, можно руководствоваться:

I. Численностью людей, которых одновременно охватила паника, следовательно мы различаем: а) панику единоличную, б) панику отдельных войсковых частей, в) панику целых армий.

II. Размерами пространства (а затем и времени), на котором распространилась паника, следовательно, мы различаем: а) панику на всем театре военных действий, например, паника после Иены, б) панику на *значительной части* этого театра, например, паника после Ватерлоо, которая прекратилась лишь под Лаоном.

Кроме того, среди паник, охватывающих сердца людей, занимают отдельное место так называемые *лошадиные* паники.

Теперь я перейду к рассмотрению отдельных случаев паники.

---

[1] В приложении IV даны подробности этого эпизода.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ПАНИКА

К ранее описанным случаям паники, охватывающей отдельных людей, прибавим еще следующие.

28 сентября 1845 года во время войны французов с алжирским эмиром Абд-Эль-Кадером поручик Марен (Marin), бывший унтер-офицер зуавов, получил поручение провести 200 человек из Тлемцена в Айн-Темушен. Люди эти посылались для усиления гарнизона Айн-Темушен. [1]

Им оставалось только 6 *км* пути, когда Марен, остановив свой отряд около какой-то кофейни, заметил группу арабских всадников, и среди них увидал самого Абд-Эль-Кадера.

Марен растерялся. Несомненно, он находился под впечатлением поражения французов под Сиди-Брагим, имевшем место накануне, — 26 сентября. Вместо того, чтобы приступить к организации защиты, Марен подбежал к эмиру и предложил сдаться при условии дарования жизни ему и его подчиненным. Абд-Эль-Кадер не ожидал ничего подобного; согласился на условие Марена и с гордостью смотрел, как двести французов складывали у его ног свое оружие. [2]

„Утром в день сражения под Можайском“, — говорит ген. Левенштерн, — приключилось несчастье с офицером лейб-гвардии Семеновского полка, Борком, адъютантом главнокомандующего Кутузова: неприятельский снаряд повалил под ним лошадь, которая прижала его к земле. Освободившись и думая, что лошадь под ним убита, он побежал пешком вдоль фронта полка. Лошадь, однако, оказалась цела, взрыв снаряда ее только опрокинул и, придя в себя, она точно собака побежала за своим хозяином, который, пораженный происшествием, ничего не замечал и продолжал бежать далее. Опасность, которой он только-что избегнул, настолько лишила Борка сознания того, что он делает, что при каждом свисте снаряда

---

[1] Это были преимущественно выздоровевшие солдаты.

[2] C. Rousset, „Conquête de l'Algérie“ (Daudignak, 37).

он падал на землю. Эта смешная сцена продолжалась довольно долго и происходила на глазах всего его полка, так что Борк покрыл себя позором". „Видя, что несчастный молодой человек", — добавляет Левенштерн, — даже не подозревает, что его лошадь бежит за ним, я подошел к нему, чтобы обратить на это его внимание и помочь ему вскочить на седло; однако, Борк настолько не владел собою, что не подумал даже о своих непосредственных обязанностях при главнокомандующем, отправился на перевязочный пункт, где и оставался в течение всего сражения, оказывая помощь раненым товарищам и приготовляя для них чай". [1]

Подобных происшествий можно было бы привести множество, [2] но не они, однако, нас интересуют, а те случаи, когда паника, часто даже не привлекая внимания окружающих, овладевает душой вождя и является причиной уклонения его от дальнейшего ведения боя.

Момент, когда победа склоняется к одной из сражающихся сторон, соответствует моменту начала душевного кризиса у противной стороны. Тогда эта последняя начинает терять веру в победу. Потеря веры начинается среди *непринимающих участия в сражении*. Маршал Мармон, основываясь на свидетельстве Вегеция, [3] говорит, что в древних фалангах бегство начиналось с задних рядов. Поэтому в римском легионе, удивительно приспособившем свою организацию к психическим свойствам воинов, в третьей, т. е. в последней линии, находились *триарии*, испытанные и опытные воины, которые весьма часто поражение двух первых линий заменяли победой.

Об аналогичном явлении говорит Мориц Саксонский.

В сражении под Дижоном (Dijon) в 1870 г. целые батальоны народной гвардии, находившиеся во второй линии, бежали тогда, когда первая линия имела успех. [4]

То же явление повторилось во время мировой войны. 16 фе-

---

[1] Löwenstern, général-major. „Mèmoires", Paris. т. I, стр. 256—257.

[2] Индивидуальной панике посвятил свою работу д-р Альберт Бруссо. „Essai sur la peur aux armées 1914—1918", Paris, 1920. стр. 17—122. Об одном из рядовых, изученных старательно, он высказывает такое мнение: „Его организм является истинным бродилом паники (véritable ferment à paniques), его ответственность является ограниченной" (стр. 115). К труду д-ра Бруссо мне еще придется возвращаться.

[3] „L'esprit des institutions militaires".

[4] „Братская помощь", № 8, стр. 37.

враля 1915 г., пишет д-р А. Броссо, неприятель вел в Аргонах энергичное наступление. 17-го наши части, находившиеся в весьма плохих условиях, не укрытые от непогоды и слабо снабженные продовольствием, задерживали это наступление. Под конец боевого дня *во второй линии* кто-то закричал: „Мы окружены! беги кто может!" Тотчас же все бросили свои позиции. Людская масса начала стекать по горному склону в направлении тыла, бросая ружья и ранцы. Вот они уже на перекрестке дорог, бледные, не в силах объяснить, что собственно случилось. Какой-то энергичный офицер преграждает им дорогу и несколькими энергичными словами поворачивает их обратно на свои боевые места. Они овладевают собой и, стыдясь своего поступка, возвращаются на позиции. „А первая линия даже не заметила, что делалось позади нее, и отбросила новое наступление". [1]

Так же, как в древние времена, пессимизм начинает разрастаться из самых глубоких тылов. Удаление от опасности только увеличивает боязнь перед нею, хотя это кажется удивительным. Все, принимавшие участие в сражении, находившиеся даже в ближайшем тылу, знают хорошо, что возвратить себе спокойствие и избавиться от беспокойства за результат боя можно, уйдя не в тыл, а наоборот — в первые боевые линии.

Обычно тылы, писаря, штабные роты, персонал различных учреждений являются первыми сеятелями паники. Обратное положение было бы даже удивительно. Люди, менее привыкшие к боевым впечатлениям, влитые во время мобилизации в части с невероятно слабыми кадрами, не принимая действительного участия в бою, находясь под влиянием гнетущих опасений, являются психически наименее крепким элементом. „Потеря веры в победу возрастает по мере удаления от поля сражения, — пишет ген. Серриньи (Serrigny), — как будто под влиянием какого-то зрительного недостатка все подвергается переоценке, как успехи, так и неуспехи. Вместо реальной оценки положения вещей тылы живут впечатлениями, получаемыми от рассказов раненых и дезертиров с полей сражений, которые придают всем происшествиям то или иное освещение в зависимости от их душевного состояния. Вследствие этого,

[1] Brausseau, A., „Essai sur la peur aux armées, 1914 — 1918", стр. 29.

преувеличение становится неизбежным явлением. Можно с уверенностью сказать, что события никогда не бывают ни так благоприятны ни так плохи, как они представляются тылам во время боевых действий. Вот причина, объясняющая, почему командир большой боевой единицы может оказаться душевно поколебленным раньше, нежели его части". [1]

С древних времен сражение вполне определенно делилось на два периода: подготовительный (до сближения на удар) и решающий (рукопашный бой). Развитие огнестрельного оружия вынудило сражающихся рассыпаться на поле сражения. По мере увеличения силы огня увеличивалось и рассыпание по фронту и в глубину. Вместо двух, трех *психологических центров* боя, как это было прежде, когда законы психологии толпы действовали с особой силой, современный бой имеет огромное количество этих центров. Кроме того, возможность упадка духа части от действия одного лишь огня привела к тому, что эти „психологические центры боя" создаются не только на линии боевых действий, но и в глубине боевого расположения, т. е. передвигаются также в направлении руководящего боем командира. По мере развития боя душевный кризис начинает все чаще проявляться в разных „психологических центрах", и в результате сумма этих самих по себе незначительных кризисов начинает оказывать свое влияние на состояние высшего командования. В душе старшего командира вырастает душевный кризис, углубляемый обычно удаленностью этого командира от переживаний первой линии и множеством этих мелких психологических кризисов, о которых только-что была речь.

Чем более впечатлителен старший командир, чем слабее его характер и чем он хуже ориентируется в действительном положении, тем он легче может быть охвачен той *индивидуальной* паникой, которой подвергаются иногда организованные и неорганизованные сборища. Несомненный факт, что количество проигранных сражений из-за прекращения командиром дальнейшей борьбы только вследствие овладевшей им паники, по сравнению с предшествовавшими периодами все увеличивается. [2]

Военная история с полной очевидностью обнаруживает, что

---

[1] „Réflexions sur l'art de la guerre", Paris, 1921 г., стр. 43.
[2] „Военный сборник", № 6, стр. 215.

много современных сражений было проиграно исключительно потому, что командир одной из сторон признал себя побежденным. Я мог бы вспомнить здесь маршала Базена, который 16 августа 1870 г., имея под рукою всю свою армию, не решился нанести удар III германскому корпусу ген. Альвенслебен и дождался того, что ему были отрезаны сначала южные, а затем и вообще все дороги отступления на запад; генерала Куропаткина, который под влиянием рапортов баронов Бильдерлинга и Штакельберга, а также ген. Зарубаева, отошел от Ляояна как раз в тот момент, когда даже при самом малом с его стороны усилии воли решительная победа русских не подлежала никакому сомнению. Я мог бы указать на ген. Притвица, который под влиянием впечатлений боя под Гомбином[1] 20 августа 1914 г., а также под влиянием сведений о движении II русской наревской армии (ген. Самсонова), не только прервал бой под Гомбином, но решил даже отойти за Вислу, когда уже вечером в день боя стал выясняться почти двойной перевес германских сил и то, что на следующий день русские силы могли бы быть охвачены в излюбленные немцами клещи „Канн“.[2]

Я задержусь несколько более на примерах менее известных, зато более выразительных, на сражении под Кустоццой в 1866 г., под Домокосом в 1897 г. и на русских действиях у дер. Павловице в ночь с 13 на 14 октября 1914 г.

СРАЖЕНИЕ ПОД КУСТОЦЦОЙ 24 ИЮНЯ 1866 ГОДА.

17 июня 1866 г. начальник итальянского Ген. Штаба ген. Ля-Мармора пришел к соглашению с ген. Чиальдини, что итальянцы должны создать две отдельных группы, из которых одна — большая, численностью в 90 000 людей, станет на р. Минчио, а другая — более слабая, численностью в 70 000 людей, на нижнем течении р. Пад. Большая группа должна была оттянуть на себя австрийские силы и тем облегчить более слабой группе переправу через р. Пад и дальнейшее движение между Минчио и Адигой.

С своей стороны эрцгерцог австрийский Альбрехт сосредоточил свою 75-тысячную армию на венецианской равнине на восток от известного итальянского крепостного четыреуголь-

---

[1] Польское наименование Гумбинена. *Ред.*
[2] Головин, стр. 153.

ника, т. е. на восток от Адиги между Лониго и Монтаньяно, и решил, пользуясь своим будто бы срединным положением, разбить неожиданным наступлением по очереди обе разделен-

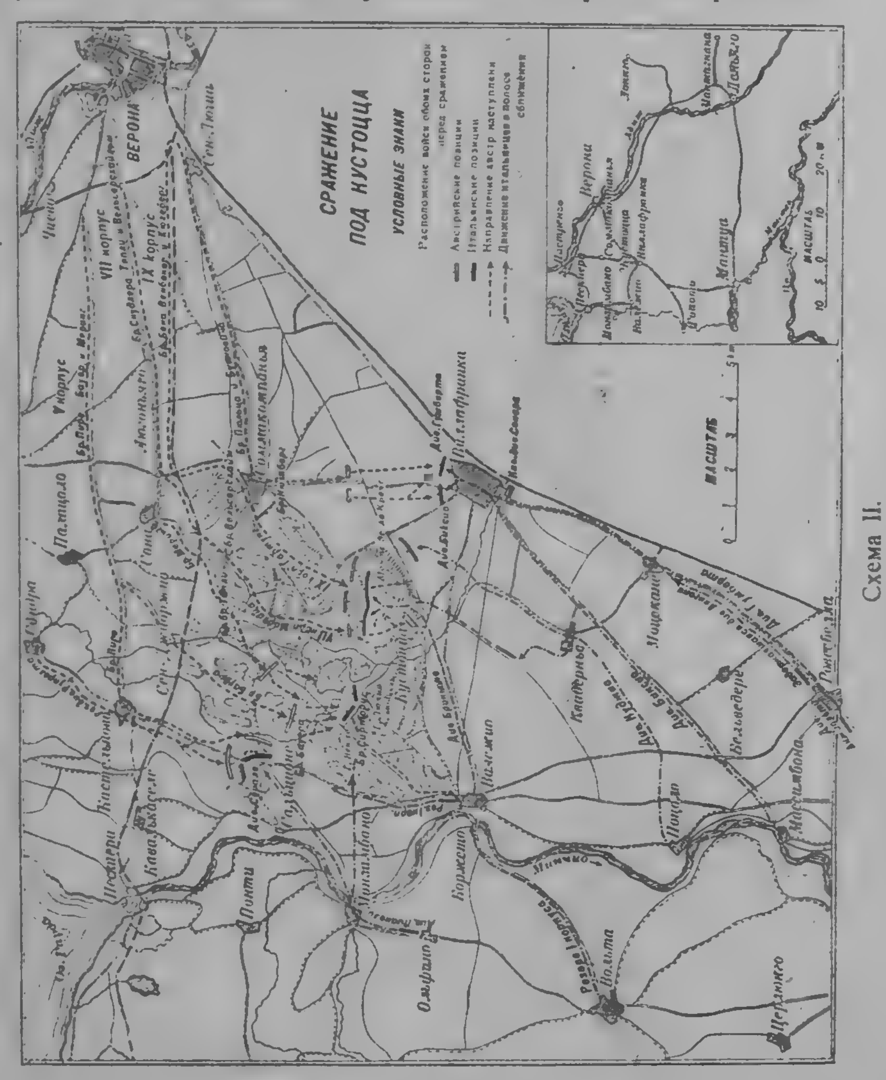

Схема II.

ные итальянские армии. Прежде всего следовало повести наступление против армии короля, при которой в должности начальника штаба находился ген. Ля-Мармора, так как, во-

первых, с нею можно было войти в соприкосновение скорее, чем с армией ген. Чиальдини, а во-вторых, разгром более сильной группы приносил бо́льшую пользу. Оставив против 70 000-армии генерала Чиальдини только один стрелковый батальон и один гусарский полк, эрцгерцог Альбрехт быстро и скрытно двинулся в направлении на участок Пастренго — Верона с намерением нанести удар по левому крылу противника с северной стороны. Эрцгерцог предполагал, что итальянцы после переправы через р. Минчио двинутся через Виллафранку на восток. С целью обеспечить успех своему фланговому удару эрцгерцог Альбрехт направил из Вероны против фронта итальянской армии полковника Пульца (Pulz) с 4 кавалерийскими полками. Полковник Пульц должен был привлечь на себя внимание итальянцев и внушить им, что главный австрийский удар последует с восточной стороны.

24 июня вся австрийская армия двинулась в направлении на Кастельнуова-Соммакампанья. Эрцгерцог отправился со своим штабом в Монте-Белло (на юг от Соны). Едва только прибыв туда, он услышал со стороны Олиоси ружейные и пушечные выстрелы, а со стороны Виллафранки исключительно пушечные. Четыре австрийские бригады должны были приковать к себе правое крыло итальянцев в долине Стаффало, пять бригад — энергично наступать и отбросить их левое крыло через Монте-Венто и Санта-Лючия к переправам на р. Минчио и две бригады — стать у Соммакампаньи в резерв армии. Кавалерийская бригада Пульца при помощи мнимых действий должна была оттянуть итальянцев как можно дальше к Соммакампаньи, так как предполагалось, что чем далее продвинутся итальянцы на восток, тем труднее будет для них впоследствии неминуемое отступление.

„Воля вождя, однако, не всемогуща, пишет, говоря о сражении под Кустоццой, ген. фон-Лихтенштерн; выполнение плана подчиненными командирами и частями происходит отчасти не предусмотренным путем, на что в значительной степени влияют указанные здесь психологические явления“. [1]

Пока упомянутые приказы, выпущенные между 7 и 8 часами утра, дошли до исполнителей, на обоих флангах австрийской армии разыгрались события первостепенной важности. Пол-

---

[1] Lichtenstern, „Die Macht der Vorstellung im Kriege“ („Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine“, 1902, № 364, стр. 20).

ковник Пульц неожиданно наткнулся впереди Виллафранка на две итальянских дивизии — князя Гумберта и Бексио — III корпуса ген. Делля-Рокка. Увидеть и атаковать было делом одной минуты. Атаковавшие были, однако, отброшены, понеся несравнимо большие потери, нежели пехота, которую они атаковали. Несмотря на это, случилось нечто совершенно неожиданное: обе дивизии в течение всего сражения были как бы заколдованы и в точном значении этого слова не двинулись с места. Неожиданная атака неприятельской кавалерии произвела столь огромное впечатление на ген. Делля-Рокка, что с этого момента он вполне поддался гипнотическому внушению, что главный удар австрийцев последует с востока. Несмотря на то, что Делля-Рокка со своей весьма далеко вправо выдвинутой позиции под Виллафранкой, не имея перед собою ни одного австрийского пехотинца, мог, с большими видами на успех, действовать против левого крыла противника в направлении на возвышенности, лежащие северо-западнее Виллафранки, он в течение целого дня не двигался с места. Ничто, даже неоднократные просьбы его командиров дивизий, среди которых находился наследник престола, не могло склонить генерала Делля-Рокка к движению вперед.

Таким образом началось сражение на левом итальянском фланге. Здесь также не приходится говорить о встречном бое, а лишь о неожиданном нападении на этот фланг. Вызвало это введшее итальянцев в заблуждение расположение австрийцев на восток от р. Адижа. Уверенные в безопасности, итальянские колонны переходили р. Минчио и стремились подойти к горной цепи с целью занять там позицию и „принять“ на себя австрийцев. Приближение австрийцев не могло, конечно, оставаться незамеченным, тем более, что вечером накануне битвы австрийцы заняли своими головными бригадами окраину холмистого участка на запад от Вероны. Известия о наступлении австрийцев командирами итальянских колонн получались постоянно. Однако, так хорошо известная психологам склонность людей крепко держаться своего предвзятого убеждения и в этом случае оказала свое влияние. Убеждение, что австрийцы находятся на противоположном берегу Адижа, так глубоко проникло в умы итальянцев, что на сведения противоположного характера они не обращали ни малейшего внимания и не сообщали их далее, т. е. генералу Ля-Мармора. Ген. Черале, ведший левофланговую дивизию, был так уверен,

что австрийцы находятся за р. Адижом, что не был в состоянии понять серьезности положения даже в тот момент, когда его авангард был атакован под Олиосо. Он объяснил это тем, что имеет дело с выдвинутыми вперед частями неприятеля. Когда же левый фланг походной колонны Форли был атакован эскадроном ротмистра фон-Бехтольсхейма и сам ген. Черале вместе с едущим рядом с ним ген. До (Dho) были ранены, дивизия бросилась бежать по направлению к р. Минчио, распространяя всюду весть о своем поражении. Однако, офицерам удалось собрать несколько батальонов дивизии на горе Монте-Венто. Сюда подошел также резерв корпуса Дурандо, в состав которого входила дивизия Черале. С этого момента гора эта сделалась левым флангом итальянской позиции.

В центре итальянского расположения в начале сражения дела оказались не лучше, чем на флангах. После атаки эскадронов Пульца ген. Ля-Мармора, как и Делля-Рокка, получил в первые моменты боя совершенно понятное убеждение, что неприятель подойдет с востока. Правильно оценивая тактическое значение горы Монте-Кроче, которая господствует над окрестностью, ген. Ля-Мармора повел туда лично дивизию Бриньона и расположил ее фронтом на восток. Едва только дивизия подошла и остановилась, как вдруг две австрийские бригады из состава корпуса Гартунга неожиданно атаковали ее левый фланг. Несмотря на внезапность и смелое ведение атаки, тактически плохо организованное фронтальное наступление [1] не удалось, и австрийцы вынуждены были отойти.

Несколько позже на эту гору наступала бригада Скюдье (Scudier) из состава корпуса Мароичича. Первоначально наступление шло успешно и проникло уже до местности Кустоцца, лежащей за итальянскими позициями. Находившиеся там орудия попали в руки бригады. Когда же подошли подкрепления, австрийская бригада, измученная походом и боем, была отброшена.

Энергичное, хотя и неудачное наступление Гартунга и Скюдье создало решительные для результатов боя *психологические* последствия.

Генерал Ля-Мармора был свидетелем как неожиданной атаки австрийской кавалерии под Виллафранкой, так и наступления

---

[1] Атаковали сомкнутыми колоннами на штыки, взбираясь по крутому склону к неприятелю, обладавшему лучшим оружием.

пехоты на возвышенности под Кустоццой (Монте-Кроче). Императорские войска, которые, по его мнению, должны были находиться за р. Адижом, вдруг атакуют его ничего не ожидающие колонны! Ля-Мармора психически уже разбит. Он не может стоять на месте. Он спускается в долину, чтобы лично отыскать дивизии Кюжи (Cuji) и Говоне (Govone), которые вместе с дивизией Бригоне должны были обеспечить обладание возвышенностями под Кустоццой. В долине он никого не находит и вдруг начинает опасаться, что Виллафранка в это время, быть может, уже занята неприятелем, поэтому он в сопровождении небольшого конвоя отправляется в этом направлении. По дороге генерал встречает 9-ю дивизию и, прогалопировав два раза вдоль всей колонны, не находит генерала Говоне, который с своей стороны спешил ему на встречу. Вскоре он встречает солдат с левого фланга дивизии Черале, которые, *охваченные паникой*, бегут к р. Минчио. Только теперь отдает он себе отчет в серьезности положения. Австрийцы, против которых предполагались лишь мнимые действия, обошли его с севера и направляют против его путей сообщения свой сильный левый фланг. Он окончательно теряет голову, поворачивает к переправам через р. Минчио, и, узнав, что часть XI корпуса, на который он рассчитывал, по его, впрочем, приказу находится под Мантуей, разражается слезами и громко жалуется. С этого момента никто уже не видел его больше на поле сражения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ О СРАЖЕНИИ ПОД КУСТОЦЦОЙ

В этом сражении весьма характерным в отношении преимущественного значения стратегических условий над тактическими является то, что генерал Ля-Мармора после потери тактического ключа — Кустоццы — теряет только спокойствие, и после стратегического поражения важного для него левого крыла фронта у Минчио уже совершенно перестает владеть собою. Это, впрочем, совершенно понятно. Серьезная угроза сообщениям, жизненно необходимым артериям армии, действует на воображение сильнее и вызывает более значительный упадок духа, нежели победоносное тактическое наступление противника, все-таки оставляющее свободными пути отступления.

Поведение генерала Ля-Мармора, конечно, нельзя назвать непреклонным и мужественным, однако причина поступков

отнюдь не его трусость. Генерал этот показал себя мужественным и решительным и в 1848—1849 году, и во время Крымской кампании. Причина, сломившая его силу воли, заключалась в остром впечатлении, что все уже потеряно: уверенность эта возникла неожиданно и овладела им без борьбы. С ним случилось то же самое, что и с Делля-Рокка он поддался внушению.

Этот случай, как и случай с маршалом Базеном под Вионвиллем, можно даже назвать патологическими. Ни здесь ни там не должны были иметь место ни такая пассивность ни такой упадок духа. Несмотря на воображаемую безнадежность положения, развитие боя можно было еще повернуть в свою пользу, именно в то время, когда генерал Ля-Мармора окончательно опустил руки. Бой, как известно, есть явление невероятно сложное, в котором в роли руководителей принимает участие очень много людей. Вследствие этого нет боя, в котором с обеих сторон не оказывали бы своего влияния человеческие слабости. В рассмотренном случае Ля-Мармора и Делля-Рокка подверглись сильному влиянию заранее предвзятой идеи. Последний из них вообразил прежде всего, что главный удар австрийцев направлен против него с востока, а затем, когда это не оправдалось, разгром армии казался ему неизбежным. Подобная же предвзятая уверенность в неуспехе зародилась и в душе Ля-Мармора. Между тем не подлежит сомнению, что убеждение это было ошибочным. Если бы ген. Ля-Мармора попросту взошел на Монте-Венто, он убедился бы в том, что бой отнюдь не был проигран.

Левый итальянский фланг был действительно разбит, но австрийская дивизия ген. Руппрехта, наступавшая здесь, вышла из повиновения своему командиру. Дивизия эта состояла из элементов, не получивших надлежащей тактической подготовки, и была недостаточно дисциплинирована. Вследствие этого еще утром во время штурма на Олиоси фельдмаршал барон Родич должен был послать на помощь Руппрехту бригаду Пире (Piret), так как в противном случае наступление было бы остановлено.

После прекращения дальнейшего наступления итальянцы на своем левом фланге крепко держали Монте-Венто несколькими батальонами и несколькими батареями. С правой стороны к ним примыкала дивизия Сиртори (Sirtori), занимавшая позицию у Санта-Лючиа. Здесь, на западном фланге, австрийцы располагали

30 000 ружей и 64 орудиями, а итальянцы вначале 8020 ружьями и 30 орудиями, а затем 22 000 ружий и 60 орудиями. Несмотря на численный перевес, фельдмаршал Родич не признал возможным пойти по указанию эрцгерцога и взять инициативу в свои руки. Он был столь глубоко проникнут убеждением, что за Монте-Венто находятся превышающие численно итальянские силы, что не находил даже нужным убедиться в этом при помощи разведки. Судьба пожелала, чтобы высланный утром фельдмаршалу Родичу приказ вести дальнейшее наступление против левого фланга неприятеля дошел до него только около 11 часов. В виду этого Родич перешел в наступление на Санта-Лючиа лишь во 2-м часу пополудни, а на Монте-Венто только в 3-м часу. Родич, повидимому, не отдавал себе отчета в глубочайшей истине военной философии, что на войне высшая энергия является одновременно и высшей мудростью. Повидимому, он опасался итальянской дивизии Пианелля (Pianell), из состава которой полубригада Аоста находилась на левом берегу Минчио, на возвышенностях к востоку от Монзамбано, а остальная часть на другом берегу реки вблизи названной местности.

Как выяснилось впоследствии, достаточно было одному австрийскому батальону проникнуть к мосту у Монзамбано, чтобы приковать всю дивизию Пионелля к правому берегу реки и принудить полубригаду Аоста оставить левый берег. Однако, батальон вынужден был отойти, потеряв 5 офицеров и 700 рядовых.

Итак, наступление австрийцев оказалось задержанным на обоих флангах. В 1-ом часу пополудни Родич лично прибыл в штаб армии и представил рапорт о положении правого крыла. Командование армии, видимо, присоединилось к его мнению, так как отказалось от ведения дальнейшего наступления в направлении на итальянские сообщения на Минчио, которое могло лишить итальянцев возможности удерживать позиции на возвышенностях под Кустоццой и Виллафранкой. *Решить дело должен был тактический удар, направленный на Кустоццу.* Для этой цели были назначены VII корпус Мароичича (находившийся до сего времени в резерве) в составе двух бригад, и одна бригада из состава V корпуса Родича, которая должна была наступать на Кустоццу с северо-запада. Следовательно, на центр итальянского расположения на возвышенности под Кустоццой предполагалось повести наступление, соединенное

с охватом фланга. В приказе для наступления не чувствовалось, однако, веры в успех. Мы в нем читаем: „в 5 часов VII корпус произведет *последнюю* попытку овладеть Кустоццой“.

В течение долгих часов затишья все на итальянской стороне искали генерала Ля-Мармора. Поступали донесения, запросы, предложения. Можно было отдохнуть и получить успокоение. На возвышенностях Монте-Кроце-Бельведер-С.-Лючиа и Монте-Венто были заняты прекрасные позиции. На возвышенностях под Кустоццой части варили себе пищу. Генерал Сиртори перешел даже в наступление с возвышенностей под С.-Лючиа.

Но ни командующего армией ни начальника штаба нельзя было отыскать. Генералы оказались предоставленными самим себе. Командование армии не давало указаний ни относительно расположения частей ни относительно какого-либо плана действий, могущего объединить отдельные усилия; не давало никаких сведений, могущих укрепить дух войск.

Итак, нет ничего удивительного, что наступление австрийцев удалось. В виду громадного численного перевеса Монте-Венто и С.-Лючиа были взяты без особого труда. Против находившейся под Кустоццой дивизии Говоне австрийцы повели блестящее наступление в лоб и во фланг. Дрались ожесточенно. Напрасно генерал Говоне обращался за помощью к Делля-Рокка. Вместо того, чтобы действовать, последний проводил время в мрачных размышлениях. Дивизия Говоне, израсходовав все свои патроны, отошла на Минчио, так как потеряла надежду на помощь.

После сражения австрийцы так измучились, что о преследовании не могло быть и речи. Только неутомимый полковник Пульц пытался наступать на дивизию Боксио, но наступление было отбито. Этот незначительный успех настолько поднял настроение генерала Боксио, что он приказал полковым оркестрам играть и с музыкой стал отступать на глазах у неприятеля.

Победу австрийцев под Кустоццой нельзя оценивать как результат только их численного перевеса. Она явилась следствием необыкновенно поучительных психологических явлений, вызванных стратегическим положением и тактическими неожиданностями. Среди этих явлений важнейшим, а для нашего исследования самым интересным было то, что командующий армией генерал Ля-Мармора и его ближайший помощник гене-

рал Делля-Рокка подчинились гнетущему влиянию заранее предвзятой идеи.

Под впечатлением первоначальных неудач они оба пришли к убеждению, что поражение неизбежно. Генерал Ля-Мармора не пытался даже проверить, на действительных ли данных основываются его впечатления; это он мог и должен был сделать. Достаточно было взойти на Монте-Венто, чтобы убедиться в полной возможности дальнейшего ведения боя. Однако это не пришло в голову командующему итальянской армией. Его психическое состояние ослабело и стало недоступным для восприятий, которые противоречили принятым уже ранее взглядам. *Подвергшись внушению, генерал Ля-Мармора в состоянии овладевшей им паники задолго до боевой развязки решил, что сражение будет проиграно*, хотя результат мог бы быть иной, если бы Ля-Мармора не поддался панике. [1]

СРАЖЕНИЕ ПОД ДОМОКОСОМ 17 МАЯ 1897 ГОДА.

В сражении по Домокосом (17 мая 1897 г.) греческая армия наследника престола Константина силою около 30 500 человек при 70 орудиях занимала на пространстве 17 — 20 километров горную цепь в окрестностях этого городка. Несмотря на скалистую почву, греки сумели сильно укрепить свою позицию и даже проложить дорогу для тяжелой артиллерии. Хотя эта позиция тянулась на высоте около 750 метров над равниной и признавалась одной из сильнейших, какую когда-либо занимал главнокомандующий, однако она имела свои слабые стороны, а именно с возвышенностями над Домокосом в северо-восточном направлении непосредственно соединяются горы Кассидиари, представлявшие угрозу всему правому греческому крылу. Через эти горы проходили также кратчайшие дороги, соединяющие Фарсалу с дорогой Домокос — Ламия, которая ведет на северо-восток через горы Отрис и перевал Фурка. Этой дорогой, поворачивающей в сторону возможных ударов противника, греки должны были пользоваться в случае отступления. В горы Кассидиари был послан полковник Мастрапас с 4-ым пех. полком и горной батареей; туда же передвинулся

---

[1] Для описания сражения под Кустоццой я пользовался трудами: Лихтенштейна, „Die Macht der Vorstellung im Kriege“; „Варшавский военный журнал“, 1902, № 9, стр. 872, 873 и 875; Додиньяк, стр. 107, 108, 87 — 89.

7-ой батальон „евзонов“, [1] который полковник Мастрапас подтянул к себе.

Турки силою в 50 500 человек при 180 орудиях [2] расположились биваком вокруг Фарсалы. Прекрасно разработанный турками план сражения основывался как раз на той уязвимости греческого правого фланга, о которой я только-что упоминал. 6-я и 3-я турецкие дивизии должны были направиться через горы на правый фланг и тыл противника, а 1-я и 2-я дивизии с резервной бригадой, дивизия кавалерии и армейская артиллерия демонстративными действиями в лоб должны были оттянуть на себя от места главного удара возможно большие силы греков. Ночью накануне наступления эти дивизии зажгли на биваках многочисленные костры, „чтобы привлечь в этом направлении внимание греков“. Дивизиям же, назначенным для флангового наступления, было строго запрещено зажигать костры и приказано соблюдать абсолютную тишину.

Утром 17 мая турецкие колонны двинулись к неприятельским позициям. „Бригада маузеров“ (так называли бригаду низама, входившую в состав 2-ой пех. дивизии) шла в авангарде, двигаясь долиной прямо на Домокос. Командующий армией Эдем-паша (Edhem) приказал бригаде быстро продвинуться вперед и занять небольшую каменистую возвышенность Ташлы-Тепе, лежащую в той же долине в 1800 метрах от неприятельских окопов. Дойдя до возвышенности и воспользовавшись ею как укрытием, пехотная бригада и находящаяся при ней артиллерия развернулись, пехота составила ружья в козлы, а кавалерийские разъезды двинулись в разных направлениях. Армейская артиллерия открыла „демонстративные действия“ из Дюс-Тепе (5 — 6 *км* от неприятельских позиций), однако, не произвела ни одного выстрела.

Совершенно пассивное поведение турок тем не менее „обеспокоило“ греков и „обратило их живое внимание“ в этом направлении. Греческая артиллерия долго обстреливала Ташлы-Тепе; даже с главной позиции были выдвинуты две роты с горной батареей, чтобы взять турок под фланговый огонь.

Еще не было 2 часов пополудни, когда Эдем-пашу стало

---

[1] Т. е. стрелков; в Греции было 8 стрелковых батальонов 4-ротного состава.

[2] 45 000 штыков, 1200 сабель и 4000 охотников.

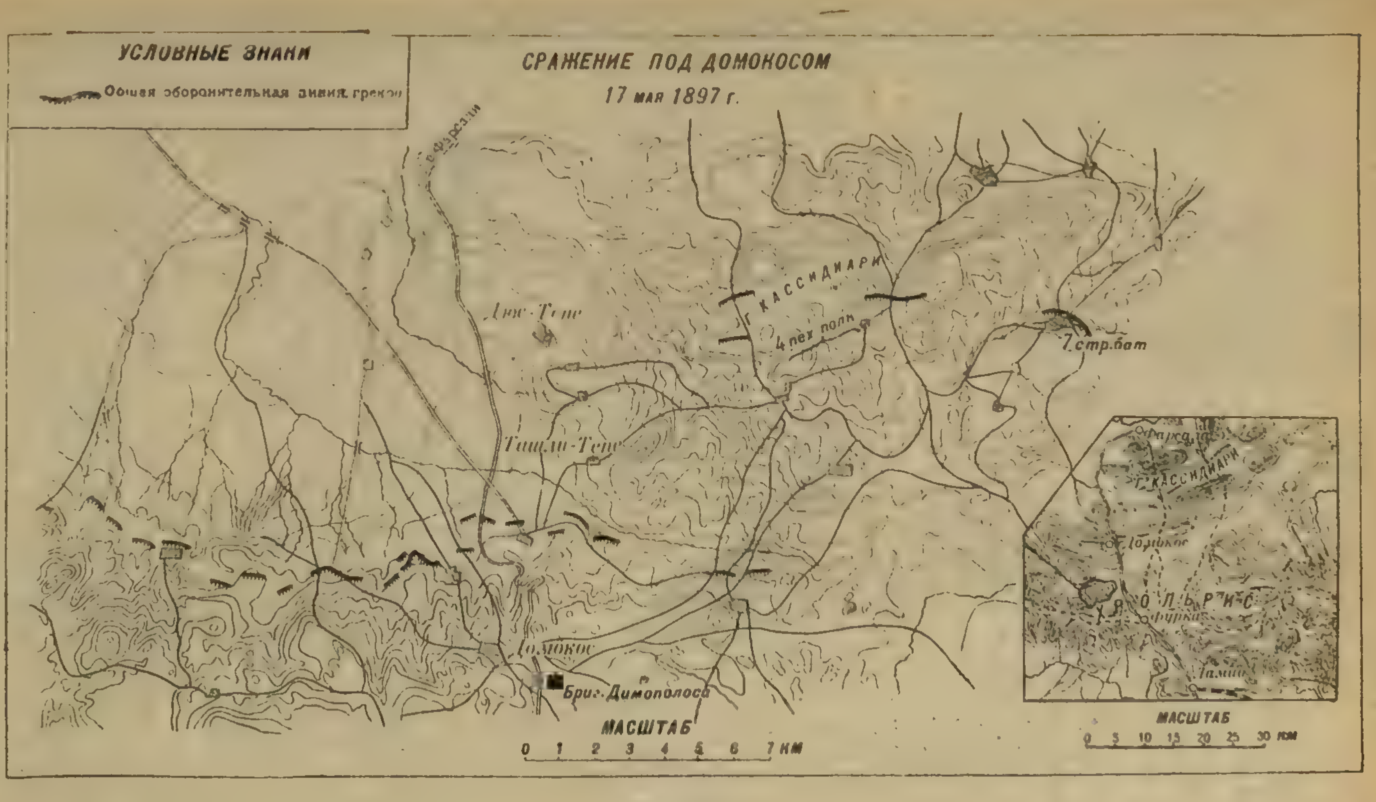

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ
Общая оборонительная линия греков
СРАЖЕНИЕ ПОД ДОМОКОСОМ
17 мая 1897 г.
4 пех. полк
7. стр. бат
Дюз-Тепе
Ташли-Тепе
Домокос
Бриг. Димополоса
МАСШТАБ
0 1 2 3 4 5 6 7 км
Фарсала
Домокос
Ламия
МАСШТАБ
0 5 10 15 20 25 30 км

Схема III.

охватывать сильное беспокойство. Две обходящие фланг дивизии не подавали признаков жизни. Из Золотого Рога была получена телеграмма, что великие державы внесли в Высокую Порту энергичное требование о прекращении военных действий, но, поскольку Домокос не был занят, заключение мира не могло быть для турок благоприятным.

В виду такого положения вещей Эдем-паша решил, что лишь энергичное лобовое наступление может воспрепятствовать грекам послать их резерв на Кассидиари, что могло бы задержать турецкое обходное движение или даже вызвать его неудачу. В виду этого он приказал Нури-паше с бригадой низама без промедления повести наступление на Домокос и овладеть позицией.

Бригада низама, совершенно одна, повела наступление на сильно укрепленную позицию. Поддерживала ее только ее собственная батарея и армейская артиллерия, которая для этой цели энергично выдвинулась вперед. Совершенно открытый правый фланг бригады подвергался в течение долгого времени неприятельским контр-атакам. Однако греки или опасались могущественного огня турецкой артиллерии, или оказались настолько привязанными к своим прекрасным окопам, что не проявили желания их оставить, и решительного движения не предпринимали.

Несколько позже к обоим флангам низама подошли части 1-ой дивизии и 2-я бригада 2-ой дивизии. Поддержанная артиллерией, „бригада маузеров“, невзирая на тяжелые потери, столь яростно двинулась вперед, что совершенно одна впереди частей обеих дивизий овладела первой нижней линией неприятельских окопов. Однако, силы ее были исчерпаны совершенно. *В ночной темноте бригада пала жертвой паники:* лошади собственной артиллерии, посланные на водопой, были приняты за греческую кавалерию. Находившийся невдалеке командующий армией, узнавши об этом, послал командиру бригады следующий, в психологическом отношении весьма интересный приказ:

„Мужество выше всякой похвалы и блестящую победу бригады низама золотыми буквами записала турецкая военная история... Все отступающие будут тотчас же без приказа расстреляны. В виду этого приказываю вашему превосходительству принять во внимание огромную ответственность, которая лежит на вас за подобный отход, немедленно лично обойти

боевую линию, оповестить императорских солдат при посредстве офицеров о победе и подходе подкреплений и передать солдатам слова моей признательности".

За исключением того, что бригада низама овладела частью нижних греческих окопов, остальные ее атаки не только не увенчались успехом, но местами греки переходили в контрнаступление. О дивизиях, выступивших с заданием обойти греческую позицию, давно не было сведений. [1] Эдем-паша решил: отказаться от энергичного лобового наступления, привести в порядок в тактическом отношении фронтовые части, занять сильные позиции и окопаться, а от левофланговых дивизий потребовать дальнейшего наступательного движения на правый фланг и тыл противника. Около 7 час. вечера греческие батареи прекратили огонь, а с наступлением темноты затих и ружейный огонь.

Можно представить себе удивление турок, когда они с наступлением утра установили, что греки совершенно покинули свои позиции. „Что могло быть причиной подобного решения", спрашивает немецкий автор, описывая этот бой. Генерал фон-дер-Гольц говорит, что причиной являлись опасения, вызванные ходом действий в горах. То, что там совершалось, не поддавалось наблюдению, а, следовательно, в значительной степени зависело от капризов человеческой фантазии. Полковник Мастрапас не мог удержать горные теснины Кассадиари и начал отступать. Это, несомненно, угрожало сообщениям с тылами — дороге через гору Отрис и перевалу Фурка. В таком случае почему не была выслана в помощь Мастрапасу бригада Димотулоса? Бригада эта входила в состав главного резерва ($11^3/_4$ батальонов и 2 батареи), стояла позади Домокоса за правым флангом позиции и с большой легкостью могла выступить против турецких обходных колонн. Наступление этой бригады имело тем больше шансов на успех, что турецкие колонны двигались по плохим горным дорогам и вынуждены были, благодаря условиям местности, покинуть

---

[1] Впоследствии выяснилось, что левый турецкий фланг действовал не энергично, к тому же движение турок было затруднено тяжелой местностью и размокшей вследствие дождей почвой; 6-я дивизия, толкая перед собой полковника Мастрапаса, в 6 час. вечера подошла к дер. Каратсола, лежащей в 7 верстах от поля сражения, и, хотя слышала со стороны Домокоса канонаду, заночевала здесь. 3-я дивизия ночевала у дер. Боробази, в 12 верстах от Домокоса.

свою полевую артиллерию, оставив при себе только три горных батареи.

Надо удивляться, что опасения греческого главнокомандующего вызывали не только его правый фланг и тыл, но и фронт позиций. Сомнительно, чтобы в данном случае могла играть роль большая или меньшая степень ориентировки главнокомандующего в тактических положениях, так как ведь все напрасные усилия турок проникнуть на неприятельские позиции происходили прямо на глазах у греков. Их потери были незначительны,[1] части держались хорошо и оставались в руках своих начальников. Несмотря на господствующую позицию, обеспечивавшую наблюдение и позволявшую буквально пересчитать турок, наступавших по равнине, пять турецких бригад, неизвестно почему, были приняты за пять дивизий. Также были переоценены силы турецких колонн, обходивших фланг, насчитывавших якобы несколько дивизий. Встревоженное воображение подготовляло психику командующего к тому состоянию, которое легко могло быть охвачено внешне незаметной паникой, предвещавшей неудачный исход сражения раньше еще, чем выявятся реальные данные на его действительный проигрыш.

В смысле психологическом на решение греческого главнокомандующего отступить повлияло, повидимому, то обстоятельство, что греки, как утверждает фон-дер. Гольц, не только не ожидали наступления турок на горы Кассадиари, но сами оттуда именно предполагали перейти в наступление, „как только турки окажутся связанными на равнине своими действиями против греческих позиций“. Говоря иными словами, греки, пользуясь горной местностью, хотели *захватить* турок; однако их предупредили — избранный ими театр боевых действий оказался в руках противника. В результате получилась известная реакция: разрушенные надежды обычно вызывают глубоко удрученное состояние.

Следует принять во внимание, что смелое движение вперед бригады низама и даже ее половинчатый успех произвели на греческое командование весьма сильное впечатление, под влиянием которого было потеряно даже представление о том, может ли иметь победное окончание это удачное начало в виду сильных греческих позиций.

---

[1] 95 убитых, 390 раненых; потери турок доходили до 1800 человек (фон-дер-Гольц показывает 40 офицеров и 1170 рядовых).

Все эти душевные переживания привели наконец к тому, что хотя греческие потери были весьма малы и без сравнения меньшие, чем у противника, хотя греки занимали могущественную позицию, фронтальное наступление турок окончилось неудачей, турецкое обходное движение не дало решающих результатов, а настроение греческих частей было хорошее, части находились в руках своих командиров, и главное командование располагало нетронутым резервом, несмотря на все это, главнокомандующий признал сражение проигранным и приказал отходить. [1]

Подобно тому, как в сражении под Кустоцца, импульс для такого непонятного, казалось бы, решения дал ряд реальных явлений. В обоих случаях эти явления вызвали игру *воображения* и ряд преувеличенных предвзятых заранее понятий, приведших к поражению. Под Домокосом, так же как под Кустоццой, одна из сторон, в данном случае греки, преувеличила свое поражение. Действительно, положение греков было до известной степени опасное, так как значительные турецкие силы направлялись против их фланга и тыловых путей сообщения. Воображение однако создало из того, что делалось, больше, чем происходило в действительности. Во всяком случае здесь не было никакого непоправимого несчастья, и греческий главнокомандующий как 31 год тому назад, Ля-Мармора, обладал достаточными материальными средствами, чтобы совершенно изменить положение. Однако, пессимистическое настроение взяло верх, и главнокомандующий совершенно не использовал даже нетронутых сил, которыми он еще располагал.

XVII РУССКИЙ КОРПУС В БОЯХ ПОД ВАРШАВОЙ В ОКТЯБРЕ 1914 ГОДА

В период первого наступления Гинденбурга на Варшаву в 1914 г. 61-я русская дивизия совместно с остальными частями IV, V и IX армий подлежала переброске из Галиции на Вислу с целью оказания противодействия германским силам, напра-

---

[1] При составлении наброска боя под Домокосом я пользовался следующими трудами: а) „Jahrbücher für die deutsche Armée und Marine“, 1902, Januar bis Juni, стр. 298 — 306; б) Colz v. der. „Der Thessalische Krieg und die türkische Armée“, Berlin, 1898, стр. 183 — 202 и 210 — 215; в) Монкевиц, кап. ген. шт., „Греко-турецкая война“ (перевод с немецкого сочинения австрийского капитана гр. Самес-Зевис), Варшава, 1898 г.

вляющимся на участок Ивангород (Демблин) — Варшава. 241 пех. Седлецкий и 243 пех. Холмский полки под общим командованием командира бригады ген. Орлова прибыли в дер. Павловице одновременно с обеими дивизиями XVII корпуса, а автор этого труда, дойдя с остальными двумя полками дивизии походным порядком до Люблина, был там посажен на поезд и 13 октября выгрузился вместе со штабом дивизии и 241 пех. Луковским полком [1] на ст. Ивангород.

„Получив здесь необходимые указания, я отправился в дер. Павловице, куда прибыл около полудня,—пишет в своих памятных записках командир дивизии,—после посещения командира корпуса я переехал по мосту на другую сторону Вислы и здесь оказался на довольно узком отрезке левого берега реки, ограниченном относительно высокой дамбой. Направо, в направлении дер. Голендры, уже развернулась 35-я пех. дивизия, в центре против Вольки Тыжинской вели наступление части 3-й пех. дивизии, между дамбой и рекой скучились батареи 3-й артиллерийской бригады, остановились два полка моей дивизии и рота 35-й дивизии. Несколько влево у дер. Сташов находился 140 пех. Зарайский полк, а еще далее части III Кавказского корпуса. Происходила слабая артиллерийская стрельба, пролетали немецкие „чемоданы“, которые мы здесь видели впервые, изредка видны были немецкие аэропланы, подававшие сигналы своим батареям... После сырого, туманного, предвещавшего дождь, утра наступил чудный солнечный летний день. Впереди нас ясно вырисовывались отдельные уцелевшие деревья, и видны были развалины сожженных изб.

Я обошел оба полка, поговорил с офицерами и солдатами и убедился, что несмотря на тяжелые условия похода из Галиции и плохое продовольствование во время похода, несмотря на пребывание в наскоро построенных, не дающих никаких удобств окопах, несмотря на беспрерывный гул летающих днем и ночью в направлении моста „чемоданов“ — настроение в полках было живое и веселое. Настроению этому весьма содействовало то, что в течение этих дней все командиры, до командиров дивизий включительно, находились на месте среди рядовых и ночевали вместе с ними в тех же неустроенных еще

---

[1] 244 пех. Красноставский полк оставался в прикрытии штаба V армии; спустя 2 дня, этот полк присоединился к своей дивизии.

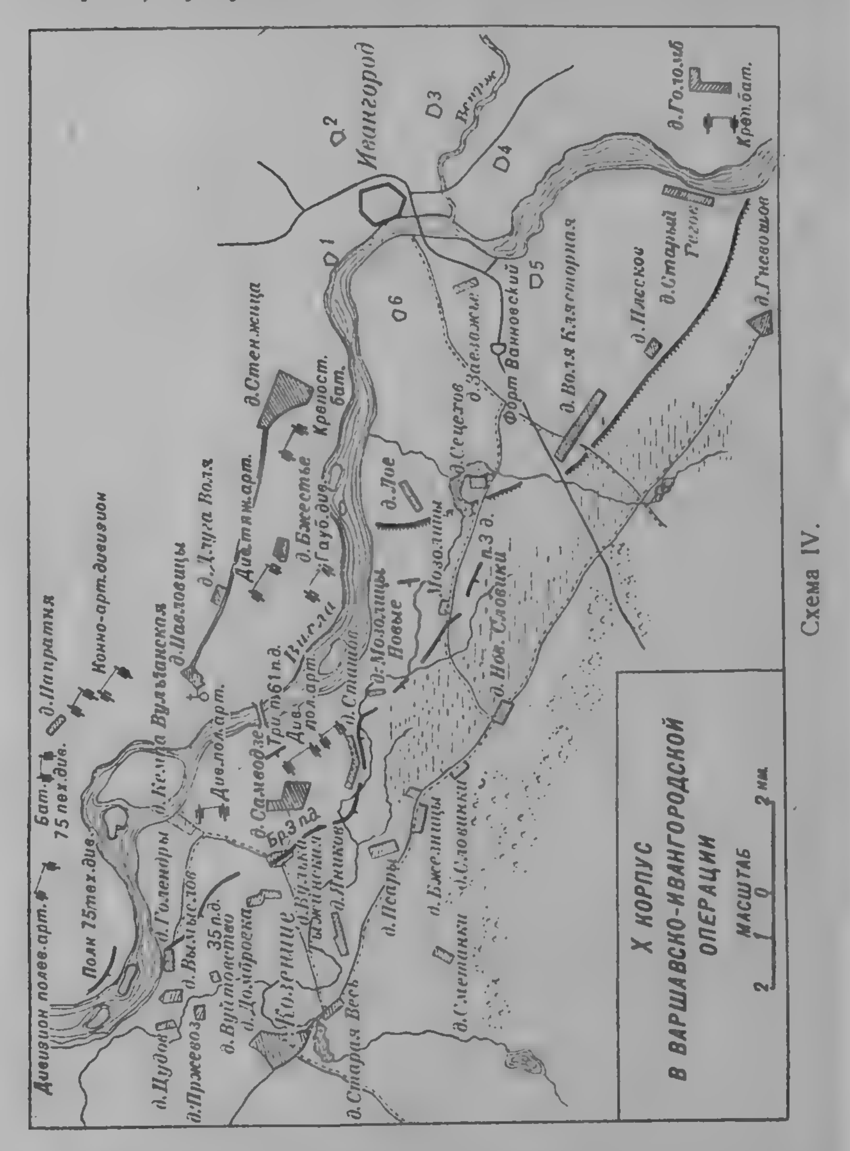
окопах. Все было скучено до такой степени, что и моя вырытая в земле дыра, в которой я расположился, находилась лишь в трех шагах от таких же убежищ, предназначенных для рядовых. В общем, на этом участке было относительно тихо и спокойно, и подобно тому, как на небе не заволакиваемое облаками солнце медленно склонялось к западу, так равно в условиях слабого артиллерийского и ружейного огня ничто не располагало к заботам, беспокойству, не наводило на грустные думы.

В прекрасном настроении я вернулся в Павловице к командиру корпуса и, войдя в небольшую комнатку скромного деревянного дома местного ксендза, весело отрапортовал уважаемому генералу Я.: „Я нашел все в порядке, люди бодры, настроение прекрасное". „Быть может, там у вас хорошо, — как-то грустно ответил мне генерал, — а у нас-то не очень". „Почему?" — Как бы в ответ на мой удивленный вопрос командир корпуса поделился со мной подробностями положения, в котором он находился в этот чудный октябрьский вечер.

Влево от частей XVII корпуса, подчиненные тому же командиру части III Кавказского корпуса (ген. Ирмана) едва держались и, завязши в каких-то болотах, находились в неслыханно тяжелом и безнадежном положении. [1] Об этом только-что было получено донесение от командира 52-й пех. дивизии ген. Артемьева. Части XVII корпуса были не в силах продвинуться вперед, наткнувшись на сильно укрепленную немцами часть деревни Вулька-Тыжинская. 3-я пех. дивизия уже теперь имеет весьма значительные потери. Тяжелой артиллерии, даже гаубиц корпус не имеет и буквально лишен средств побороть немецкое сопротивление. Все попытки переправы через Вислу, делаемые на соседних участках и даже в соседних армиях, закончились совершенной неудачей. Гренадерский корпус сильно пострадал под Новой Александрией (Пулава) и все, перешедшие на этом участке на левый берег Вислы, поспешно вернулись обратно на правый берег. Была получена также депеша из V армии от начальника ее штаба ген. Мил-

[1] Сведения эти относятся, повидимому, к тому моменту, когда около 15 часов 13 октября немцы перешли в контр-наступление и начали теснить русских, в особенности на их левом фланге в районе Бржезница — Словики Нове, где открытая, болотистая местность не позволяла обороняющемуся ухватиться за местность (Корольков, „Варшавско-Ивангородская операция", 1923 г., стр. 116).

лера, в которой сообщалось о подобных же неудачных попытках армии, принудивших в конце концов ген. Плеве остаться

на правом берегу. Оканчивалась депеша как бы дружеским сочувствием генералу И., который на левом берегу Вислы может

оказаться перед лицом огромных неприятельских сил и подвергнуться судьбе гвардейской стрелковой бригады (ген. Дельсаля), арьергарда IX армии, бессмысленно выдвинутого к Опатову, действовавшего несчастливо и понесшего невероятные потери. „По существу я остался один, добавил генерал Я., и вследствие этого решил сегодня же ночью отойти на правый берег реки. Ваша бригада будет прикрывать отход“.

Никаких объективных данных для подобного решения в этот момент не было.

Неприятель, направляя главные силы на Варшаву, не теснил ни частей III Кавказского корпуса ни XVII корпуса и был, повидимому, весьма рад, что эти части не очень напирают на его правый фланг. Самый факт нахождения обоих корпусов на левом берегу реки, при условии, что боевые действия в этом районе не будут пассивны, так как это позволило бы немцам провести их планы в отношении Варшавы, приобретало столь большое значение, что все неудачные попытки соседей перейти на противоположный берег не могли, очевидно, быть причиной для отказа от достигнутого уже успеха. Телефонограмма, полученная якобы от командира 52-ой дивизии, которой ген. Я. особенно проникся, так как она пришла от столь великолепно дравшегося в то время III Кавказского корпуса, не была подвергнута надлежащей критике, так как она отвечала тайному желанию ген. Я. отойти на правый берег Вислы. Между тем эта телефонограмма была не от командира 52-ой пех. дивизии, а от ген. Веселовского, командира 81 пех. Апшеронского полка, и даже не 52-й, а 21-й дивизии. Кто уполномочил ген. Веселовского говорить от имени большей, чем полк единицы, осталось до сего времени не выясненным. [1]

С тылов подходили подкрепления; соседи, если не сегодня, то завтра, должны были возобновить попытки переправиться на левый берег Вислы, а ген. Я, угнетенный, повидимому, мыслью, что он остался в одиночестве и что другие, более рассудительные, все уже отошли, решился также отойти, не использовав ни для себя ни для других весьма благоприятного положения на левом берегу.

„Соответствующие приказы были разосланы, и с наступлением

---

[1] Спрошенный впоследствии ген. Ирман ответил, что, может быть Веселовский имел основание изображать положение в черных красках, а что сообщенное им — неизбежные колебания в ходе каждого сражения.

темноты части двинулись к переправам. Расположившись для отдыха в одной из хат дер. Павловице, невдалеке от моста, я, несомненно знал, что бригада 61-й пех. дивизии начнет отход не ранее как поздним утром, однако приказал периодически доносить мне о том, что делается на мосту. Кажется, в 1-м часу ночи мне было доложено, что переправа остановлена, и части, отошедшие на правый берег реки, поспешно возвращаются на левый берег. На следующий день выяснилось, что как только командующий IV армией ген. Эверт узнал об отводе этой дивизии, он послал ген. Я. телеграмму, уведомлявшую его, что в тот момент, когда последний его солдат перейдет на правый берег Вислы, генерал будет смещен с должности командира корпуса. [1]

Зародыш панического настроения возник в душе ген. Я. вследствие одновременного получения сведений, в которых он не достаточно ясно разобрался, но которые вследствие своей одновременности и мрачных красок произвели на него тяжелое впечатление и были поняты в смысле наиболее ему подходящем. Повторяю, этот зародыш вызвал решение отказаться от боевых действий на левом берегу в то время, когда не только не было какой-либо неудачи, но когда, в виду оставления немцами без внимания пассивно ведущей себя русской группы, неудачи и не могло быть. В случае отхода группы генерала Я. на правый берег, русские могли бы быстро, без наводки мостов, перейти на другой берег Вислы только в Варшаве, т. е. на крайнем правом фланге. На конце участка они оказались бы в состоянии чистой пассивной обороны, так как после отхода III Кавказского и XVII корпусов пришлось бы, вероятно, уничтожить и вторую, находящуюся невдалеке переправу — под самым Ивангородом. В данном случае русские отказывались от положительных сторон положения, созданного ими самими под Павловице, не вследствие какой-либо паники, которая в тяжких условиях охватывает целые части, а вследствие паники, нашедшей приют в душе старшего начальника.

Быть может, найдется много подобных, на первый взгляд, недостаточно ясных событий, когда под влиянием полученных тревожных сообщений нерешительный, осторожный или бояз-

[1] В данном случае группы (III кавказский и XVII корпуса) находившиеся у переправы под Павловицами.

ливый командир принимает неудачное для общего хода событий решение, не замечая, что ужасы, рисующиеся в его болезненном воображении, не соответствуют истинному положению вещей. Однако в данном случае пишущий эти строки имел возможность лично наблюдать, как в уме старшего начальника развивалась мысль, предрешавшая необходимость отхода, и как с целью уверить себя в правильной оценке положения и оправдать уже принятое решение командир корпуса из поступавших сообщений выбирал только то, что подтверждало его точку зрения. Вследствие этого сведения, сообщаемые ген. Веселовским, были для ген. Ирмана обычными колебаниями всякого боя, а для генерала Я. являлись важным аргументом в пользу отхода.

В этом отношении, течение мыслей ген. Я. и его действия во время переправы под Павловице ничем по существу не отличаются от таких же явлений под Кустоццой, а выход из боя на левом берегу Вислы, не дожидаясь выяснения невозможности вести дальнейший бой или недостаточности шансов для его успеха, совсем напоминают приведенные выше решения, т. е. ген. Ля-Мармора и греческого главнокомандующего. Масштаб событий был значительно меньший, роль ген. Я. тоже меньшая, но сущность явлений одна и та же. Если паническое бегство с поля сражения выражается выходом из боя людских масс, то процессы работы ума, души и воли, подобные переживаниям ген. Я. должны быть отнесены к случаям *индивидуальной* паники, возникающей не в сердцах масс, а в сердце одного человека, и завершаемой выводом войск из боя.

ПАНИКА В ОТДЕЛЬНЫХ ВОЙСКОВЫХ ЧАСТЯХ

Этот вид паники занимает среднее место между индивидуальной паникой и паническим бегством целых армий и охватывает самое большое число случаев, так как к этой категории причисляются паники мелких частей, полков, дивизий, корпусов и даже целых армий того времени, когда они численно приближались к современным дивизиям и корпусам.

Множество случаев паники выявляет различие оттенков и разнообразие причин, вызвавших ее. Наиболее известные случаи паник я приведу, [1] когда буду говорить о причинах, ее вызывающих, и тогда постараюсь сделать соответствующие выводы. Теперь же, говоря о разных видах паники, я остановлюсь лишь

[1] В хронологическом порядке.

на самых трудных для разбора и описания случаях, а именно на *панике войск во время минувшей мировой войны.*

В погоне за самыми легкими для описания — „стратегическими моментами“ военные писатели мало касались фактической стороны и подробностей боевых явлений, необходимых для знакомства с природой современного боя, вследствие этого отдельные эпизоды, в которых говорится о панике, надо выискивать точно жемчужины.

Однако, не подлежит сомнению, что ни на одной войне не было столь большого числа паник, как в мировой, когда на поля сражений выступили громадные армии. По истечении некоторого времени эти армии приобрели характер милиции. Война продолжалась целые годы, в ней приняли участие различные народности — каждая с особыми свойствами своего темперамента, а ужасы боев оправдывали частое проявление паник. Когда появятся воспоминания необыкновенно многочисленных участников этой войны — мы узнаем много, интересных вещей в области исследуемого нами вопроса.

В настоящее же время приходится довольствоваться скудным материалом. Приведенные примеры я даю в алфавитном порядке государств, принимавших участие в войне. Об английской армии я не в состоянии что-нибудь сказать. Англичане прикрыли жизнь своей армии завесой, за которую, быть может, удастся проникнуть в том случае, когда подымут голос средний и младший командный состав, а также рядовые.

ПАНИКА В АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ АРМИИ

В австро-венгерской армии целый ряд паник имел место тотчас же после начала войны. Жаль, что ген. Конрад в своем большом и интересном труде[1] вспоминает только о некоторых случаях паники и, рассказывая об этом, старается значительно смягчить их окраску.

16 августа 1914 года 5-я гонведная кав. дивизия, совместно с 32-м стрелковым батальоном и 3-м бат. 15-го пехотного полка, перешла у дер. Козина пограничную речку Збруч по временному, однако, крепкому мосту, по которому могли пройти даже автомобили. Приданные дивизии пехотные части немедленно организовали восточнее деревни нечто в роде пред-

[1] „Aus meiner Dienstzeit, 1906 — 1918“, т. IV и V.

мостной позиции и заняли окопы. В тот же день появились слабые отряды казаков, которые были легко отброшены.

17-го, в 7 ч. 30 м. утра, 5-я гонведная кав. дивизия двинулась в направлении местечка Городок. Оба батальона остались на предмостной позиции, обозы отряда находились на западном (австрийском) берегу Збруча. Около 11 часов из обоза были высланы к дивизии походные кухни. При проезде их через м. Сатановка по ним раздалось несколько выстрелов, вероятно, со стороны казаков, укрывшихся в этом местечке. 32-й стрелковый батальон тотчас же выслал в Сатановку один или два взвода, и огонь утих.

Около 2 ч. 30 м. пополудни 5-я кав. дивизия встретила под Городком окопавшуюся неприятельскую пехоту с пулеметами, артиллерией и кавалерией. В дивизии господствовало хорошее боевое настроение. Командиры полков хотят наступать. Командир дивизии не дает соответствующих распоряжений, но предоставляет усмотрению командиров полков вести наступление в пешем или конном строю. Гусары гонведа храбро атакуют с дистанции 4000 шагов. Атаку блестяще поддерживает их конная артиллерия. Наступление стоило дорого и удалось только частично. Противник отступает. Командир дивизии назначает сборный пункт, куда, под прикрытием своей артиллерии, стягиваются полки. Однако, это место обстреливается противником. Около 6 часов вечера командир дивизии решает одной общей колонной вернуться на Збруч. Хотя наступление на окопавшуюся пехоту велось без достаточных оснований [1] и не имело успеха, но свидетельствовало, однако, о высокой боевой ценности дивизии. Решение отойти до самого Збруча после частичного успеха было совершенно непонятно. Неприятель не преследовал.

Около 9 час. 30 мин. вечера в полной темноте дивизия подошла к Сатановке. Вместо того, чтобы отвести дивизию к укрепленному предмостью у дер. Козина или расположить ее биваком под прикрытием предмостной позиции, командир дивизии решает разместить ее по квартирам в Сатановке. Дивизия, войдя в местечко, не приняла никаких мер предосторожности. Раздалось несколько выстрелов, произошел беспорядок, и возникла *паника*. На звук выстрелов обозы 5-й дивизии, никем не атакованные, как безумные бросились удирать из

---

[1] Т. е. конницу ничто не вынуждало к бою с пехотой. *Ред.*

местечка. „Подчеркиваю, писал Конраду ген. Кевеш, что во время отступления 5-й гонведной кав. дивизии из-под Городка ее никто не преследовал и не беспокоил вплоть до Сатановки. Паника возникла только в самом местечке“. [1] В результате ее 5-я кав. дивизия бежала вплоть до Трембовли и Гржималова, где стала собираться под прикрытием находившейся там пехоты. [2]

В боях, происходивших восточнее Львова между Каменкой и Нараевым, Конрад намеревался нанести решительный удар в направлении на Злочев и Бжезаны. Он потребовал от ген. Брудерманна, чтобы тот сосредоточил южнее дороги Львов — Злочев XI, III и XII корпуса с 44-ой дивизией и 88-ой пех. бригадой. Ген. Брудерман не выполнил указанных требований (не только XI корпус, но и 28-я пех. дивизия III корпуса оказались севернее указанной линии), что принудило Конрада в ночь на 27 августа дать подробные указания и задания начальнику штаба III армии полк. Пфейферу для всех корпусов и приданных армии дивизий. Но в 8 часов утра 27 августа полк. Пфейфер сообщил Конраду по телефону, что отход III армии неустраним, и что штаб армии вынужден отдать соответствующие приказы. Ген. Конрад закидал его вопросами: „Где сражается XI корпус? что происходит с III корпусом?“ „III корпус разбит“. „Неуспех является следствием неповиновения“, — заметил Конрад своему адъютанту. Нужно было отдать приказ об отходе III армии на линию Жолкев — Львов — Миколаев. [3] Этот отход совершенно изменял положение в Восточной Галиции, так как III армия совместно со II армией и группой ген. Кевеша прикрывала с востока [4] наступление I и IV австро-венгерских армий на Люблин и Холм.

Но вот, того же 27 августа, в 11 час. 15 мин., ген. Конрад получает из штаба III армии [5] новые сведения, подтверждающие, что положение III армии вовсе не было столь тяжелым, как рисовал Пфейфер. 22-я пех. ландверная дивизия из состава III корпуса неожиданно попала под артиллерийский обстрел и начала отступать. *Паника, возникшая в ее обозах,*

[1] Конрад, IV, стр. 448.

[2] С целью узнать непосредственно о состоянии частей и обозов ген. Кевеш выслал туда майора Янковича (Конрад, IV, стр. 450).

[3] Конрад, IV, стр. 533, 534 и 540.

[4] От III и VIII русских армий.

[5] От начальника оперативного отдела штаба армии полковника Питрейха.

создала впечатление, что отступает весь III корпус. Однако, прочие части корпуса продолжали сражаться, также и XII корпус, положение армии вовсе не было таким, что могло бы оправдать отдачу приказа об отходе. [1] Командующий армией ген. Брудерманн, отдавший приказ об отходе, находился, повидимому, в том паническом состоянии духа, которое вызывает отказ вождя от дальнейшей борьбы задолго до момента, когда материальные условия подобный отказ могли бы оправдать.

Панику, возникшую в 22-ой пех. дивизии, можно объяснить только тем, что ее командир ген. фон-Краус-Элисляго подвергся нервному потрясению, и дивизия, в дальнейшем течении войны оказавшаяся отличной, в самый важный момент галицийской битвы была лишёна руководства. [2]

ПАНИКА В III АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ АРМИИ 2—3 СЕНТЯБРЯ 1914 ГОДА

После неудачи под Перемышлянами III австрийская армия хотела крепко зацепиться за местность у Львова. Для прикрытия ее правого фланга была поставлена на запад от Куликова 23-я пех. дивизия и 97-я бригада ландштурма под общим командованием ген. Демпфа.

В соответствии с полученными от Конрада указаниями, [3] командующий III армией объявил, что с точки зрения политической и военной австрийцы должны во что бы то ни стало удержать за собою Львов. [4]

К тому времени *истинное* положение дел представлялось в следующем виде. I и VI австрийские армии сражались на северном фронте в направлении Люблин — Холм — Грубешов. I армия была остановлена, IV же овладела Комаровым, а находившаяся против нее V русская армия поспешно отходила на Крылов и Грубешов. Чтобы обеспечить своим северным армиям возможность дальнейшего наступления, III и II австрийские армии, сражавшиеся фронтом на восток, должны были удерживать линию Львов — Миколаев. IV австрийской армии было приказано, направив в тыл V русской армии такое количество сил, которое произвело бы впечатление энергичного наступления, остальными частями перейти в насту-

[1] Конрад, IV, стр. 542.
[2] Ген. ф. Краус-Элисляго был отстранен от должности.
[3] Конрад, IV, стр. 598.
[4] Приказ III армии от 31 августа, 1914 г. № 344; там же, стр. 598.

пление против III русской армии и ударом по ее правому флангу помочь армиям, защищающим Львов. [1] Конрад считал, что, если части IV австрийской армии с полуночи, а II с полудня примут участие в боях III армии под Львовом, то не исключена возможность победить русских.

И вот, 2 сентября получаются сведения, что III армия не в состоянии держаться под Львовом и отступает на линию Верешицы. В этот день утром лично является к Конраду начальник штаба III армии и докладывает ему подробно о событиях, происшедших на Львовских позициях. Оказывается, что ночью раздалось два или три выстрела. Этого было достаточно, чтобы в 97-ой ополченской (ландштурм) бригаде возникла паника, охватившая вскоре также 23-ю пех. дивизию. Части, никем не атакуемые и не преследуемые, беспорядочной толпой бежали до самого Львова и там начали собираться на городском учебном плацу. Командир дивизии и оба командира бригад покинули свои части и направились в одну из Львовских гостиниц, где их с трудом вытащили из постелей. [2]

„Эти войска,—сообщал Конраду командующий III армией ген. Брудерманн,—на которые рассчитывали, решив оборонять Львов, теперь бегут во Львов, хотя еще вчера вечером они сражались с успехом под Куликовым". В дальнейшем ген. Брудерманн говорит о невозможности держаться дольше под Львовом и о необходимости отступать на линию Верешицы, где можно будет восстановить боевую готовность армии и в ожидаемой решительной встрече с противником рассчитывать на нее, как на вполне надежную часть. Оценивая моральное и материальное состояние своей армии, ген. Брудерманн говорит, что оно вызвано, с одной стороны, руссофильской пропагандой, с другой — ошибочной организацией, в силу которой ополченские части высылаются в первые боевые линии вместе с полевыми частями, что значительно понижает боевую ценность последних. [3] Об этой именно панике в своем труде Новак пишет: „Еще можно было защищать столицу, и Конрад это решил. Однако его решение должно было неожиданно пасть перед одним из тех происшествий, которые иной

---

[1] Конрад, стр. 609.

[2] Из письма Конрада к барону Больфраз от 5 сент. 1914 г. (Конрад, IV, стр. 648).

[3] Конрад, IV, стр. 620, 621.

раз беспричинно охватывают нервы войсковых частей. Стоящую перед небольшим лесочком в окрестностях Жолквы 23-ю пех. дивизию гонведов [1] *неожиданно охватила паника.* Без всякой причины дивизия бросилась бежать. Образовался прорыв. При этих условиях не было уже никакой возможности защищать Львов. Конрад быстро перенес линию своего фронта назад и занял позицию у прудов Городка". [2]

Почти одновременно с описанными происшествиями в III армии имели место интересные с точки зрения нашего исследования эпизоды в группе ген. Кевеша.

Группа эта состояла из XII корпуса, 16-ой, 35-ой и 11-ой пех. дивизий, 105-ой резервной (ландверной) бригады и 12-ой маршевой бригады. 29 августа ген. Кевеш отдал приказ держаться на позициях вдоль Гнилой Липы до последнего патрона, так как наступление VII корпуса, а также северного фланга соседней III армии развивалось вполне благоприятно. 30 августа штаб III армии уведомил ген. Кевеша, что VII корпус освободил уже 105-ую резервную бригаду, временно приданную этому корпусу. *Но упомянутая бригада в то время находилась уже в бегстве.* Около полудня отступила 11-я пех. дивизия, и XII корпус, мужественно державшийся, оказался охваченным с правого фланга, что при отступлении вызвало тяжелые потери.

„Путь отхода был мною назначен на Бобрку, — пишет ген. Кевеш. — Я лично задержал восточнее Свижа некоторые части корпуса, расположив их как арьергард. Во время объезда этих позиций я вместе со своим штабом попал под огонь неприятельских шрапнелей. Лошади понесли. Я упал вместе с конем. Какой-то эскадрон гусар пронесся надо мной. Однако, все окончилось счастливо лишь ушибами, и я был в состоянии вскочить на какую-то гусарскую лошадь, оставшуюся без хозяина. *Штаб мой рассыпался.* С двумя офицерами, которых я нашел, я направился в Бобрку, куда мы прибыли около 8 часов вечера. Там находился уже генерал-майор Дитрих, командир артиллерийской бригады 11-ой пех. дивизии, и генерал-майор Гольдбах, командир бригады 16-ой пех. дивизии. При мне находились два офицера Ген. Штаба, два офицера ординарца, начальник снабжения и два интенданта. Неприятель

---

[1] У Новака ошибочно указана 32-я вместо 23-ей.
[2] Новак, стр. 36.

не напирал. Мой начальник штаба оказался на дороге во Львов, так как какой-то оглупевший артиллерийский капитан сообщил ему, что неприятельская артиллерия обстреливает Бобрку, и что я ранен или убит. Связь со Львовом была прервана. Для ее восстановления я выслал на повозке одного из офицеров Ген. Штаба. С генералами и остальными офицерами я по мере возможности восстанавливал порядок в частях и в проходивших обозах. Весь день 31 числа я провел в Бобрке, куда подходила также 11-я пех. дивизия. Удалось спасти большую часть обозов. На несчастье глупейшим образом была преждевременно эвакуирована жел.-дор. станция Бобрка, и трусливый персонал бросил поезд с двумястами тяжело раненых... 1 сентября почти до полудня сильные арьергарды оставались на возвышенностях западнее жел.-дор. линии Бобрка — Львов. Ген.-майор Гольдбах поспешно отправился в дер. Дорнфельд, чтобы собрать там отступавшие части. Когда около часу пополудни я прибыл в Дорнфельд, большая часть XII корпуса была уже собрана и приведена в порядок. В трех дивизиях насчитывалось около 20 000 людей. Мой штаб находился здесь же. 2 сентября в полном порядке мы отошли на линию Верешицы. Снабжение из Львова было организовано при помощи жел.-дор. линии черезь Любень — Вельки. Однако, когда мы хотели этим воспользоваться, оказалось, что запасы по распоряжению штаба III армии были облиты керосином и сожжены. Еще до 5 сентября мы могли бы обращаться во Львов. Глупость, за которую нужно было бы оттаскать за вихры! Эвакуация Львова была также проведена глупо! Там находилось 8000 винтовок, которые можно было бы спасти, но штаб покинул Львов потихоньку, не отдав необходимых распоряжений. Более всего мы нуждались в людях. Старые бабы и неврастеники в мундирах губят нас!" [1]

Смысл этого письма нужно искать между строк. Тогда мы увидим, что оно является не чем иным, как описанием паники,

---

[1] Из письма ген. Кевеша к Конраду от 7 сентября 1914 г. После этих происшествий „старых баб и неврастеников" стали быстро убирать. Были отставлены генералы Брудерманн и Краус. Кроме них, был отставлены командир 16-ой пех. дивизии, которого заменил генерал Гольдбах, командир 35-ой дивизии ген. Ныгован, которого заменил ген. Фокс. „Командир 11-ой дивизии ген. Покорный, — пишет ген. Кевеш, — предлагает сменить обоих командиров бригады и назначить на их места полк. Штейгера и Руделя. Соглашаюсь". (Конрад. IV, стр. 667.)

охватившей III австрийскую армию, которая должна была до последнего патрона защищать столицу, материальный и моральный центр области. Этот краткий набросок сдачи Львова— параллельная иллюстрация того, о чем пишет Новак. Мы видим, что во время паники был опрокинут вместе с лошадью сам командир большой войсковой группы, ген. Кевеш, что через него, как через препятствие, проскакал один из эскадронов его же кавалерии, что его штаб полностью рассыпался и только спустя некоторое время, когда все уже успокоилось, он собрался и присоединился к своему командиру.

Генерал Конрад мимоходом указывает еще на две паники: одну, когда во время наступления русских под Рогатином часть офицеров 20-го полка гонведов оказалась в Стрые,[1] и другую, когда вечером 8 сентября 1914 г. тот же XII корпус, о котором уже говорилось, вследствие обычной беспорядочной стрельбы неожиданно отошел к возвышенностям восточнее Верешицы, что повлекло за собою приказ, направленный в штаб II армии, о введении в боевую линию других частей, дабы обеспечить успех этой армии.[2]

Во время сражения у дер. Окна (на Днестре), 10 июня 1916 г., когда 2-я заамурская и 74-я пех. дивизии овладели позицией, австрийцы стали отступать на Заставну. Так как командир XII русского корпуса располагал только тремя эскадронами кавалерии, преследование по необходимости должна была вести почти исключительно пехота.

Командир одной из конных батарей, сопровождавших пехоту, приблизившись к местечку Заставна, заметил, что через него поспешно отходит неприятельская батарея, и решил ее захватить. Построив 60 человек своей верховой орудийной прислуги, он во главе их с места бросился в карьер к Заставне и, влетев в местечко, врезался в толпу уже деморализованной австрийской пехоты. Эту пехоту охватила такая паника, что она побросала свои ружья и не пришла в себя даже после того, как в погоне за батареей всадники миновали ее и полетели далее. Батарея не оказала никакого сопротивления и была взята. При обратном прохождении через Заставну к батарее были присоединены еще 300 человек пехоты, которые до этого времени не могли опомниться.[3]

---

[1] Конрад, IV, стр. 620.
[2] Конрад, IV, стр. 628.
[3] „Военно-исторический сборник", 1920 г., вып. 3, стр. 72.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

СЛУЧАИ ПАНИКИ В ГЕРМАНСКИХ ВОЙСКАХ В БОЯХ В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ В 1914 ГОДУ

Известные нам случаи паники в *германской армии* имели также место в начале мировой войны, в ее маневренный период, так как до сих пор только этот период надлежаще освещен.

В первый день сражения под Гомбином [1] (19 августа) правофланговая дивизия XX русского корпуса (28-ая пех. дивизия ген. Лашкевича), начав утром бой с головными частями неприятеля на фронте Мальвишки — Бракупенен, под вечер отбросила их на линию Гуддатштен — Небудшен и принудила неприятеля (1-ю герман. пех. дивизию [2]) отвести назад свой левый фланг. Однако, в этом охватывающем противника положении 28-я пех. дивизия подставляла свой правый фланг и даже тыл под удары немецких резервов, которые могли быть направлены через лес Тзулькиннер. [3]

Командующий VIII германской армией ген. Притвиц, не сомневаясь ни на одну минуту, в особенности после сражения под Столупянами [4] (17 августа), что русские намереваются обойти его левый фланг, решил освободиться от висящей над ним угрозы и назначил следующий день началом общего наступления на русские позиции. Генерал Франсуа, командир I немецкого корпуса, со своей стороны решил воспользоваться для наступления лесом Тзулькиннер и поэтому, заменив утром 19 августа дивизией ген. Бродрюка 2-ую дивизию, сосредоточил ее в районе Бибельн. Получив приказ Притвица о наступлении, ген. Франсуа направил 2-ую дивизию на Вильтшен и далее через лес Тзулькиннер на Сассюпенен. Во время выполнения этого передвижения в *обозах 1-ой пех. дивизии*, левый фланг которой,

---

1 Польское название Гумбинена. *Ред.*

2 Входящую в состав I корпуса.

3 Командиры XX корпуса и 28-ой пех. дивизии имели право не беспокоиться, так как знали, что там должна действовать кавалерия силою в $4^1/_2$ дивизии (Головин, стр. 127).

4 Польское название Сталюпенена. *Ред.*

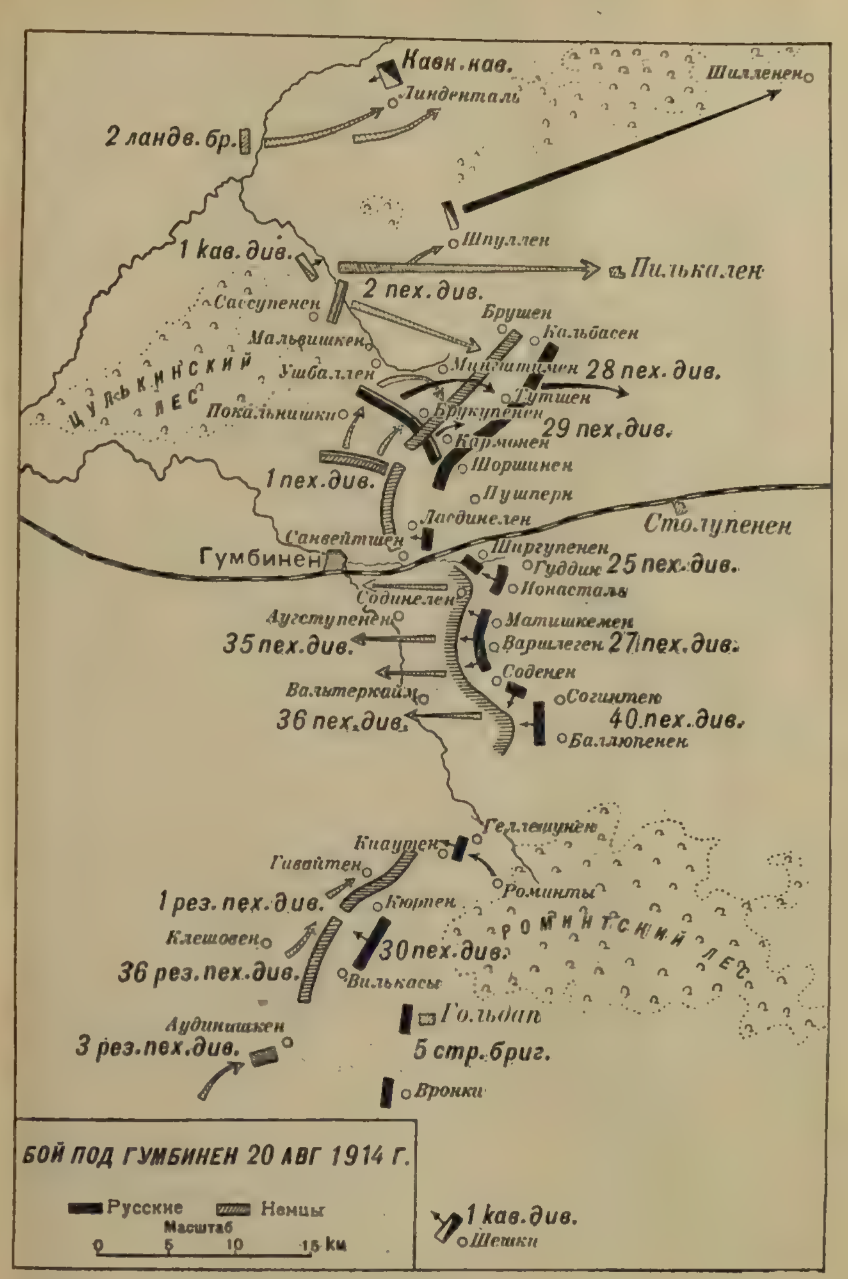

Кавн. кав.
Линденталь
Шилленен
2 ландв. бр.
Шпуллен
1 кав. див.
Пилькален
2 пех. див.
Сассупенен
Брушен
Кальбасен
Мальвишкен
Ушбаллен
28 пех. див.
Тутшен
Покальнишкен
Брукупенен
29 пех. див.
Кармонен
Шоршинен
1 пех. див.
Пушпери
Лагдинелен
Столупенен
Санвейтшен
Ширгупенен
Гумбинен
Гуддин
25 пех. див.
Понасталь
Содинелен
Аугступенен
Матишкемен
35 пех. див.
Варшлеген
27 пех. див.
Соденен
Вальтеркайм
Согинтен
36 пех. див.
40 пех. див.
Баллюпенен
Геллешунен
Кнаутен
Гивайтен
Роминты
1 рез. пех. див.
Кюртен
Клешовен
30 пех. див.
36 рез. пех. див.
Вилькасы
Гольдап
Аудинишкен
3 рез. пех. див.
5 стр. бриг.
Вронки
БОЙ ПОД ГУМБИНЕН 20 АВГ 1914 Г.
Русские
Немцы
Масштаб
0 5 10 15 km
1 кав. див.
Шешки

Схема V.

как уже упоминалось, обошли русские, *около 7 часов вечера возникла паника.* Командир I немецкого корпуса видел, как один из его артиллерийских парков, удирая в полном беспорядке, во весь опор проскакал мимо его штаба. Влияние этой паники отразилось и на 2-ой пех. дивизии. Около 9 час. вечера в район расположения дивизии прискакал какой-то всадник, который сообщил, что 3-й гренадерский полк (1-ой пех. дивизии) разбит, и что русские находятся уже в тылу дивизии. Командир 2-ой пех. дивизии остановил части и возобновил движение вперед лишь тогда, когда убедился в полной неверности сообщения. [1]

Вот как описывает эту панику ген. Франсуа:

„Около 7 час. вечера увеличилась боевая суматоха на фронте 1-ой пех. дивизии и дивизии Бродрюка. Один из наших летчиков пролетал над Линденкрюгом, направляясь к передовым линиям. Пехота резерва, приняв его за русского, открыла по нем сильный огонь. Только световые сигналы с аэроплана выяснили ошибку. Одна из возвращавшихся с поля сражения пустых мунициoнных колонн, вообразив, что ее обстреливают русские, растерялась и *в панике* проскакала через Линденкрюг". [2]

Фланги современных армий, как это подтверждает пример 1-ой германской дивизии, оказались чрезвычайно „психологически впечатлительными". [3]

На следующий день разразился бой под Гомбином, и произошли новые случаи паники в германских частях.

Развертывается наступление XVII германского корпуса. Левофланговая дивизия этого корпуса — 35-ая — наступает на центр и левый фланг 25-ой русской дивизии, а своим правым флангом на правый же фланг 27-ой русской дивизии. Отбросив головные неприятельские части, 35-я дивизия думала уже, что имеет успех, как неожиданно встретила огневое заграждение невидимого противника (die unsichtbare Feuerwand). О том, чтобы пробиться через него, не могло быть и речи, так как огонь русской артиллерии был здесь сильнее, нежели на всех прочих участках.

Офицеры грюнвальдских и торнских полков проявили много мужества, однако, безрезультатно; легло много офицеров и рядовых бойцов. Впечатление, произведенное этим первым сраже-

---

[1] Головин, стр. 130 и 131.
[2] François, „Marneschlacht und Tannenberg", Berlin, 1920, стр. 183
[3] Головин, стр. 131.

нием, оказалось чересчур сильным, и *части охватила паника. Даже река Роминта не задержала бежавших.* [1] Части 35-ой пех. дивизии отбежали от поля сражения более чем на 15 километров. [2]

В это время другая дивизия корпуса (36-ая) бросила свою левофланговую бригаду [3] в атаку на центр и левый фланг той же 27-ой русской дивизии. Атака, начатая в 8 часов, окончилась полной неудачей. Немцы понесли громадные потери. После 11 часов они вновь повели весьма энергичное наступление против правого фланга 27-ой дивизии, но встретили такую же неудачу. Между 2 час. 30 мин. и 3 пополудни была возобновлена атака центра и левого фланга 27-ой дивизии. Вот как описывает это наступление немецкий военный писатель Курт Гессе, командовавший в то время взводом 7-ой роты 5-го гренадерского полка: [4]

„Резерв командира корпуса, 21-ой пех. полк, направлен для поддержания замирающего наступления. Приближаясь к боевой линии, полк встречает беглецов, которые хмуро спрашивают, зачем спешит туда полк и горячо убеждают этого не делать: оттуда никто не вернется... неприятель так силен! Солдаты 21-го полка не слушают предостережений. Молодой поручик приказывает продвигаться скачками. Это был его последний приказ. Еще две, три перебежки, и полк залег. Люди чувствуют, что смерть опустошает их ряды. *Спустя некоторое время ими также овладел страх перед невидимым противником. Начинается разложением,* сначала медленно, затем все скорее... *наконец, паника берет верх* над самой сильной дисциплиной — прусской дисциплиной — дисциплиной восточно-прусских полков".

Отступление немецкой пехоты началось между 3 и 4 часами пополудни. Первоначально уходили отдельные люди, а затем неудержимой волной двинулась назад вся боевая линия. [5]

„XVII корпус, пишет Курт Гасса, был одним из лучших немецких корпусов". В его состав входили „немцы из Западной Пруссии, немцы из Гамбурга, были и поляки. Все эти

---

[1] Hesse Kurt, „Der Feldherr-Psychologos", Berlin, 1922 г.
[2] Головин, стр. 131.
[3] 71 ая бригада; правофланговая (69-ая) бригада в это время дралась с частями 40-ой русской дивизии.
[4] 71-ой бригады 36-ой пех. дивизии.
[5] Головин, стр. 145.

люди впоследствии в течение всей войны показали исключиное мужество". [1]

Поздно вечером на линии реки Венгорапя оказалось много людей одного из полков, который в течение 4½ лет войны показал себя с самой лучшей стороны. И, однако, полки эти были охвачены паникой. После нескольких часов пребывания на поле боя, не видя неприятеля, но чувствуя на себе результаты его огня, полки дошли до предела моральных сил, не выдержали и обратились в беглецов, охваченных паникой.

Столь громадное влияние оказывает потрясающий характер современного боя даже на самые лучшие части. Следует заметить, что в этой встрече XVII германский корпус располагал 28-ю, а русские (25, 27 и 40-я пех. дивизии) — 22-мя батареями, иначе говоря, немцы не имели такого перевеса в числе батарей, который позволил бы им получить огневое превосходство на всем поле сражения. [2]

„Попали мне в руки обвинения, направленные против ген. Макензена, командира XVII корпуса, в том, что, увлекшись порывом вперед, он перешел в наступление, еще не располагая большей частью своей артиллерии. Я не имею соответственных данных, чтобы судить, насколько правильны эти обвинения. Знаю только одно, что во время наступления, описанного Куртом Гесса, артиллерия 71-ой бригады опоздала с открытием огня, и что вследствие этого некоторые части пехоты посылали настойчивые просьбы о скорейшем занятии артиллерией своих позиций. [3]

ПАНИКА В ГЕРМАНСКОЙ РЕЗЕРВНОЙ БРИГАДЕ 27 АВГУСТА 1914 ГОДА

27 августа во время боя под Штымбарком 5-я резервная бригада ген. Мюльмана (с одной полевой и четырьмя тяжелыми батареями) наступала на правом фланге I германского корпуса от Хейрихсдорф на Рутковицы. Для поддержания связи [4] между этой бригадой и находящейся влево от нее 2-ой пех. дивизией, эта последняя выслала 2-ой батальон 4-го гренадерского полка. Бригада Мюльмана во время движения на Рутковицы попала под сильный обстрел русской артиллерии и

[1] Hesse Kurt, стр. 48.
[2] Головин, стр. 151.
[3] Головин, стр. 142.
[4] А также для охранения правого фланга 2-ой дивизии.

столкнулась с наступающей в свой черед русской пехотой. Резервные части не выполнили задания и стали отступать. *В некоторых частях и на тылах тотчас же возникла паника.* Эта паника перекинулась и на 2-ой батальон гренадерского полка, отбежавший на 25 верст назад до станции Монтово. Там только можно было его собрать и привести в порядок. Влияние паники передалось далее и в известной степени докатилось до штаба самого Гинденбурга. Вот, что пишет по этому поводу ген. Людендорф: „После возвращения [1] нам сообщили, что I корпус разбит и отступает на Монтово. Это известие казалось неправдоподобным. Мы соединились по телефону с комендантом ст. Монтово. Действительно, там находились приводимые в порядок части I корпуса. Однако, вскоре выяснилось, что это был один батальон, который, попав в тяжелое положение, не выдержал. *Новое беспокойство вызвал вид обозов, стремительно уходивших назад через Любаву.* [2]

Следует заметить, что в этом случае, как и в предыдущем, неудача бригады Мюльмана объясняется не только численным превосходством русской пехоты, но прежде всего равной огневой силой обоих противников. К 22-ой русской дивизии, находившейся против бригады ген. Мюльмана, утром 27 августа присоединилась 1-я стрелковая бригада, следовательно, число русских батарей возросло до шести (против пяти немецких).

Генерал Франсуа утверждает, что панику, возникшую среди столь крепкой части, как прусские гренадеры, можно объяснить нервным состоянием командира батальона: „Командир батальона был человек, которому еще в мирное время впечатлительность нервной системы доставила целый ряд неприятностей. В данном случае он один со своим батальоном оказался под артиллерийским огнем, уничтожившим его пулеметы. Дивизии своей он не видел, так как ее закрывали лесные участки. Он думал, что дивизия его отступает; сведения, шедшие от выделенной группы Мюльманна, были неблагоприятные. Когда в окрестностях Рутковиц были замечены двигавшиеся вперед сильные русские части, нервы майора оказались чересчур слабыми. Он вообразил себя, что его батальон оставлен в жертву

---

[1] В штаб армии, находившийся в этот день в Любаве.
[2] „Meine Kriegserinnerungen", стр. 41.

грозной опасности и отступил к Монтову. Его отход вызвал панику в одной из обозных колонн". [1]

Того же 28 августа пополудни в германских войсках имел место новый случай паники. Его подробностей не знаю; о нем коротко вспоминает Людендорф: „После полудня, — пишет он, — положение изменилось в благоприятном для нас направлении; оказалось, что неприятельский фронт дрогнул. Генерал Гинденбург пожелал поехать со мной в Мюлен. *Попали мы как раз на панику, впрочем быстро остановленную*, вызванную видом большого количества русских пленных. Паника эта произвела весьма неприятное впечатление и распространилась далеко в тылу. [2] Причиной паники было, несомненно, сильное нервное напряжение, явившееся следствием жестоких боев у Мюленского озера.

„Наше первое впечатление, пишет ген. Людендорф, ни в каком случае нельзя признать благоприятным. Резервные части под Мюленом вперед едва продвигались". 2-я бригада 1-ой русской дивизии держалась под Ольштынком (Гогенштейн) в течение нескольких часов. [3] 3-я германская резервная дивизия встретила под Дребницем упорное сопротивление; произведенные генералом Унгером атаки в районе Мюлена (Мальна) долгое время не приносили положительных результатов; когда же к XV русскому корпусу присоединился XIII, положение немецкой дивизии фон-дер-Гольца стало критическим. [4]

Как отразилось на состоянии нервов германских частей упорное сопротивление русских, свидетельствуют два эпизода, сообщенные ген. Куртом-фон-Морген, командиром 3-й германской резервной дивизии. „Дальнейшее преследование русских привело меня, пишет он, через Нейденбург (Ниборк) в Модлькан (Мудлэк), что западнее Вилленберга (Вельбарка). В обоих этих местностях меня встретили неожиданные неприятности. Когда я проезжал через рынок в Нейденбурге, отдыхавшие там части, всполошенные криком какого-то жандарма — „это русские", обстреляли мой автомобиль, убив шоффера и какого-то человека. Во время ночлега в Модлькане меня разбудил шум и крик моего писаря — „Русские уже в деревне". Когда я выскочил из кровати и хотел одеться, я с огорчением

---

[1] Français, стр. 214; Головин, стр. 254.
[2] „Meine Kriegserinnerungen", стр. 43.
[3] Головин, стр. 286.
[4] Schwartze, „Der grosse Krieg 1914—1918", т. I, стр. 307.

заметил, что ординарец забрал мое платье для чистки. В виду тревоги я вынужден был выйти в одном белье, прицепив кое-как револьвер". [1]

Много случаев небольшой паники вызывало население, бежавшее навстречу частям или шедшее рядом, а иногда впереди войсковых частей. В своем отзыве о воспоминаниях одного из участников этих происшествий, ген. В. Т. говорит, что это — „воспоминание о первоначальных случаях паники населения Восточной Пруссии, которое ночью принимало стадо волов за казачьи разъезды и подымало по тревоге войска".

Ген. Танан (Tanant), бывший в начале войны в чине майора начальником оперативного отдела Штаба III французской армии, вспоминает о двух случаях паники, имевших место в германских частях 24 августа 1914 г. Французские части, исключительно резервные дивизии, наступали против немецких ополченцев и 33-ей резервной дивизии. Вследствие того, что в руки французов попал приказ этой дивизии, наступление удалось. — „25-го, пишет ген. Танан, около 18 часов неприятель был разбит; остатки 33-й резервной дивизии и ополченских частей бежали вплоть до Сен-Прива. Наши храбрые резервисты задали им баню в Этен и гнали их до дороги Этен-Флавилль, забирая пленных и боевое имущество". [2]

1 сентября одна из дивизий XVI германского корпуса пыталась пройти через мост под Вилосне (Vilosne), т. е. перейти на левый берег Мааса, обороняемый 12-ой французской дивизией. „Однако, контрнаступление 54-й и 72-й резервных дивизий в районе Геркур (Gercourt) привело к тому, что немцы не в состоянии были использовать свой половинчатый успех, и их перешедшие реку части должны были отходить вдоль реки в направлении на Ден (Dun). Только впоследствии воспоминания пленных разъяснили нам, каков был этот бой. Я имел в своих руках заметки одного старого унтер-офицера, который, вероятно, был стойким солдатом, а сражение это описал в мрачных красках. То, что он был бешено зол на французов, совершенно понятно; однако, он не находил слов осуждения для тех трусливых немцев, которые под влиянием страха оставляли местность в беспорядочном бегстве". [3]

---

[1] „Meiner Truppen Heldentaten", Berlin, 1924, стр. 12.
[2] „La troisième armée dans la bataille", Paris, 1922, стр. 83.
[3] „La troisième armée dans la bataille", Paris, 1922, стр. 10.

Если упомянуть еще об эпизоде, имевшем место на французском фронте 25 сентября, когда одна кавалерийская лошадь без всадника, летя в карьер на немецкие окопы, вызвала панику, вследствие которой довольно сильная немецкая часть потянулась за эскадроном, гнавшимся за этой лошадью,[1] то это будут уже все случаи паники в германских войсках, описание которых мне удалось найти в печатных трудах.

Сравнивая характерные черты паник, имевших место в течение первых месяцев войны в австро-венгерских и германских войсках, мы заметим, что у австрийцев паника возникала преимущественно вследствие неосвоенности и необстрелянности частей даже не в особенно тяжелых условиях боя, что производило отрицательное влияние на состояние нервов как командиров, так и рядовых солдат; у немцев же главной причиной явлений паники были тяжелые условия боя, вынуждавшие даже лучшие части германской армии к паническому отступлению. Кроме того, некоторые случаи паники в австрийских войсках оказывали влияние на ход важнейших операций,[2] в то время как паники, случавшиеся в германских войсках, были неустранимыми эпизодами сражения, затрудняющими ход его действий, но не изменяющими благоприятных для немцев окончательных результатов.

Конечно, можно было бы сделать иные выводы, по крайней мере по отношению к немцам, если принять во внимание поведение частей во время последних месяцев войны. Но в настоящее время мы говорим исключительно о первом маневренном периоде войны и поэтому не можем одновременно рассматривать явления, имевшие место в то время, когда условия неузнаваемо изменились и когда утомление войной, рожденное потерей веры в окончательный успех, стало оказывать свое сильное влияние.

Теперь следовало бы привести случаи паники в итальянской армии, но, увы, я не обладаю достаточным материалом и прежде всего таким, который содержал бы не простое упоминание о том, что паника имела место, но и ее подробное описание. В данный момент я располагаю только отдельными указаниями, касающимися этих эпизодов,[3] а также уверенностью, что размеры

---

[1] Revue de cavalerie, 1921, mai — juin, стр. 301.

[2] Например, паника на восточных позициях Львова, повлекшая за собою оставление этой областной столицы.

[3] Козолюбский, кап. ген. штаба, „Сражение под Капоретто", Bellona, 1924, кн. XIV, стр. 246 и 247.

паники, охватившей итальянскую армию после известного прорыва под Капорретто, были значительно большими, нежели те, что случались в какой-либо другой европейской армии. Этот прорыв обошелся итальянской армии в 44 000 убитых, 91 000 раненых, 335 000 взятых в плен и 400 000 дезертиров, разбежавшихся по всей стране.

Нет нужды доказывать, что здесь имело место чудовищное душевное потрясение, которое только и может объяснить нам эти громадные цифры пленных и беглецов. Кап. Козолюбский в своем труде перечисляет причины этого поражения.[1] Я их постараюсь привести, когда буду говорить о причинах, вызывающих панику.[2] Для моих заключительных выводов это, однако, будет менее интересно, чем ответ на вопрос, как могло случиться, что почти уничтоженная и совершенно деморализованная итальянская армия вновь возродилась, возвратила боевое настроение и в 1918 г., т. е. менее, чем через год после разгрома победоносно сражалась под Витторио Венето.

СЛУЧАИ ПАНИКИ В РУССКИХ ВОЙСКАХ В НАЧАЛЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

В течение первых месяцев войны случаи паники в русских войсках были явлением нередким. Необстрелянные части в современном огне, беспечность и неумелое ведение разведки и организации охранения и, как следствие этого, ряд неожиданностей, действующих на воображение; ослабление кадрового состава частей, наполненных массою запасных солдат; безостановочная гонка частей то вперед, то в сторону, вследствие чего тыловые учреждения не в состоянии были за ними поспевать, а если поспевали, то неопытные руководители не умели правильно организовать их деятельность, что вызывало физическое переутомление частей и одновременно их голодание— вот условия, создававшие основу для паники.

Приводимые мною ниже случаи паники излагаются в хронологическом порядке и в зависимости от фронтов.[3]

27 августа 1914 г. во время боевых действий под Штрым-

---

[1] Козолюбский, кап. ген. штаба, „Сражение под Капорретто". Bellona, 1924, кн. XIV, стр. 257.

[2] В настоящее время могу сказать, что указания на тысячи беглецов я нашел только у Капелло в его „Note di guerra", Милан, т. II, стр. 386.

[3] Пока-что только фронты Южный и Юго-западный.

баком командир XV русского корпуса около 4 часов пополудни начал наступление на неприятельскую позицию между Дребнитцем и Мельном и направил прибывшую к нему после полудня из состава XIII корпуса бригаду 1-ой пех. дивизии из Ольштынка на Дребниц с заданием обойти с севера левый неприятельский фланг. Это задание бригада не выполнила. Прежде всего оказалось, что левый немецкий фланг находился за рекой Дрвенцой. Затем с наступлением темноты бригада заблудилась в лесах южнее колонии Платейнен. Наконец, бригада, измученная постоянными маршами, подверглась панике и в беспорядке бросилась назад к Ольштынку.[1]

Во 2-й пех. дивизии, занимавшей влево от XV корпуса деревни Янишки и Литово, также случилась паника.

С 8 часов утра 27 августа неприятель стал обстреливать дер. Янишки огнем тяжелой артиллерии, что „произвело на людей потрясающее впечатление".[2] Под впечатлением обхода левого фланга бригадой неприятельской пехоты и угрозы тылу его кавалерией,[3] находившаяся в Янишках 1-я бригада 2-ой пех. дивизии еще до полудня стала отступать вскоре в полном беспорядке,[4] но, несмотря на это, ее удалось задержать на позиции западнее Франкенау.

2-я бригада этой дивизии, занимавшая Липово, без всякого повода с неприятельской стороны почти в паническом беспорядке отошла в Ниборку. Под Ниборком ее стали приводить в порядок высланные командующим армией офицеры его штаба.[5]

---

[1] Головин, стр. 233. Генерал Клюев описывает это происшествие несколько иначе. Выступив ранним утром, бригада двигалась не спеша. Приближаясь к правому флангу 8-ой пех. дивизии, она была принята ею за неприятеля, и завязался бой. Выяснив недоразумение, бригада остановилась для отдыха в середине местечка (Ольштынка) и, согласно показаниям очевидцев, *все напились* до такой степени, что, когда затем двинулись двумя колоннами через лес, одна из них приняла другую за противника и открыла огонь, продолжавшийся более получаса. Затем, уже на рассвете, по новой дороге бригада вернулась к исходному пункту. („Военный Сборник" № 4, стр. 160).

[2] Цихович, „Военно-исторический сборник", выпуск 3, стр. 138.

[3] Так, по крайней мере, доносила бригада. Майор ген. штаба Завадский говорит об этом: „Сопоставив это донесение с фактическим положением на немецкой стороне, ясно определяется вся его неосновательность (стр. 185).

[4] „Не менее того поспешность и беспорядок отхода, в особенности 1-й бригады, граничили с паникой (Завадский, стр. 185).

[5] Цихович, стр. 139.

„Остатки 2-ой бригады 2-ой пех. дивизии уже не являлись боевой силой“ — пишет Головин, — их непригодность для боя была так велика, что при первом натиске 41-ой германской резервной пех. дивизии ее остатки ринулись в беспорядке на Ниборк.[1]

Причиной боевой непригодности частей 2-ой пех. дивизии было то, что, двигаясь 26 августа двумя колоннами за левым флангом XV корпуса, — каждая колонна силою в одну бригаду, дивизия на линии Большие Гардыны-Зейтен попала под страшный огонь во много сильнейшей неприятельской артиллерли. От этого огня Ревельский полк, например, потерял 75% своего состава, т.-е. перестал существовать.

Понеся громадные потери, бригады отошли: 1-я—в Янишки, 2-я—в Липово.

28 августа в бригаде 1-ой пех. дивизии вновь случилась паника. Эта бригада снова получила задание обойти левый фланг неприятельской позиции, расположенной напротив фронта XV русского корпуса. „Около 3 часов пополудни с возвышенности, на которой мы находились, ожидая напрасно появления XIII корпуса,[2] — пишет ген. Мартос, — командир XV корпуса, мы заметили на нашем правом фланге *беспорядочное* отступление пехоты. Спустя некоторое время явился офицер Ген. Штаба, посланный мною в бригаду XIII корпуса, и доложил, что бригада, начав наступление, попала под сильный огонь артиллерии и бросилась бежать, что рядовые бросают по дороге не только снаряжение, но и оружие, и что эта беспорядочная толпа, пробегая среди тылов XV корпуса, вызывает панику в обозах. Затем появился командир артиллерийского дивизиона, находившегося при означенной бригаде, и доложил, что он потерял орудия вследствие того, что пехота бросила его. Генерал Самсонов выслал всех наличных офицеров своего штаба с заданием привести бригаду в порядок. В течение, примерно, двух часов этим офицерам удалось собрать по одному батальону 3-го Нарвского и 4-го Копорского полков с несколькими офицерами и привести батальоны к командующему армией в порядке. Ген. Самсонов обратился к ним с несколькими словами и приказал им стать в резерве за моим корпусом и впереди того места, где мы находились“.

---

[1] Головин, стр. 276, 257.

[2] Находившегося в 30 верстах правее Ольштына, но направленного в тыл в район XV корпуса.

В сумерки немцы открыли огонь со стороны Ольштынка, направив его на тылы XV корпуса и на возвышенность, на которой находились штабы. В Нарвском и Копорском полках тотчас же возникла *третья паника, и части эти разбежались*".[1]

Известный свет на легкость возникновения паники в частях ген. Самсонова бросают некоторые места из „Расследования причин гибели ген. Самсонова и II армии в 1914 г.", произведенного по высочайшему приказу генерал-адъютантом Пантелеевым.

Мы там встречаем такую фразу: „Люди были страшно измучены, патронов при себе не имели".—„Имею 450 человек,— доносит командир 8-го Эстляндского полка,—второй день люди не кормлены, обозов нет, запасы израсходованы. *Люди переутомлены и нервны до того, что в каждой соседней части видят врага.*[2]

22 августа вечером ген. Самсонов доносил в штаб фронта, что тылы совершенно не организованы. „Безусловно необходимо организовать,—телефонирует он,—тылы, которые до сего времени не имеют никакой организации. Страна опустошена. Лошади уже давно не видели овса. Хлеба нет. Подвоз из Остроленки невозможен".[3] Уже в Белостоке, в исходной базе, где сосредотачивался XIII корпус, не хватало хлеба, и полки должны были расходовать железный запас сухарей. Просьбы командира корпуса, добивавшегося снабжения хлебом, не были исполнены.[4]

Уже самый форсированный, поход II армии, постоянно подгоняемой штабом фронта, создавал основание для переутомления, а затем и паники, стал тесно связанным с ослаблением физических сил. „Армия наступает безостановочно, делая переходы свыше 20 верст по пескам", — доносил ген. Самсонов генералу Жилинскому.[5] „Дневок не было, — пишет один из участников, — что особенно отразилось на XIII корпусе, который в течение 9 дней шел без обозов и без хлеба. Невтянутые еще в поход запасные падали от переутомления".[6]

---

[1] Головин, стр. 274, 275.
[2] Цихович, стр. 140 (из дела 1914 г. № 23, XXIII арм. корпуса).
[3] Головин, стр. 196
[4] „Военный сборник" № 4, стр. 155 (из рапорта генерала Клюева).
[5] Цихович, стр. 111.
[6] Головин, стр. 190.

„Если будем и далее так двигаться, как до сего времени, — писал ген. Клюев, командир XIII корпуса, — то в момент встречи с неприятелем части будут непригодны для боя“. Штаб армии не руководил, а командовал, не давая общего задания, лишь ежедневно указывал отдельные движения. *Корпуса бросались то туда, то сюда; люди утомлялись, командирам раздергали нервы*“. Постоянное ожидание приказов, получавшихся в самое несоответствующее время, в связи с постоянным опасением, исходившим из совершенного незнания положения, привело к тому, что все изнервничались и измучились.[1] Генерал Клюев говорит, что он не спал 10 ночей кряду. Зная порядки, господствовавшие в то время в русской армии, думаю, что это совершенная правда. „После семи дней беспрерывного похода первоначальное боевое настроение сменилось изнурением“, пишет офицер Ген. Штаба, находившийся при VI корпусе. Обозы и тыловые учреждения остались позади. Хлеба совершенно не было. В частях наблюдалось *раздражение*[2]. После усиленного похода, продолжавшегося 11 дней кряду, физические силы частей несомненно были исчерпаны.

„В результате, когда 16-я дивизия VI корпуса двинулась 26 августа из Бискупца (Bischofsburg) в Ольштын,в ее рядах сразу возникла паника.

Уже на рассвете севернее Бискупца ив направлени Гросс-Бессау был слышен частый ружейный огонь и слабый артиллерийский. Когда в 2 часа пополудни, согласно свыше полученного приказа, дивизия отошла назад, артиллерийский огонь со стороны Бискупца усилился и стал напоминать тот род огня, который мы называем „*ураганным*“. В 4 — 5 *км* от города дивизию вновь остановили. Тогда-то именно началась паника.

„Не смолкавший ни на минуту гром артиллерийской стрельбы со стороны Бискупца и бездействие создали в наших частях нервное настроение, — пишет старший адъютант штаба 16-й дивизии Патронов; — уже заходило солнце, когда раздался крик: „кавалерия слева!“

„Батареи моментально заняли позиции, а пехота открыла беспорядочный огонь по невидимой коннице. Генерал Рихтер со штабом и конвойной сотней решил выехать вперед. Полковник фон-Энгель и я старались отговорить его от этого намерения,

---

[1] „Военный сборник“, № 4, стр. 132, 149, 158.
[2] „Военный сборник“, № 4, стр. 166.

доказывая, что авангард находится в 2 *км* от нас, что связь с ним хорошая и что в виду этого не стоит мешать командиру полка. Командир дивизии нас не послушал. Едва мы доехали до авангарда и удостоверились в том, что выстрелами обмениваются охраняющие части, находящиеся в лесу, как вдруг по обе стороны стали лопаться неприятельские шрапнели. Командир дивизии тотчас же повернул назад. Сначала мы ехали шагом, сдерживая лошадей, однако, по мере увеличения нервности ездоков, лошади начали рваться все скорее. Мы перешли на рысь, затем на галоп, как вдруг... свои части встретили нас беспорядочным частым огнем, принявши нас, очевидно, за неприятельскую кавалерию. Мой конь споткнулся и упал. Мимо меня пролетали всадники, повозки, кричали люди. Спустя 15 минут все смолкло.

Пройдя пешком около 2 *км*, я встретил на шоссе начальника штаба дивизии, устанавливавшего порядок в обозах, заваливших дорогу". [1]

Оказалось, что командир дивизии был ранен своими собственными солдатами и уже отбыл, а дивизию принял командир бригады ген.-майор Баудер, принимавший участие в русско-турецкой войне (1877 — 1878) и в русско-японской (1904 — 1905). Генерал этот обладал хладнокровием, вместе со штабом он обошел части и успокоил их.

В это же время 4-я дивизия того же корпуса, с утра сражавшаяся с превосходными силами неприятеля, к концу дня, окруженная с трех сторон, не устояла и стала отходить на Щитно.

Спустя некоторое время спокойный отход принял характер панического отступления. В этом не было ничего удивительного, так как дивизия в течение всего дня находилась под страшным огнем сильной артиллерии противника, и пехотные части потеряли половину своего состава.

ПАНИКА В 9-м РУССКОМ ГРЕНАДЕРСКОМ ПОЛКУ В АВГУСТЕ 1914 ГОДА

На Юго-западном фронте также имели место довольно значительные паники.

V русская армия ген. Плеве развернулась на линии Холм—

[1] И. Патронов, „Действия VI корпуса и главная причина неудачи II армии в Восточной Пруссии". („Военный сборник", № 4, стр. 167.)

Ковель; первоначально она двинулась в южном направлении, а потом должна была это направление изменить. Правофланговые корпуса повернули на юго-запад и даже (XX корпус) на северо-запад, а левофланговые сделали поворот под прямым углом на запад. Вследствие этого австрийцы, наступавшие на линию Замостье—Крылов, выходили против флангов русских корпусов, а крайний правофланговый австро-венгерский корпус мог даже со стороны Белза выйти в тыл V армии.

Тяжелое положение, в котором оказалась 24 августа IV русская армия после поражения гренадерского корпуса под Фрамполем, вынудило командующего V армией направить свой

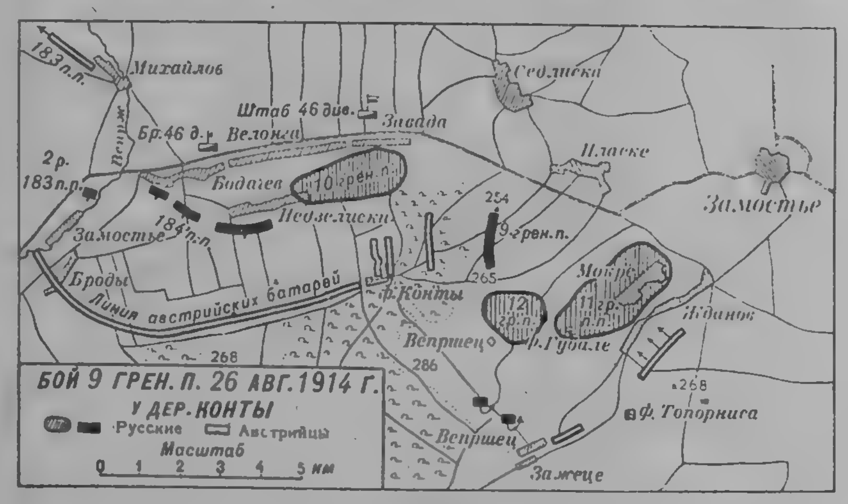

Схема VI.

правофланговый корпус (XXV к. ген. Зуева) на правый фланг и тыл австрийских частей, напиравших на гренадеров. Для выполнения этого, XXV корпус должен был заходить вправо. Во время этого захождения части 3-й гренадерской дивизии, и прежде всех 9 Сибирский полк[1] полк. Токарева, столкнулись с небольшой австрийской частью, занявшей лес у дер. Конты.

Не стану описывать хода всего этого лесного боя, а займусь только теми моментами, которые ясно рисуют душевное состояние впервые сражавщихся гренадер.

[1] 9 Сибирский гренадерский полк. *Ред.*

Вот как описывает этот бой Д. Долгов, бывший тогда командиром соседней 46-й пех. дивизии:[1]

„Средний участок занял 3-й батальон полка, вправо от него до дер. Недзелиска должен был продвигаться 2-й, а влево уступом назад 4-й батальон. При 1-м батальоне, находившемся в резерве, была оставлена приданная полку батарея, так как до прохода леса не могло быть речи об ее применении.

Мы двинулись вперед.

Командир полка шел пешком в линии дозоров. В лесу ничто не указывало на присутствие в нем неприятеля. Только при приближении к западной опушке *совершенно неожиданно* раздался сильный ружейный огонь. Неожиданность была столь велика, что охранение бросилось назад. С трудом удалось успокоить людей и принять меры, чтобы эта нервность не передалась приближавшейся пехотной цепи. Дальнейшее движение пехотных линий сопровождалось уже стрельбой, а на правом фланге был слышен даже крик „ура“. Становилось ясным, что австрийцы занимают западную окраину леса, хотя все предыдущие сведения и приказы говорили, что не только лес не занят неприятелем, но что даже западную опушку леса занимает рота 10-го грен. Малороссийского полка.

Следовательно, полку пришлось ввязаться в *неожиданный* лесной бой, соединенный со всеми характернымм чертами этого рода столкновений: известным упадком духа, трудностью ориентировки в обстановке, поддержания связи и руководства, что приводит к неустранимому распылению усилий. В этих условиях особое значение приобретали навык к совместному маневрированию и инициатива командиров, т. е. именно то, чего не хватало русским частям. Результат не заставил себя долго ждать“.

„Сначала, — пишет командир 1-го батальона, — наступление развивалось хорошо, но к концу дня в лесу образовался такой беспорядок, что части стали обстреливать друг друга. Под перекрестным огнем австрийских пулеметов и огнем своих частей батальон был вынужден оставить позицию и отойти к дороге, ведущей в дер. Пласка.

Очутившись в бою впервые и наткнувшись на неприятельские пулеметы, гренадеры были душевно потрясены. По сло-

---

[1] Д. Долгов, „Два лесных боя 13/26 и 15/28 августа 1914 г.“ („Военно-исторический сборник“, вып. 3, стр. 3—19.)

вам командира полка, исключительно тяжелые условия боя произвели сильное впечатление на всех его участников.

Пулеметная команда, находившаяся на левом фланге полка, в короткое время потеряла всех офицеров и большую часть рядового состава. Уцелевшие самовольно покинули свои пулеметы, и они замолкли. Много труда стоило командиру 3-го батальона, полк. Антонову, вновь организовать команду для обслуживания пулеметов и заставить ее войти в боевую работу. Команда связи рассыпалась полностью, и до конца боя ее не удалось собрать. Командир полка принужден был каждую минуту задерживать отдельных людей, которые под разными предлогами покидали боевую линию, и оставлять их при себе. *Однако, эти люди, находясь постоянно под огнем, не переставали искать более безопасного укрытия и неудержимо удирали в разных направлениях.*

Желая ближе познакомиться с положением дел, командир полка вторично пошел вглубь леса. Ему сообщили, что противник начинает обходить левый фланг и устанавливает там пулемет. Действительно, через минуту этот пулемет открыл фланговый огонь. Отойдя несколько к роте, прикрывавшей батарею, командир полка нашел здесь большую толпу бежавших из разных рот. Их было около 500 человек. *Все были глубоко потрясены и в значительной степени потеряли боеспособность.* Вследствие этого попытки организовать из них боевые единицы потерпели неудачу. Собранные разбегались вновь, производя умышленный беспорядок, скрывали свои фамилии, номера рот и т. д. Видно было, что это первое боевое испытание было для них чересчур сильно. После долгих усилий удалось, наконец, собрать около 100 человек и при их помощи уступами вперед прикрыть фланги батареи. Попытку австрийцев обойти левый фланг затормозил батальон 12-го гренадерского Астраханского полка, а фронтальное наступление задержал огонь рот 3-го и 4-го батальонов, а также и батареи. *Что же касается людей, собранных для прикрытия флангов батареи, то действовать они не были способны, вырыли ямки, укрыли в них свои головы, а ружья побросали на землю.*

Засада небольших сил неприятеля удалась наилучшим образом.

Этот бой является типичным примером первых боев мировой войны. Бросающееся назад охранение, собираемые самим

командиром полка и постепенно вновь разбегающиеся рядовые, группы рядовых. равнодушно слушающих приказы своих командиров, прикрытие батарей, занятое своим собственным обеспечением, а не доверенных им орудий, это — обычные явления в необстрелянных частях, попадающих под огонь современных ружей и орудий. Описания этого рода являются лучшим материалом для нашего исследования. Из них легко извлечь данные, на фоне которых возникает паника: *плохое охранение, неожиданная встреча* с австрийцами, *смешение частей, следовательно, выход из рук непосредственных начальников, неожиданный фланговый огонь противника, значительное переполнение запасными и т. д.* В данном случае паника не вылилась в безудержное бегство, зато моральные силы 9-го гренадерского полка упали до такой степени, что люди сделались небоеспособными, и о выполнении этим полком своей задачи не могло быть и речи.

Несколько позже, где-то в окрестностях Замостья, в той же 3-ей гренадерской дивизии имела место паника, совершенно исключительная по своим размерам. Бежала вся дивизия, отскочившая одним махом на 50 верст. Увы, ни причин ни подробностей этой паники я не знаю.

ПАНИКА В 137-ом РУССКОМ НЕЖИНСКОМ ПЕХОТНОМ ПОЛКУ 28 АВГУСТА 1914 ГОДА

Восточнее XXV корпуса действовал XVII русский корпус. Повернув под прямым углом с участка Джары — Порыцк на Томашев, этот корпус, как и 3-я гренадерская дивизия, подставлял свой левый фланг, да отчасти и тыл, под удары тех австрийских сил, которые могли выйти, как впоследствии в действительности оказалось, с линии Белз — Ухнов. 28 августа части корпуса впервые вступили в бой: 3-я пех. дивизия на линии Подледов — Гомбинек, 35-я — Тарношин — Турчин, и 2-я бригада 61-ой пех. дивизии на линии Кржевица — Василев. 35-я пех. дивизия должна была ударить во фланг и тыл противника, наступавшего на 3-ю дивизию, а бригаде 61-ой дивизии, находившейся в резерве корпуса, было приказано перейти из дер. Лиски (место ночлега) в дер. Ульховек.

Настроение в 35-ой дивизии было уже настолько понижено, что, когда около часа пополудни 139 Моршанский полк, находившийся в боковом авангарде, из дер. Корчин подходил к дер. Щепятин, и до него дошли слухи о появлении неприятель-

ской кавалерии, то среди боевых обозов возникла паника. Потребовалось выдвинуть на юг два батальона. Неприятеля не оказалось, и полк стал стягиваться к дер. Щепятин.

В это время бывший в авангарде дивизии 137 пех. Нежинский полк (совместно с 1-ой и 2-ой батареями 35-ой арт. бригады), двигаясь от дер. Кржевица, в 1 час 30 мин. пополудни дошел до фольварка Турчин. Командир полка, полковник Пронин, и

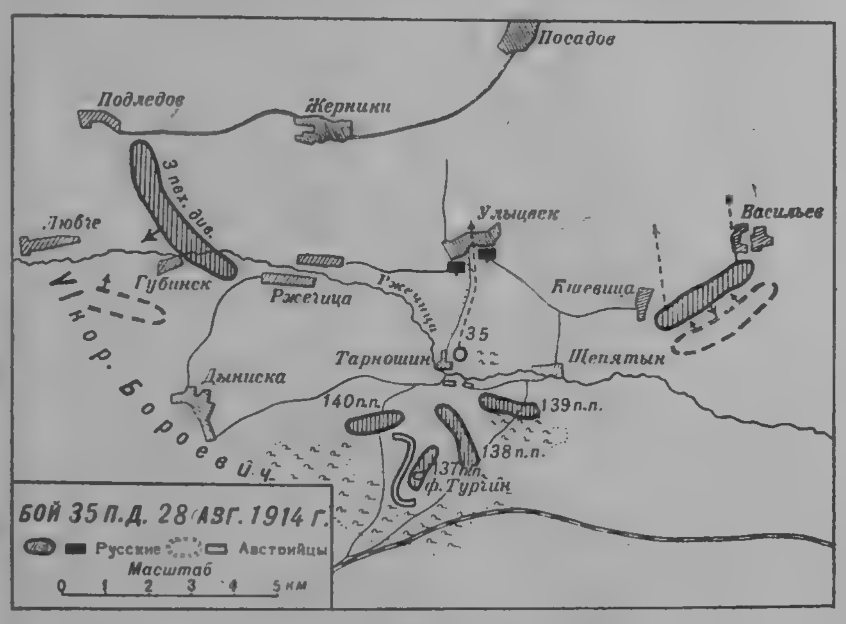

Схема VII.

находящийся вместе с ним командир бригады ген. Ремизов, не взирая на ряд сведений о приближении неприятеля с южной и юго-западной сторон, а также о том, что в лесу на запад от фольварка находятся якобы значительные австрийские силы, не принял мер охранения и остановили полк на привал для раздачи обеда. Когда офицеры и солдаты с совершенным спокойствием собирались обедать, неожиданно „спереди и слева со стороны фольварка раздалось несколько ружейных выстрелов. *Начались паника*“.[1] Рапорты полка и дивизии, стараясь в виду начатого следствия оправдать виновных, описывают эту

[1] Из полкового донесения.

панику не вполне правдиво; поэтому я буду пользоваться иными документами, приведенными ген. Долговым.

Командир 3-го батальона, капитан Обозненко, пишет: „Солдаты бросились к ружьям; здесь *произошла паника.* Человек 40 из роты собралось около меня, они перемешались с другими ротами, но рассыпались в несколько шеренг, перепутались, и *задние стали стрелять.* Успокоив их, я подвинул их *с трудом* вперед на линию передних, и двинулся с ними в овес, т. е. напротив раздавшихся выстрелов. Остальные же люди моей и других рот бросились в лес" (пример, когда ошалелые от страха люди бросаются по направлению к неприятелю). Встреченный сильным огнем и ослабленный потерями, а также утечкой „уклонившихся", капитан Обозненко стал отходить к лесу и, пройдя его, задержался в канаве. Здесь собралось человек 200 разных рот и 2 пулемета. Отсюда долго не давали противнику *дебушировать* из леса. Отсюда же капитан Обозненко *по настоянию молодых офицеров* повел вторую атаку.

„Я вместе с подпоручиком Ярошевским выскочил вперед,— продолжает капитан Обозненко, — и видел, как штабс-капитан Злобин *с обнаженной шашкой выгонял людей из канавы.* Собрав всех, взяли опушку, двинулись по лесу; вышли на другую опушку. Здесь подверглись сильному обстрелу, к несчастью, даже своих. Все-таки я приказал подпор. Ярошевскому (по совету с ним) выйти из опушки и двинуться вперед, *но с ним выскочило только три человека. Тогда я с револьвером стал грозить и бить рукояткой револьвера, но люди ложились и не шли.* [1] В это время на правом фланге раздались крики: „Зарайцы бегут!" [2] Я побежал туда и увидел полное отступление. Приказал отступать; возвратились опять в канаву и стали окапываться, но Зарайский полк продолжал отступать. Я решил отсиживаться до темноты; в виду полного отступления слева за фольварк Тужин, и сам отошел. [3]

Временно командующий 10-й ротой подпоручик Ушаков отмечает в своем рапорте, [4] что, когда после неожиданного нападения огонь австрийцев стал усиливаться, люди начали убе-

---

[1] Рапорт кап. Обозненко от 25 сентября 1914 г. („Военно-исторический сборник", вып. 3, стр. 26.)

[2] Зарайский полк считался лучшим в дивизии.

[3] „Военно-исторический сборник", вып. 3, стр. 26.

[4] Там же, стр. 26 и 27.

гать. Только часть роты пошла вперед за подпоручиком Ушаковым в овес, но здесь от него и эти понемногу отстали. Пройдя овес, попали под перекрестный огонь пулеметов, и почти все стали отходить. Дойдя вновь до середины овса, встретились с наступавшей поддержкой. Повернули и присоединились к ней. В конце-концов и она отошла". „Дойдя до задней линии, — пишет Ушаков, — я нашел наших солдат, попрятавшихся в канаве; здесь видел командира роты, посылающего их вперед; однако, никто не хотел итти".

„Здесь были люди разных рот. Я направился с ними к левому флангу, где наступал Болховский полк, в каковой и влился, вступив в командование частью смешанной цепи. Дойдя до леса, мы были встречены оттуда огнем. В лесу никого не оказалось, кроме наших, которые *стреляли из лесу по нас же,* а когда я стал возвращаться из леса, по нас еще открыл огонь пулемет".

Из донесения командира шефской роты видно, что нежинцы были обстреляны не только огнем своих ружей и пулеметов, но и своей артиллерией. Можно себе представить, как все это должно было повлиять на их дух.

Когда около 6 час. вечера 4-я батарея 35-ой артиллерийской бригады переменила позицию, вдруг раздались крики: „Кавалерия справа". Прикрытию приказано было развернуться и открыть огонь, но оно бросилось бежать и прятаться за батарею. [1]

Приведенное описание прекрасно характеризует то впечатление, которое произвело на пехоту неожиданное огневое нападение неприятеля. Огонь из засады потряс 137-й пех. Нежинский полк и сломил его моральные силы, что в свою очередь передалось до известной степени другим полкам дивизии, спешившим ему на выручку.

Например, 138-й пех. Болховский полк, выдвинутый не столько на помощь, сколько с целью сменить 137-й полк, наступал *на всем фронте*, занятом 137-м полком, от Тарначина до Тужина и, встретившись с морально сломленным полком, заразился его настроением. В результате свежий полк не принес той пользы, которую в других условиях мог бы принести. „После того, что случилось с Нежинским полком, — пишет ген. Долгов, — охота наступать была значительно понижена

[1] „Военно-исторический сборник", вып. 3, стр. 27.

происшедшим с нежинцами, которые, расползясь по тылу, разнесли преувеличенные слухи о размерах приключившейся беды и внесли заразу в свежие части".

Пример частей 35-ой дивизии показывает, до какого душевного состояния могут дойти части под влиянием современного ружейного и пулеметного огня даже в том случае, если неприятель, как выяснилось уже во время встречи под Тужином, был повидимому слаб, и его огонь приносил незначительный урон. Ведь, во всей 35-ой пех. дивизии убыло в течение этого дня только 36 офицеров и 1093 рядовых.

„Потеря равновесия отразилась в низах и на верхах, — пишет ген. Долгов, — оттуда вновь проникла в низы, передаваясь свежим частям, еще не тронутым паникой". [1] Однако, этому генералу неизвестны многие факты. Я стою на том, что, хотя нельзя поставить решительного утверждения, так как потеря равновесия в течение всего времени шла сверху, во всяком случае можно сказать смело, что разросталась она одновременно, т. е. параллельно, как вверху, так и внизу.

ПАНИКА В ШТАБЕ XVII РУССКОГО КОРПУСА И 35-ой ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ 28 АВГУСТА 1914 ГОДА

Уже после получения первых сведений о завязавшемся бое штаб XVII корпуса, находившийся в дер. Новоселки, потерял голову и в паническом настроении поспешно переехал в дер. Старое Село. О перемене места расположения штаба, который, согласно приказа на 28 августа, должен был находиться в дер. Ульховка, никому не сообщили. „Посланный в дер. Ульховку старший адъютант штаба 35-й пех. дивизии не нашел здесь штаба корпуса", — пишет ген. Долгов. [2]

„Так как из приказа по корпусу выходило, — пишет в своем дневнике командир 61-ой пех. дивизии, — что в 3 часа пополудни штаб корпуса должен был стать в Ульховке, а я находился в 1½ верстах от этой деревни, то я решил поехать в штаб, чтобы познакомиться с положением и попросить патронов. Я ломал себе голову, куда девалась находившаяся впереди меня 35-я дивизия, почему не приходит нам на помощь, вообще, почему мы остались одни.

---

[1] „Военно-исторический сборник", вып. 3, стр. 37; убитых 12 офицеров и 251 рядовой.

[2] Там же, стр. 32.

Все выяснилось после прибытия в Ульховку; оказалось, что 35-я дивизия сама была втянута в бой и к тому же несчастливый. Потери большие, дух упал, обозы разбежались. Прокладывая себе дорогу через массы столпившихся в деревне людей и повозок, я увидел свет в одном из окон; услыхав мой голос, из избы вышел полковник Батранец, начальник штаба 35-ой пех. дивизии, и с ним другие. Я слез с коня и зашел к ним, чтобы узнать подробности. Из тона беседы я понял, что все, и в особенности ген. Ремизов, потеряли голову и нервничают".

Никаких указаний или сведений в течение этого дня ни 35-я ни 61-я дивизия не получили. Штаб корпуса не подумал даже о необходимости руководить боем, в котором приняли участие почти все три дивизии корпуса и приданная ему 7-я кавалерийская дивизия (генерала Тиулина). Штаб корпуса не дал никакого приказа даже той бригаде 61-ой пех. дивизии, которая была оставлена в распоряжении командира корпуса и ночевала вблизи штаба в дер. Лиски. Приказы же были тем более необходимы, что бригадой командовал неизвестный штабу корпуса генерал Орлов, который, как оказалось, слабо ориентировался на поле боя, и никто не мог предвидеть что неожиданно появится, проехав на автомобиле через австрийские дозоры, и примет командование сам командир 61-ой пех. дивизии.

Паническое настроение, охватившее штаб корпуса уже в момент бегства из дер. Новоселки, передалось впоследствии штабу 35-й пех. дивизии. Не стану приводить заметок из своего дневника, но посмотрим, что говорит ген. Долгов, лучше меня знающий положение. Однако, раньше обсудим одно происшествие, которое ген. Долгову не было известно в подробностях.

Около 7 час. вечера сменяется командование 35-ой пех. дивизии. Случилось это следующим образом. В виду важности событий, разыгравшихся под Замостьем и вообще в районе IV русской армии, командующий V армией, генерал Плеве, решил лично руководить действиями двух правофланговых корпусов своей армии (XXV и XIX). Командир XVII корпуса ген. Яковлев, как старший после ген. Плеве, должен был принять командование левофланговой группой (корпуса V и XVII). И вот, во время столь важных для его корпуса событий, ген. Яковлев передает командование корпусом известному ему с самой плохой стороны командиру 35-ой пех. дивизии

ген. Потоцкому. Этот последний в свой черед передал командование 35-ой дивизией генералу фон-Мейснеру, командиру 35-ой артиллерийской бригады.

Когда ген. Мейснер провожал „начальство“, он просил у него указаний на остаток дня, ночи и на следующий день. Ген. Потоцкий дал ответ, ставший классическим: „В настоящее время я командую корпусом, и ваша дивизия меня ничуть не интересует; распоряжайтесь, как знаете“.

Покинутый своим начальником, ген. фон-Мейснер тотчас же собирает в дер. Ульховке военный совет, в котором принимают участие, кроме него, командир бригады, ген Ремизов, начальник штаба дивизии, полковник Батранец, командир 139-го Моршанского полка, полк. Гутор (Александр), и, кажется, командир 140-го Зарайского полка, полк. Дорман. На совете было решено, что с рассветом 35-я пех. дивизия начнет отход на Радзов и Ржеплин. Напрасно капитан Георгиевич (серб) протестовал против отхода. Ген. Мейснер и полк. Батранец сообщили, что они выезжают тотчас же. За ними двинулись части 35-ой пех. дивизии. Судя по материалам, приводимым ген. Долговым, основанием для принятия такого решения были следующие доводы.

С наступлением темноты увеличились опасения за левый фланг и тыл. Ружейный и артиллерийский огонь, который к этому времени, около 6 часов вечера, был слышен в районе Кржевица — Васильюв, указывал, что бригада 61-й дивизии также ведет бой. Сведений от нее не было. „Попытки установления с нею связи при помощи высланных для этого офицеров не имели успеха, слухи же о ходе боя 61-й дивизии, доходившие до штаба 35-й дивизии, были тревожные“. Выяснено, что на правом фланге против фольварка Букало неприятель наступает, как кажется, значительными силами“, и что в районе Дыниска (на фронте 3-ей и против 35-ой дивизий) стали обнаруживаться австрийские батареи. Наконец, „в виду угрожающего положения дел в 61-ой пех. дивизии и опасения за свой тыл, в случае ее отхода, отсутствия патронов и больших потерь дивизии“, генералы Мейснер и Ремизов высказались за отход. [1] Эти данные, взятые ген. Долговым из дневника дивизии, от начала до конца ложны и записаны, повидимому, с целью оправдать отход и избежать ответственности.

---

[1] „Военно-исторический сборник“, вып. 3, стр. 32.

61-я пех. дивизия вела бой уже с 2 часов пополудни, о чем должен был знать штаб 35-й дивизии хотя бы потому, что с участка 139-го Моршанского полка было прекрасно видно, что там делалось. Попытки установить связь не удались, вероятно, лишь потому, что вообще их не делалось. Препятствий для этого никаких не было.

От Щепятина, где находился Моршанский полк, до правого фланга бригады под Кржевицами, где находился командир 61-ой дивизии, по прямой линии было две, а кружной дорогой — три с половиной версты. Тревожные слухи, действительно, ходили, но их не проверяли, а принимали на веру. Между тем бригада удержала свою позицию и отбила неприятельское наступление.

Против фол. Букало значительных австрийских сил не было, так как таковые, обладая артиллерией, сразу же ее обнаруживают.[1] Артиллерия появилась значительно позднее. Были на лицо и патроны, в чем командир 61-ой дивизии имел возможность лично убедиться. Наконец, 35-я дивизия понесла не настолько тяжелые потери, чтобы ими оправдывалось отступление. Более обескровленной в действительности оказалась 61-я дивизия, потерявшая до 2500 чел.

Словом, решение этого военного совета являет собою новый пример отказа вождя от дальнейшего боя ранее, чем положение дел могло бы оправдать этот отказ.

Итак, в бою 35-й пех. дивизии, происходившем под Тарношином и Тужином, *паника внешняя*, возникающая в частях во время первых столкновений с неприятелем, соединилась *с паникой внутренней*, довольно часто охватывающей душу командиров.

ПАНИКА У М. ДОМБ В 1915 ГОДУ

Пишущий это исследование только 3 случая паники наблюдал лично. Первый раз это было под Козеницами (23 октября 1914), второй — у местечка Домб летом 1915 г. и, наконец, третий — в Мазовецке летом того же года. О первой панике я уже писал, теперь расскажу о второй.

61-я пех. дивизия, высланная на помощь и для смены 3-ей стрелковой кавказской дивизии, панически отступавшей

[1] С этим положением трудно согласиться. Артиллерия вводится в дело не сразу, а когда в этом есть надобность. *Ред.*

с позиций под Томашевым, должна была непосредственно после прибытия, согласно приказа, начать отход еще засветло на назначенную ей позицию, лежащую в нескольких верстах на юг от линии Комаров — Домб. Левый фланг дивизии находился против дер. Верхане. Большая часть позиции имела весьма плохой обстрел; местность позади линии огня вплоть до дороги из Комарова в Домб была пересеченная и закрытая. Дивизия могла воспользоваться дорогами на случай отхода. Одна, кратчайшая, вела на м. Домб и лежала ближе к левому флангу, другая же шла от правого фланга участка дивизии на Комаров. Эту, вторую дорогу, отдали 3-ей гвардейской дивизии.

На участке вместе с 61-ой дивизией находились части 3-ей кавказской стрелковой дивизии и 196-й пех. полк. Вправо была „варшавская гвардия“, а влево 20-я пех. дивизия. Старшие командиры отлично понимали, что долго мы на этой позиции оставаться не будем, тем более, что немцы подошли вплотную, и левый фланг 61-ой дивизии *должен был занимать участок под огнем неприятельских пулеметов* из дер. Верхане.

Предвидя отход, командир 61-ой дивизии отдал необходимые подготовительные распоряжения, а сам всю ночь нетерпеливо ожидал соответственного приказания от V кавказского корпуса. Он знал, что штаб корпуса работает неисправно, и опасался, что распоряжения об отходе могут дойти к соседним дивизиям значительно раньше; дивизии эти снимутся с позиций и обнажат фланг 61-ой дивизии, которой придется отступать в весьма трудных условиях. Опасения эти оправдались. 20-я дивизия, входившая в состав II кавказского корпуса, получила приказ об отходе назад на 1½ часа ранее чем 61-я дивизия. Немцы, как я уже говорил, напирали, и, как только 20-я дивизия начала отходить, они двинулись вперед и обошли левый фланг 61-ой дивизии. Командир дивизии усилил этот фланг при помощи частей 3-ей кавказской стрелковой дивизии. Немцы временно задержались; однако, прямая дорога на Домб оказалась уже под их обстрелом и для отхода по ней частей стала не безопасной. Тогда командир дивизии решил двигаться дорогой на Комаров и уже с нее сойти на дорогу в Домб. Хотя на этой дороге он должен был столкнуться с гвардией, однако думал, что небольшой общий участок дороги удастся пройти быстро, тем более, что

в данных условиях, другого выхода не было. Опасность заключалась в том, что немцы могли оказаться на перекрестке дорог раньше отходящих на Домб и Комаров. Условившись с временным командующим 3-й гвардейской дивизией ген. Кушакевичем относительно способа выполнения отхода, командир 61-ой дивизии, опередив свои колонны, приехал на упомянутый перекресток. Здесь он увидел картину, заставившую его серьезно задуматься. По направлению к Домбу отсюда вела не дорога, а какая-то едва проложенная колея, идущая к тому же по совершенно ровной, открытой и довольно болотистой местности.[1] Эта дорога была уже забита едва продвигавшимися обозами, к которым каждую минуту присоединялись новые обозы, подходившие со стороны Комарова.

Никто не отдавал себе отчета в опасности и не предполагал даже, что в сущности обозы по отношению к неприятелю совершают фланговый марш и, что в виду отхода 20-ой дивизии они каждую минуту могут быть атакованы с правого фланга и даже отрезаны от дороги на Домб. Вдобавок, поблизости, на дороге из Тышовец, оказались 2 батареи 61-ой арт. бригады, высланные в распоряжение штаба 20-ой дивизии, но не заставшие уже этой дивизии на позиции и не знавшие, что делать. Расчет командира дивизии, что его головной, 243 Холмский полк, высланный заблаговременно, успеет быстро подойти к перекрестку дорог и прикрыть движение, случайно не оправдался, так как (об этом узнали впоследствии) полк был задержан ген. Беляковым, командиром Петербургского гвардейского полка, давшим ему задачу прикрывать тыл всей 3-ей гвард. дивизии.

Пришлось всем обозам, спешившим в Домб, объяснить поочереди создавшееся положение и потребовать, чтобы они двигались возможно скорее. Почувствовав опасность, командиры обозов проснулись и, нужно отдать им справедливость, сумели быстро двинуть свои колонны вперед. Туда же на Домб были направлены две упомянутые батареи. После очистки дороги командир дивизии ожидал еще некоторое время, но, получив извещение, что полки пойдут на Домб другой дорогой, поехал туда сам. Каково же было его удивление, когда, подъезжая к местечку, он увидел, что обозы почли себя здесь

---

[1] Замечательно, что в предвидении отхода рекогносцировка тыловых путей выполнена комдивом 61 не была. *Ред.*

в полной безопасности и частью остановились в деревне, а частью расположились на южной, обращенной к неприятелю окраине местечка. Командир дивизии решил обождать в деревне свои части. Едва только он вошел в одну из хат, как случилось нечто, в первый момент совершенно непонятное.

Тут же за селением раздался ряд как бы орудийных выстрелов, и тотчас же после этого по главной большой дороге в *паническом страхе* помчались батареи, обозы, отдельные люди разных дивизий и, наконец, в добавок ко всему, какой-то казачий полк, неизвестно откуда взявшийся. Прислуга нескольких орудий и ящиков успела уже обрезать постромки и бросить материальную часть на улице. Напрасно командир дивизии пытался остановить панику, рассчитывая, что знакомый голос старшего начальника окажет отрезвляющее влияние. Эти попытки среди шума и клубов пыли остались бесплодными. Тогда командир дивизии сел на коня, догнал одну из батарей, успел ее остановить и приказал тотчас же открыть огонь в сторону неприятеля. Это была 1-я батарея 61-ой арт. бригады. Едва только загремели первые выстрелы, как все стало понемногу успокаиваться. Карьер перешел в рысь, а затем и в шаг. Другие батареи также снялись с передков. Прислуга, обрезавшая постромки и бросившая орудия и ящики, пристыженная вернулась в селение, чтобы их забрать. Неприятель прекратил стрельбу и отступил. Выяснилось, что это были 2 броневика, спешившие к вышеупомянутому перекрестку; однако, они опоздали. Задерживая при помощи офицеров штаба отдельных людей разных дивизий, командир дивизии создавал из них небольшие части и использовал их, как прикрытие для батарей. Вскоре после этого он дождался момента, когда со стороны Комарова начали подходить его пехотные полки.

Одной из причин прекращения паники под Домбом, на вид чрезвычайно удивительной, было присутствие здесь командира дивизии. Части до такой степени привыкли наблюдать, что в опасном месте командиры этого ранга никогда не находятся, что, видя под Домбом командира дивизии вместе со штабом, помимо воли считали себя в совершенной безопасности, а на напоминания этого командира о возможности появления немцев смотрели, как на своего рода хитрость, имевшую целью побудить их к более скорой очистке дороги для полков его дивизии.

Присутствие командира дивизии на месте паники привело также к следующему курьезу. Спустя несколько дней после этого происшествия к нему явился командир того казачьего полка, который в то время также охватила паника, с просьбой засвидетельствовать, что это он именно не потерял самообладания, приказав артиллерии открыть огонь, чем успокоил панику. „Искатель награды" был сильно поражен, услыхав из уст командира дивизии рассказ об истинном положении вещей, и обещание просьбу с „соответствующей" поддержкой переслать его непосредственному начальнику.

ПАНИКА В ГВАРДИИ СЕМЕНОВСКОМ ПОЛКУ В СЕНТЯБРЕ 1914 ГОДА

Укажу еще одну панику, имевшую место у моих самых близких соседей. В 1916 г. во время боев в Добрудже к югу от Меджидие вся 115-я пех. дивизия в паническом бегстве покинула свой участок, поставив этим 61-ю дивизию в необыкновенно трудное положение. Вместе с дивизией пропал и нашелся уже в далеком тылу командир дивизии ген. Фрейман со всем своим штабом. Поводом для паники стал самый обыкновенный артиллерийский обстрел, а истинной причиной было формирование дивизии из ополченских дружин, прибытие пополнения из значительного количества запасных и полное отсутствие работы со стороны ген. Фреймана над сколачиванием частей. Опять-таки со своей стороны командир корпуса ген. Заиончковский, вместо того, чтобы постепенно осваивать дивизию с боевыми условиями, назначил ей сразу самостоятельный участок, с которого спустя несколько дней дивизия бежала.

До сего времени я говорил о случаях паники, по тем или другим причинам лично мне известных. Приведу теперь пример, рассказанный ген. Головиным и интересный тем, что паника была вызвана простым криком какого-то ошалевшего солдата, заоравшего с перепугу: „обозы".

Случилось это в сентябре 1914 г. во время преследования разбитых австро-венгерских армий, отступавших в Западную Галицию.

„Гвардейская кавалерийская дивизия, — пишет Головин, — стояла на берегу Сана, когда через эту реку переправлялся гвардии Семеновский полк. Это был один из полков старой гвардии, которым поистине могла гордиться русская армия. Обу-

чение и бытовая сторона в гвардии без сравнения стояли выше, чем в линейных пехотных полках. Рядовой состав был отборный. Совершенно спокойно можно утверждать, что ни один полк наших союзников не был так близок к типу полков профессиональной армии, как Семеновский полк. Задерживаюсь на этом особенно, с целью показать читателю, что в будущем не удастся требовать от частей *той стойкости*, на какую можно было рассчитывать в этом полку. Во время мировой войны это был один из лучших полков, а во время революции он *разложился* одним из последних.

Мост на Сане был австрийцами сожжен. Саперы поспешно его отстраивали. В то время, когда длинная линия Семеновского полка переходила по кое-как набросанным доскам, нам было приказано переправиться по довольно глубокому броду, находящемуся вблизи моста.

Переправу прикрывал авангард. Особой предприимчивости со стороны противника трудно было ожидать, так как австрийцы, понеся на всем фронте решительное поражение, поспешно отступали, стремясь, как можно скорее оторваться от нас.

Переправившись на другой берег, гусары и уланы слезли с лошадей, отпустили подпруги и стали кормить лошадей. Я подъехал к месту, где чинили мост, и смотрел на переправу Семеновского полка по доскам.

Вдруг в лесу раздался какой-то крик. Крик этот рос и, наконец, я услышал: „Неприятельская кавалерия; неприятельская кавалерия!“. Среди людей, переходивших по доскам, произошло замешательство. Раздались даже выстрелы. *Это была настоящая паника.*

Наши полки сразу сели на коней и выехали из селения, чтобы беспрепятственно развернуться.

Было совершенно непонятно, откуда могла появиться неприятельская кавалерия. Единственное возможное направление только с неба!

Вскоре паника улеглась. О ее причине рассказывали, что кто-то в обозе увидел неприятельский дозор и поднял тревогу.

Этот пример указывает, что даже наилучшие части не застрахованы от паники. Однако, в этих частях паника не принимает значительных размеров, и с нею легко справиться. Быть может, качество части в данном случае выявляется даже более ярко, чем во время боевых успехов и побед.

ВЫВОДЫ

Об основных причинах паники, охватывавшей в течение первых месяцев войны отдельные русские части, я уже упоминал во время всего изложения. Теперь хотел бы их сгруппировать. По моему мнению, это:

а) впечатлительность частей по отношению к новым факторам, выдвинутым войной, а именно к авто-бронемашинам и многочисленной тяжелой артиллерии, с которой русская артиллерия не могла состязаться;

б) переутомление частей, возникающее не вследствие чересчур больших переходов, а из-за неорганизованности тылов, невтянутости частей, переполненных запасными, являвшимися в боевом отношении совершенно сырым материалом и неспособных преодолевать походные трудности. Сюда же следует отнести беспрестанное перебрасывание частей в виду вечной спешки на верхах, что лишало возможности давать дневки.

в) присутствие в боевых линиях второочередных (резервных) частей, имевших слабые кадры, плохо обученных, не сколоченных, впечатлительных и не стойких, являвшихся скорее милицией, чем регулярными войсками.

г) незнакомство большинства людей, в том числе и командиров, с обстановкой и даже нежелание знать обстановку, вследствие чего явления, которые можно было ожидать, становились для них неожиданными;

д) неумение вести разведку и охранение во время движения, [1] что вызывало неоднократные неожиданные встречи с неприятелем;

е) особой причиной являлся огромный упадок духа в частях, принимавших участие в боевых действиях в Восточной Пруссии, что было прямым следствием понесенных там поражений. После боев в Восточной Пруссии русские командиры были убеждены, что сражаться с немцами с надеждой на успех они не сумеют [2], и это настроение командиров подсознательно передавалось рядовым бойцам.

---

[1] И на месте. *Ред.*

[2] Точнее: русские командиры считали, что неспособность старших начальников — неизменная величина, и что поэтому успех невозможен. *Ред.*

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

СЛУЧАИ ПАНИКИ ВО ФРАНЦУЗСКИХ ВОЙСКАХ В МИРОВУЮ ВОЙНУ

О паниках, имевших место во французской армии, сведения довольно односторонние, большинство их касается паник, случавшихся в небольших частях, следовательно, широко не распространявшихся и не имевших большого значения. Весьма возможно, что, когда появятся подобные описания *переломов* французского фронта, в особенности важнейших — из времен 1918 г., то мы найдем в них данные о значительных по своим размерам паниках и забудем тогда те, о которых говорим в настоящее время. Не подлежит никакому сомнению, что, несмотря на высокий подъем настроения, охвативший французов в момент объявления войны, несмотря на ясное сознание необходимости победить в этом новом кровопролитном столкновении с извечным врагом, паники имели место как в период маневренной войны, так и в период позиционной не в меньшей степени, чем в других европейских армиях. Некоторые данные в этом направлении находим в известных трудах Галиени, Дюбуа, Пала, Брюссо, Танана, Грассе и других авторов.

Ген. Галиени уже на 18-ой странице своих интересных воспоминаний об обороне Парижа должен был упомянуть о панике: „Территориальные дивизии ген. Амада, несплоченные и необученные, будучи брошены против неприятеля прямо по выгрузке из вагонов, рассыпались, как только увидели уланов“. — „Был момент, — телеграфировал ген. Амад, — когда я оказался один с офицерами моего штаба“.[1]

Дюбуа упоминает о целом ряде паник. 23 августа 1914 г., в период боев на границе, 52-я резервная пехотная дивизия выдвинула двухбатальонный полк в сторожевое охранение к дер. Виллерзи. По неизвестной причине полк был выслан

---

[1] Mémoires du général Gallieni („Défense de Paris, 25 Août — 11 Septembre — 1914“), Paris 1920, стр. 18.

поздно, вследствие чего прибыл к назначенному месту уже после наступления полной темноты. В 9 час. вечера неожиданно появились немцы; охваченный паникой полк бежал вплоть до Маасса.[1] Увы, во время сражения на Мозеле, в рядах той же дивизии, а именно в частях, обороняющих мост между Мезьером и Тумау, снова случилась паника, на этот раз не поддающаяся никакому объяснению.[2] „Ночь (с 7 на 8 сентября на Марне в IX франц. корпусе) прошла относительно спокойно,— пишет Дюбуа;—на рассвете на фронте 17-ой пех. дивизии было в некотором роде тихо, как вдруг, около 4 час. 30 мин., на ее правом фланге появились охваченные паникой части IX корпуса (293-й и 65-й пех. полки), против которых немцы только-что повели сильное наступление".

8 сентября около 3 час. 30 мин. пополудни сильное немецкое наступление отбросило передовое охранение 21-ой и 22-ой дивизий (XI корпуса); отдельные части этого охранения, за исключением отдельных людей, бежавших через лес, удирали в северном и южном направлениих, обнажая биваки 18-ой дивизии, и донесли о своем преждевременном отходе. Для французов создалось чрезвычайно трудное положение. Было установлено, „что движение назад распространилось на все части XI корпуса, и что на нашем правом фланге (т. е. IX корпуса) на глубину поля зрения образовался огромный прорыв, в который начинает проникать неприятель". Нужно было „спасти положение", вследствие чего IX корпусу пришлось вступить в бой в самых дурных условиях.

9 сентября 1914 г. 135-й пех. полк во время наступления на Фер-Шампенуаз понес тяжелые потери и, охваченный паникой, бежал вплоть до берегов реки Лямф.[3]

Затем Дюбуа приводит целый ряд более или менее значительных паник во время боев на р. Ипр: 30 октября в 77-ом пех. полку; 1 ноября в 6-ой кав. дивизии; в тот же день в частях, расположенных у Бродсайнд (Broodseinde) и Зонебеке (Zenebeke); 6 ноября к западу от Сан-Элуа (Saint-Eloi) по невыясненным причинам паника охватила два стрелковых батальона и состав 43-ей пех. дивизии, а к западу от канала Ипр подверглись панике части 68-го и 90-го пех. пол-

---

[1] Dubois A., général, „Deux ans de commandemant sur le front de France 1914—1916", кн. I, стр. 51, и кн. II, стр. 226.
[2] Там же, стр. 227, кн. II.
[3] Dubois., A. т. I, стр. 188, 192, 293 и 207.

ков; 11 ноября возникло замешательство в 67-ой территориальной дивизии; в тот же день около 2 час. пополудни многочисленные беглецы достигли места расположения командования ген. Маусса и сообщили тревожные сведения, которые принудили ген. Виляда (начальника ген. Маусса) обратиться за помощью в штаб IX и XVI корпусов; впоследствии выяснилось, что эти сведения были ложны.[1]

Делая вывод из имевших место в течение этих дней происшествий, ген. Дюбуа пишет, что тогда было „несколько моментов большого морального напряжения. Начатое англичанами 31 октября отступление, неудача 1, 6, 10 и 11 ноября к северу и югу от Ипра вызывали большие заботы.“ [2] Мы увидим далее, как однообразно подчеркивают все означенные авторы одну из причин колебания и паники в войсках.

Доктор Альфред Бруссо в своем труде „Essai sur la perir aux armeés 1914 — 1918“ описывает два случая паники, свидетелем которых он был. Об одном я уже говорил раньше, теперь приведу второй.

„22 августа 1914 года мы пережили наше первое боевое испытание, Полки наступали в сомкнутых строях с развернутыми знаменами. Окопавшийся неприятель был почти невидим. Пулеметы, ничем не рискуя, косили людей вовсю; четыре или пять раз роты, смыкая ряды, шли в бесполезный штурм. Таково было могущество дисциплины. Каждый полк оставил на поле боя от 1000 до 1500 человек. Около полудня стали отступать. Осью отхода было шоссе. В тот момент, когда роты отошли от неприятеля, они начали сбрасывать снаряжение. Движение становилось все более поспешным. Несколько артиллерийских снарядов, упавших в 500 — 600 метрах от дороги, оказали влияние на темп отступления. Чтобы быть в состоянии двигаться более скоро, люди бросали ранцы и ружья, т. е. свое вооружение и средства существования. Сотни других следовали этому примеру. Фактически уже бежало стадо людей, протискивавшееся через всякого рода повозки, заполнявшие дорогу. Автор этих слов сам себя поймал на том, что, поддавшись инстинкту самосохранения, также начал было бежать. Артиллерийская батарея перешла на рысь; начался штурм мест на зарядных ящиках; можно было даже видеть людей,

---

[1] Dubois, A., т. II, стр. 46, 61, 83, 86, 93 и 94.
[2] Там же, II, стр. 107.

сидящих верхом на телах орудий. В 4-м часу пополудни позади дер. Т... замешательство было так велико, что один из полковников, чтобы восстановить организацию корпуса, преградил автомобилем дорогу и скомандовал: 9-я дивизия — направо! 10-я — налево! Отчасти ему удалось взять этот поток людей в известные рамки. Подошли знамена, порванные осколками снарядов, окруженные горстью солдат с окаменелыми лицами; вокруг них стали пристраиваться частицы полков. В течение нескольких дней находились еще ошалелые люди без оружия, бродившие или в одиночку или группами, которые на вопрос, где их часть, отвечали: „Моя рота! Ее уже нет! Вот все, что от нее осталось!" — Это говорилось большей частью искренно, с полной уверенностью, что сказанное — правда. Эти полные трагизма слова обнаруживали совершенный упадок духа. Большинство солдат не было в состоянии выносить дергающих нервы ударов дня. Утром каждый казался полон запаса мужества. Когда же заканчивались общие действия, когда начиналось отступление, каждый уже думал только о самом себе. [1]

У ген. Танан, дающего очерк сражения под Эте и Виртон, находим ряд намеков на случаи паники (стр. 33), на беглецов, которых приходилось задерживать в тылу и приводить в порядок (стр. 61, 62 и 65), а также описание ночной паники, охватившей 101-й пех. полк. Этот полк, расположившийся на ночлег позади 124-го полка, открыл по нем огонь, к счастью не нанеся ему никаких потерь. [2]

Ген. Танан описывает также свою встречу с каким-то артиллерийским капитаном из штаба дивизии. Он был без шапки и, охваченный паническим страхом, сообщил автору о трагическом положении дел и прибавил: „Я, вероятно, только один остался из всего состава штаба, остальные погибли". — Нельзя было отнестись без доверия к офицеру Ген. Штаба, — пишет ген. Танан, — который должен был понимать, что говорит, и ориентироваться в обстановке". [3]

Однако, все сведения, сообщенные этим офицером, были неверны.

---

[1] „Essai sur la perir aux armées 1914 — 1918". стр. 27 и 29.

[2] Tanant, général. „La troisieme armée dans la bataille", Paris, 1922, стр. 34.

[3] Там же, стр. 59.

ЭПИЗОДЫ ИЗ БОЕВ НА ФРАНЦУЗСКОМ ФРОНТЕ В 1914 ГОДУ

Грассе в своих талантливых описаниях сражений под Эте и Виртоном, в которых с полной правдивостью, точно живые, встают картины современного маневренного боя, рассказывает также и о случаях паники. Вот несколько набросанных им картин.

Автор говорит о наступлении на немецкую линию к северу от Латура 3-го батальона (Ле-Merди) 102-го французского пех. полка и 1-го бат. (Лебо) 101-го пех. полка 22 августа 1914 г. во время сражения у Эте.

Во время наступления нужно было пройти через два гребня возвышенностей, под сильным огнем неприятеля, располагавшего многочисленными пулеметами. Батальон Ле-Мерди понес тяжелые потери и, не будучи уже в состоянии продвигаться вперед, залег в расстоянии 500 *м* от селения Латур. Батальон Лебо и 9-я рота б-на Тиссеранда двинулись вперед с целью поддержать наступление.

„Когда батальон Лебо по тропинкам взобрался на высоту 293, его подразделения вновь попали под сосредоточенный огонь артиллерии, занимавшей позиции к северу от Эте и в районе Блейд. Роты, оказавшись в огне, по счастью более потрясающем нервы, чем наносящем смерть, наддали шагу. Однако, пройдя первую возвышенность, прикрывающую их со стороны Латур, они очутились под убийственным стрелковым и пулеметным огнем, направленным против них из деревушки; испытание для молодых солдат оказалось слишком тяжелым, стрелковые линии заколебались и в некотором беспорядке отхлынули назад“. [1]

Вот еще одна картина из того же сражения. В 11-м часу утра французы должны были овладеть жел.-дор. линией между Гамаве и Жеримон. В виду исключительно тяжелых условий, в которых оказался правый фланг (9-я и 12-я роты) батальона кап. Турте, последний решил оттянуть правый фланг несколько назад и дать ему чисто оборонительную задачу.

„Как было передано это приказание и как оно было понято в ливне снарядов, в виду неизбежной угрозы штурма и даже конной атаки уланского полка, собирающегося у Гамаве? Кто

[1] Grasset A., „La guerre en action Ethe“, 1924 г., стр. 106.

думал о способе исполнения приказа, когда все командиры взводов уже пали в бою. Неизвестно. А в виду громадного нервного возбуждения, в котором находились сражающиеся столь продолжительное время, *сигнал к отходу являлся сигналом к началу паники.* Как бы снесенные железным ураганом, покрывавшим их облаками пыли и дыма, части 9-й и 12-й рот в беспорядке бросаются в направлении на Тон, чтобы там найти укрытие. В этот же момент капитан Турте, которого не покинули спокойствие и хладнокровие, падает замертво, что делает положение еще более критическим". [1]

А вот, несколько эпизодов из сражений под Виртоном.

Батальон Фадата (2-й) 130-го пех. полка в течение короткого времени понес тяжелые потери. Осталось только трое офицеров, способных продолжать бой. Роты, развернувшиеся уже не совсем в надлежащем порядке, заколебались и распались. Несколько звеньев окапывается, прочие целиком отходят, откатываясь к Виртону.

Разрывы снарядов больших калибров в известный момент вызывают панику. Чтобы ее остановить, было достаточно энергичного поведения нескольких храбрецов.

Во время действий отряда Деффонтена на Робельмон имело место следующее происшествие среди артиллерии полковника Обри:

„С полуночи не слыхать было еще боевой суматохи; ни 51-й пех. полк, постоянно находившийся в Мей (Meix), ни 128-й полк, оборонявший жел.-дор. линии, не присылали тревожных сведений. Что же там случилось? Нет возможности определить. Неприятель не имел наверное на этой стороне значительных сил. На южной окраине леса Мей были видны только одни патрули, отрезанные от Робельмон и ищущие выхода. Сведения, принесенные чересчур нервным очевидцем, достаточно не проверялись; в результате — паника и неустранимое прекращение прекрасно подготовленного наступления, которое должно было удасться". [2]

Наконец, еще один из эпизодов атаки на Робельмон:

„В этом полку (117-м), как я уже говорил, приостановка, необходимая в виду исключительной силы огня, признана была всеми офицерами и рядовыми временной. Ожидали приказа

---

[1] Grasset, A., „La Guerre en action Ethe", 1924 г., стр. 80.
[2] Grasset, A., „La Guerre en action Virton", Paris, 1925, стр. 61 и 162.

о движении вперед ныне же, когда с наступлением вечера неприятельский огонь почти затихал. В 19 часов 30 минут увидели, что левая наша линия отступает, и отдельные единицы покидают поле боя. Взвод сержанта Гюерина, находившийся на крайнем левом фланге батальона Трейлярда, отошел вместе с частями 87-го и 91-го полков, с которыми он смешался. Взвод подпор. Думе колеблется... Распространяется слух: немцы обходят нас слева, наши отступают... Ничего больше не требуется, чтобы, в соединении с утомлением после целого дня нервного напряжения, сделать из храбреца труса, *а энтузиазм сменить паникой.* Но достаточно было найтись одному человеку, чтобы погасить страх".

Этим человеком был Киврай. Остановив начавшуюся панику, он вместе с капитаном Коллен успел собрать 300 — 400 человек разных полков и повел их вперед. Нужно было сойти в овраг. Часть оврага, в который спустился кап. Коллен, была обстреляна фланговым пулеметным и артиллерийским огнем со стороны Робельмон. Испытание было чересчур сильно. Первая волна (рота Коллена), уменьшившаяся до нескольких десятков человек, заколебалась, смешалась; то же случилось и в ротной поддержке. На дне оврага возник страшный беспорядок; кап. Коллен, *дабы избежать паники*, отдает распоряжение отойти на исходную позицию".[1]

Итак, мы видим, что в трудах французских военных писателей, как я уже говорил, до сего времени встречаются описания паник в небольших относительно частях и на ограниченном пространстве.[2] Это соответствует условиям современного боя, растягивающегося на громадные расстояния как в ширину так и в глубину, а также условиям распространения паники, которая, охватив известный участок, не в силах перекинуться через значительные промежутки на соседний участок. Не следует забывать, что бои, о которых шла здесь речь, имели место на необыкновенно пересеченной местности, вследствие чего сражающиеся части находились как бы за отдельными заграждениями, не имея иногда никакой возможности узнавать что делается тут же рядом. Несмотря на то, что на вид эти паники не имели большого значения, однако, из примера, приведенного ген. Дюбуа и касающегося IX французского кор-

[1] Grasset, A., „La Guerre en action Virton", Paris, 1925, стр. 170, 172.
[2] Я не располагал материалом, в котором можно было бы найти случаи паники большого размера.

пуса, достаточно ясно, что они могли создать весьма тяжелое положение и серьезно отразиться на ходе боя.

Причины возникновения паник в рядах французов те же, что и всюду на свете; имеется лишь одна, как бы особая причина на которую указывают все приведенные мною авторы, за исключением, быть может, ген. Танана, это — нахождение в армиях территориальных дивизий.

„Хотя резервные части,— пишет ген. Галлиени,— были относительно ценны, но к несчастью они уступали с точки зрения этой ценности корпусам действующей армии. Командующий группой, состоящей из 55-й и 56-й резервных дивизий, доносил 1 сентября, что утомление людей является весьма важным фактором, и что численный состав уже до погрузки уменьшился. Форсированный марш, выполненный 1 и 2 сентября для выхода из-под напора немцев, повлиял также отрицательно на моральное состояние частей, оставивших в тылу многочисленных мародеров. Эти мародеры присоединились к своим частям только 4 сентября вечером, да и то не все, так как некоторое их количество явилось лишь спустя несколько дней“. [1]

„Две резервные дивизии генерала Валабрегю, — пишет командующий V армией, в состав которой входили эти дивизии, находятся в состоянии, возбуждающем беспокойство. По мнению их командира, большая часть войсковых единиц до такой степени изнурена и деморализована, что в случае серьезного боя следует опасаться, что они разбегутся и посеют зерно смятения и беспорядка в соседних частях“. [2]

Довольно много отрицательного материала в отношении оценки этих дивизий можно найти в „Архиве войны“ т. т. XIV и XV.

Заканчивая описание случаев паники, имевших место в мировую войну в частях разных европейских армий, я должен сказать, что к ряду постоянных, уже истертых примеров, которыми обыкновенно пользуются авторы, занимающиеся вопросами паники, [3] я добавил ряд новых примеров, взятых из ряда

---

[1] „Memoires“, стр. 70.

[2] Lanrezac, стр. 262.

[3] Daudignac, „Le réalités du combat“, Paris, 1915, стр. 74 — 96, 107 — 112, 130, 133 — 146; Pfülf, „Die Panik im Kriege“, 1908, Anlage 1 und 2, а также в самом тексте; Rouppert, „Panika jako zjawisko wojenne“ Warszawa, 1926, стр. 26 — 28 (автор приводит также и новые примеры); отчасти Головин, „Исследование боя“, Петербург, 1907, стр. 132; отчасти Изместьев, „Очерки по военной психологии“, Петроград, 1923 г., стр. 62 — 71.

столетий из целого цикла войн, веденных человечеством. Эти примеры я использую в дальнейшем, когда буду говорить о причинах возникновения паники, о фазах ее обыкновенного прохождения, об известных специальных видах паники и, наконец, о способах борьбы с возникающей или начавшейся уже паникой.

ПАНИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ ЦЕЛЫХ АРМИЙ

Вопросом бегства *целых армий* первыми занялись исследователи советской России, использовав опыт войн русско-японской, мировой и своей собственной борьбы с Польшей в 1920 году. [1]

Автор труда, посвященного этому вопросу, объясняет прежде всего, что дословное понимание слова „бегство“ в данном случае применять не следует, так как „бежать“ с целью выйти из непосредственных ударов или обстрела может только небольшая часть, что продолжается коротко и разыгрывается на небольшом пространстве; под термином же „бегство армии“ подразумевается потеря армией способности управления ее войсковыми единицаии, организационное расстройство этих единиц, доходящее до распыления людских масс, составляющих армию, в направлении, избранном самой массой.

Автор нигде не употребляет термина „паническое бегство“. Однако, сопоставляя, с одной стороны, явления предшествующие, о которых он говорит в своем труде, и которые обыкновенно вызывают панику войсковых частей, а, с другой, только-что приведенные определения „бегства“ и прежде всего самоволье масс, их распыление и неудержимое течение назад, мы приходим к убеждению, что речь идет *о панике,* хотя не столь яркой, как паника на поле сражения меньших единиц. В этом убеждают нас и примеры, прчводимые автором, [2] так как в каждом из них мы находим: во-первых, все проявления панического настроения всей войсковой массы и во-вторых, на фоне этого

---

[1] „Военная мысль и революция“, Москва, 1923, стр 35—48, статья К. Невежина, „Бегство полевой армии и метод восстановления боеспособности“.

[2] Отступление русских армий из-под Мукдена 9—11 марта 1905 г.; отступление I русской армии 28—31 августа 1914 г. и отступление XVI советской армии из-под Варшавы 12—28 августа 1920 г.

общего настроения, каждый пример содержит ряд истинных, не подлежащих сомнению, отдельных случаев паники.

„Здоровая, сильная своим духом армия, — пишет автор, — не побежит никогда даже в самом дурном положении, а будет отходить, в тяжелых случаях даже прокладывая себе дорогу для отступления, однако, всегда организованно, сохраняя руководство. Это будет выглядеть иначе, если силы армии уже подорваны".[1] Подорванными же они могут быть или вследствие общих военных неудач страны, которые иногда вовсе не коснулись армии, либо вследствие продолжительных наступательных и оборонительных боев, больших потерь, физического утомления, голода, недостатка боевых средств, иными словами, вследствие всех факторов, ослабляющих человеческую психику. А, когда ход боя будет несчастлив, то к этому присоединяется еще потеря доверия к командирам, падение дисциплины и потеря веры в успех и в свою силу. Факторы эти (потеря сил моральных, физических и материальных), заранее непредусмотренные и неустраненные высшим командованием, создают почву или условия, влекущие за собою бегство.

Существенная разница между паникой меньшей единицы и паникой целой армии сводится к тому, что первая по внешности[2] внезапна, неожиданна даже для непосредственных командиров, а вторая развивается постепенно по мере продолжительности отступления. Явление, которого мы в настоящее время коснулись, можно наблюдать тогда, когда тылы армии оказались обнаженными, и когда неприятельский напор на тыловые пути сообщения уже обозначился, или угрожает в будущем, или в известной мере уже происходит. Чем глубже может неприятель обойти армию, тем продолжительнее будет ее бегство. Все ее усилия направятся тогда к прохождению угрожаемого пространства, иными словами, к спасению от захвата в плен, неизбежного в случае промедления.

Темп отхода постепенно ускоряется, и армия постепенно переходит на форсированный марш, достигающий иногда сказочного числа километров в сутки.

Именно эти форсированные переходы приводят постепенно армию к состоянию, которое поистине можно назвать „бегством".

Начинаются печальные явления, неустранимые даже в том

---

[1] „Военная мысль и революция", стр. 35.

[2] В действительности ей предшествует ряд подготовительных явлений, так как, как уже говорилось, беспричинной паники не бывает.

случае, если армией можно еще в известной степени руководить. Начинается растяжка колонны, переутомление, падение дисциплины, в общем понижение боеспособности. При наступлении отрицательные явления, вызванные форсированными маршами, исчезают сравнительно быстро, так как успех подымает моральную силу частей, в то время как при отходе они принимают все более острую форму, и вопрос дальнейшего сохранения военной организованности и боеспособности зависит, наконец, исключительно от того, каким запасом моральных и физических сил обладали части перед началом отступления.

Одновременно с упадком сил появляются последующие факторы, влияющие на разложение войсковых единиц. Прежде всего ухудшается регулярность продовольствия войск. С одной стороны, воля неприятеля, стремящегося отрезать части от нормальных путей сообщения, с другой — стремление самих частей найти кратчайшую дорогу, чтобы как можно скорее избежать грозящего им обхода, далее начинается самоволие, столь естественное в моменты, когда распадается нормальное руководство; все это вместе взятое приводит к постепенному уходу частей с назначенных им дорог и к перекрещиванию разных войсковых колонн на одной и той же дороге. Так было под Мукденом в 1905 г., как равно и при отступлении I русской армии из Восточной Пруссии после поражения II армии ген. Самсонова.[1]

В нормальных условиях продовольствование войск опирается на подвоз продуктов питания обозами. В данном случае обозы в предвидении отхода заблаговременно отодвигаются на значительное обычно расстояние назад. Двигаются они впереди частей; следовательно, обеспечить их правильным снабжением продовольствия не могут. Местных же запасов при подобном отходе обыкновенно не хватает, так как на одних и тех же дорогах нагромождается масса разных частей, или же нет времени на использование местных продовольственных средств, так как все стремятся вперед, только бы скорее выйти из угрожаемого пространства. Но все-таки, несмотря ни на что, есть нужно; части начинают постепенно таять, некоторые пытаются догнать обозы, другие в поисках продовольствия расходятся по сторонам. „Части начинают рассыпаться и в ширину и в длину, —

[1] Оставление означенных дорог могут вызывать и другие причины, например, повреждение переправ и т. д.

пишет автор, — и в руках командиров остаются исключительно знающие свою задачу части". Но, так как еще не хватает корма, лошади истощаются, и в повозки приходится запрягать большее их число; вследствие этого часть повозок приходится бросать, а сбереженных таким образом лошадей использовать для тяги более ценных грузов. В стремлении спасти орудия, артиллерия бросает прежде всего обозы, а затем ящики.

Коль скоро начинают части сходить с назначенных им дорог отступления, начинается потеря связи со штабами. Командиры теряют возможность руководить подчиненными им единицами. Сообщения первоначально доходят с опозданием или с перерывами, а затем и прекращаются. *Этот* именно *момент автор названного выше труда считает началом „бегства" армии.* „Частей, т. е. организованных боевых единиц, уже нет, — пишет он, — с их остатками нет связи, управлять некем, и армия, как таковая, на известный период времени не существует". [1]

Ответ на вопрос, в какой момент от начала отхода наступит это бегство, можно получить из оценки моральных и физических сил в период, непосредственно предшествующий отходу. Чем более были истощены эти силы, тем скорее наступит момент бегства и тем меньшие силы могут его вызвать.

Обсуждаемые нами явления в их целости всегда происходят на фоне несомненного панического настроения в армии и ее высшем командовании. Основание для вспышки отдельных случаев паники уже совершенно подготовлено. Мы наблюдаем здесь страх плена и ожидание, что неприятель отрежет пути отступления, понижение моральных сил, физическое переутомление и недостаток продовольствия, доходящий временами буквально до голода, отсутствие руководства сверху и расползание в ширину вследствие недостатка связи с соседями и командирами, разнообразных слухов, сеющих значительное возбуждение и обычно сплошь неверных, одним словом, все то, что легко вызывает панику даже в наиболее сплоченных частях, не находящихся в столь тяжелом положении, как необходимость вынужденного отступления.

По сравнению с цитируемым автором, я увеличиваю количество исторических примеров, иллюстрирующих паническое

---

[1] „Военная мысль и революция", стр. 38 и 39.

отступление (или паническое бегство целых армий), и думаю, что такими примерами можно считать: 1) отступление австрийской армии в 1866 г. после сражения под Кениггрецом; 2) отступление I русской армии после Мукденского боя (9 — 11 марта 1905) г.); 3) отступление I русской армии ген. Ренненкампфа из Восточной Пруссии (28 — 31 августа 1914 г.); 4) отступление V французской армии ген. Лангезака из Бельгии в августе 1914 г.; 5) отступление XVI советской армии из-под Варшавы (12 — 28 августа 1920 г.); 6) отступление прусской армии после Иены в 1806 г..

ОТСТУПЛЕНИЕ АВСТРИЙЦЕВ ИЗ-ПОД КЕНИГГРЕЦА В 1866 ГОДА

Беспорядок после проигранного сражения под Кениггрецом начался в австрийских рядах во время отступления с поля боя IV корпуса и достиг самого высокого напряжения, когда *вся австрийская армия* вышла из сферы неприятельских действий и стала отходить на Кениггрец. В официальном труде австрийского Генерального Штаба мы читаем: „Армия совершенно дезорганизуется, что отражается и на частях, которые в начале отхода с поля битвы шли в порядке. Поток людей, лошадей и повозок не находил себе выхода, так как на расстоянии одного часа марша окрестности Кениггреца были залиты водою, и движение могло совершаться только по дорогам и гатям, а они были завалены проходящими обозами и попорчены уже ранее проходившими. Кроме того, ворота крепости по приказу главнокомандующего в течение долгого времени были закрыты, и отступавшая масса должна была искать кружные дороги, проходившие по залитой местности. Отход на этом тесном пространстве принес армии больше вреда, чем самое сражение; части расползлись, множество повозок, орудий и запасов было брошено на залитых полях и в канавах“.[1] Саксонское донесение еще добавляет: „Во рвы сбрасывали и всадников и повозки с ранеными; напиравшая масса не давала возможности выбраться из лабиринта затопленных мест. Многие старались пройти через палисады, каменные стены и крепостные валы или пере-

[1] Путилов, „1866 год. Австрия и ее союзники в войне против Пруссии и Италии“. Петербург. 1889 г, часть I, стр. 396 и 397. Из этого труда я взял только одну цитату из официального труда австрийского Генерального Штаба.

плыть каналы и Эльбу. Многим это удалось, многие, однако, утонули". [1]

Моральное состояние армии понизилось до такой степени, что целые батальоны покидали позиции от одного только вида прусских гусар, а бригада ген. Гогендорфа отступила по его приказу только потому, что на занимаемое ею пространство упало несколько гранат. Если армия Бенедека вечером после Кениггреца не перешла в форменное бегство, то лишь потому, что измученный боем старый Мольтке не организовал целевого и энергичного преследования; кроме того, армия нашла опору в виде крепости Кениггрец, надеясь на нее как на верное и самое лучшее укрытие.

ОТСТУПЛЕНИЕ РУССКИХ ИЗ-ПОД МУКДЕНА В 1905 ГОДУ

Отступление русских армий из-под Мукдена в первых числах марта 1905 г. является, быть может, наиболее типичным примером бегства целой армии.

Мукденский бой, начавшийся 19 февраля и окончившийся 9 марта, в сущности Куропаткиным проигран не был. В его распоряжении находилась еще почти не тронутая III армия ген. Бильдерлинга, т. е. серединная армия, а его левое крыло, I армия Линевича потерпела незначительно и удержала свои позиции. Однако, Куропаткин не смог ничего сделать с японской армией ген. Ноги, обходившей его левый фланг и угрожавшей тылам. Несчастьем для Куропаткина, впрочем по его вине, было то, что II армией, старавшейся преградить японцам дорогу, командовал столь неудачный человек, как ген. Каульбарс. Кроме того, сам ген. Куропаткин, привыкший в Туркестане вести боевые действия относительно небольшими силами, не умел маневрировать современными большими армиями, в силу чего, когда ему не удалось задержать наступление Ноги, он предпочел отступить на север. Это именно отступление, перешедшее в конце в бегство двух целых армий, [2] стоило значительно дороже, чем продолжавшиеся в течение многих дней бои к югу от Мукдена.

Угроза, произведенная армией ген. Ноги, повисшей над тыловыми дорогами русских армий, принудила отступавшие части,

---

[1] Путилов, „1866 год. Австрия и ее союзники в войне против Пруссии и Италии", Петербург, 1889 г., часть II, стр. 130.

[2] I армия отступала в относительном порядке и не была никем тревожима.

Схема VIII.

прежде всего, конечно, правофланговые, к невольному уклонению на восток и переходу со своих ближайших дорог отступления на соседние дороги. В виду общего стремления к скорейшему переходу опасного пространства, отличная Мандаринская дорога притянула к себе всех. Весьма запоздалые приказы об отходе обозов привели к их перемешиванию с отступающими частями.[1] Очевидно, что о регулярном продовольствии частей не могло быть и речи. Все неудержимо стремились на север, спешили выйти из-под японского огня, как можно скорее дойти до какого-то рубежа, на котором можно было бы остановиться, выспаться и отдохнуть; физически измученные части быстро падали духом, и грозная вооруженная сила обращалась в неорганизованную толпу, в которой так легко находит путь самая страшная паника. Руководство, конечно, прекратилось; однако, отдельные командиры безнадежно пытались восстановить порядок и упорядочить движение. Потеряв связь со своими частями, они пытались повлиять на чужие части, и этим, быть может, объясняется бесполезность их усилий. В этих, однако, попытках только и заключается известное отклонение в картине отступления из-под Мукдена от ранее изображенной картины бегства целой армии.

Прежде всего день за днем я приведу извлечения из описаний отступления из-под Мукдена, одного из ужаснейших эпизодов из истории русской армии. Не проработанный и практически не использованный самими участниками материал, может быть, обратит внимание тех, которые не принимали и не могли принять в этом отступлении непосредственного участия.

9 марта около 11 часов утра в районе расположения частей ген. Левестама и в окрестностях Фулина произошла буря, поднявшая тучи пыли (тайфун), при чем направление ветра было благоприятно для японцев. В это время по прибрежной дороге, шедшей вдоль реки Хун-хе, тянулись обозы,

---

[1] Приказ об отступлении в глубокий тыл разного рода обозов и заведений был отдан главнокомандующим еще 5 марта, однако, II армия начала его выполнять только 9 марта, т. е. в первый день общего отступления („Русско-японская война" 1904—1905 г., т. V, стр. 130 и 131). Что же касается III армии, то назначение ей дорог отхода подверглось впоследствии изменению как в силу распоряжений свыше, так и по причине изменившейся боевой обстановки.

сгрудившиеся у дер. Киу-сан. „Не взирая на всяческие усилия никак не удавалось очистить от обозов дер. Киу-сан: с запада все подходили массы повозок разных частей и учреждений“. [1] Одновременно вошел в деревню хвост колонны Иркутского полка, продвигавшегося к дер. Та-ва. Так как дорога через деревню была до отказа заполнена обозами, полк повернул на север и шел далее окраиной деревни. В этот промежуток времени 7-я и 9-я роты Барнаульского полка заняли дер. Киу-сан. Едва только они успели устроиться, как неприятель стал обстреливать деревню артиллерийским огнем, и к ней начали приближаться неприятельские стрелковые цепи. Это было начало известного прорыва японцев под Киу-сан, который, хотя и был выполнен незначительными силами, произвел, однако, громадное впечатление на моральное состояние как отступающих частей, так и их командиров. После первых выстрелов находящиеся в Киу-сан обозы в полном беспорядке бросились бежать частью на север дорогой к дер. Хуан киакоу, частью на восток к дер. Таин-тын; они врезались в колонны Иркутского полка, начавшие также в беспорядке отступать на север. Возникла страшная паника. Из всей колонны удалось собрать только около роты из состава Иркутского полка и сапер. [2]

Между тем, одновременно с необходимостью прикрыть жел.-дор. линию с запада, положение к востоку от нее принимало все менее благоприятный оборот, т. к. против участка Пу-хе — Та-ва развертывались значительные неприятельские силы, появившиеся в окрестностях деревень Цау-киа-коу — Куан-киакоу.

Под Та-ва в это время находились части ген. Дембовского, а в самой деревне собралось громадное количество повозок. Около часа пополудни японская батарея с позиции к востоку от Цау-киа-коу стала обстреливать этот район, и ее снаряды стали падать в центр наибольшего нагромождения обозов. Было видно, что батарея состояла из небольшого количества орудий, и ее огонь вовсе не отличался меткостью, но и этого оказалось достаточно, чтобы в обозах *возникла колоссальная паника.* Обозы съезжали с дороги, в беспорядке поворачи-

---

[1] „Журнал боевых действий Барнаульского полка“ („Дело Военно-ученого архива“, № 41771, стр. 111).

[2] Рапорт ген. Левестама („Русско-японская война 1904 — 1905 г.“, т. V, стр. 95).

вали на запад, парковые ящики силой прокладывали себе дорогу, переворачивая более легкие запряжки. Выдвинутый к Та-ва арьергард ген. Орлова не выдержал и принял участие в общем отступлении и, вместо того, чтобы итти на Та-ва, стал отходить в северо-западном направлении.

В 4-ом часу пополудни японские цепи появились к юго-востоку от дер. Фан-киа-тун; окрестности же к югу от дер. Куер-тун были залиты потоком отходивших обозов и перемешавшихся русских частей.

„На гребне возвышенности на Мандаринской дороге к югу от Та-ва,— пишет ген. Мылов,— появилась какая-то движущаяся масса. Казалось, что это двигаются обозы с сильным прикрытием; моментами ясно вырисовывались повозки, моментами они закрывались людьми, шедшими пешком. Над высотой стали появляться белые облачки, а на склоне высоты — разрываться гранаты. Неопределенная движущаяся масса стала быстро вырастать, выявляясь первоначально в виде стрелковых цепей, а затем в виде толпы перемешанных в беспорядке частей. Время от времени в толпе были видны офицеры. Никто не знал, где его часть. У знамен не было почетных ассистентов. Едва только эти части отброшенные японским огнем с Мандаринской дороги, появились на гребнях высот за дер. Куер-тун, как гребни были тотчас осыпаны с запада и востока сначала гранатами, а затем шрапнелями“.[1]

Около этого же времени японцы овладели дер. Та-ва, в виду чего селению Куер-тун, где собралось столько бегущих, стала грозить опасность и с востока.

Перед вечером 9 марта главнокомандующий уехал поездом на станцию Синтайдзы. В яркоосвещенном поезде были спущены занавески. Лишь только внимательный глаз отступавшего солдата мог у одной из них заметить известную ему фигуру Куропаткина. Он приоткрыл занавеску и упорно всматривался в картину отступления своей армии. При виде поезда многие солдаты старались проникнуть в него или хотя-бы как-нибудь к нему прицепиться. Многие из них свалились. Вдоль железнодорожного полотна без конца двигались обозы и рядовые разных частей. У переправ, переездов через жел.-дор. насыпь и всяких теснин собирались толпы людей и повозок, и всякий

[1] Описание боевых действий арьергарда ген. Мылова 25 — 26 февраля 1905 г. („Военный сборник“, 1906 г. № 6, стр. 66).

порядок окончательно рушился. Что в это время думал Куропаткин, этого никто знать не может, но он не мог не заметить всего ужаса этого памятного отступления.

Пришло 10 марта. Вдоль полотна железной дороги продолжала тянуться широкая беспорядочная колонна частей и обозов, отходившая на север. Артиллерия, в особенности парки, встречая трудности или препятствия, силой прокладывали себе дорогу, переворачивали повозки, вызывая смятение в отступавшей толпе.

Между 4-5 часами утра среди обозов VI сибирского корпуса, двигавшихся между деревнями Па-киа-дцы и Хо-хуан-те, раздались крики, что вблизи появилась японская кавалерия. Все бросились вперед, обгоняя друг друга, скучиваясь и сваливая друг друга с ног. Постепенно наступило успокоение. Но около 6 часов утра повторилось то же самое, с еще более тяжелыми последствиями — много повозок свалилось в овраги, прислуга двух батарей отрезала постромки и полетела вперед. Рассвет захватил боевые обозы этого корпуса частью под Ку-ю-фином, в большей же части под Гау-лином. Неприятель открыл по Гау-лину артиллерийский огонь, а под Ки-ю-фином раздался также ружейный огонь. Тогда масса столпившихся обозов, желая выйти из сферы огня, свернула на запад. Двигались уже без дорог, опрокидывая и бросая повозки. Колонны корпусных обозов понесли тяжелые потери в людях, лошадях и повозках; преследуемые артиллерийским огнем, они доходили до Мандаринской дороги, вливаясь там в медленно плывший поток обозов других корпусов. *Наиболее склонными к проявлению паники оказались артиллерийские парки.* Причины этого явления следует искать в чересчур малом количестве офицеров, в формировании их почти целиком из запасных, наконец, в большой глубине походных колонн парков. Обоз самого штаба VI сибирского корпуса попал в руки японцев. С ним вместе достались японцам и важные бумаги командира корпуса ген. Соболева, а также и его дневник.

Целые толпы отбившихся от своих частей солдат, вместе с парками и обозами, вливались в ряды частей, которые еще сохранили полный порядок, быстро превращая их из сколоченных частей в какие-то неорганизованные массы, легко доступные панике. Так, например, в районе дер. Ва-дзы-е по очереди один за другим подверглись разложению Великолуцкий,

Самарский, 17-й и 18-й стрелковые полки, части 25-ой пех. дивизии и группы Церпицкого, Топорника и Леша.[1] Интересно, что толпа, дезорганизовавшая упомянутые стрелковые полки, двигалась в южном направлении, т. е. обратном общему движению. Так как севернее деревня Ва-дзы-е движение происходило под перекрестным огнем японцев, то общий беспорядок еще более увеличился. Части окончательно расстроились и вышли из подчинения командиров. Далее они отходили уже только общей массой, состоявшей из остатков частей и обозов.

В овраге под Син-киа-коу части I корпуса, а также IV и VI сибирских корпусов перемешались в одну массу вместе с парками и обозами. Этот овраг, полностью заваленный китайскими арбами, убитыми лошадьми, выброшенными снарядами и поломанными повозками, так же, как и возвышенность к северо-востоку от Син-киа-коу с перевернутыми артиллерийскими ящиками и парковыми повозками, выразительно указывали на громадную панику, происшедшую на этом месте.[2]

Около 6 — 6½ часов вечера в обозах, столпившихся у оврага Пу-хе вблизи дер. Тун-чан-дзы — Ман-киа-тун снова раздались крики, что будто бы показался неприятель, крики, вызвавшие уже в этот день панику. Все, успевшие уже переправиться через этот овраг, бросились к северу и северо востоку, а попытки обозов, находившихся на южном берегу, переправиться на другую сторону, привели к закупорке оврага поломанными повозками и ящиками. Между 10 и 11 часами вечера случилось то же среди обозов, дошедших до ст. Син-тай-дзы и расположившихся тут на ночлег.[3]

В течение всей ночи на 11 число части II и III армий двигались на север. Жел.-дор. путь и идущие рядом с ним дороги были заняты бесконечной колонной людей и повозок, бредущих в направлении Телина. Туда также направились некоторые части и обозы I армии. Отступавшие части не шли организованными колоннами в общепринятом значении этого слова. Смешение всего было естественным результатом того, что части и обозы останавливались, меняли направление, отдыхали и двигались вперед *по собственной инициативе.* Поддержание порядка было в высшей степени затруднено вслед-

---

[1] Последнему едва удалось пробиться на север с небольшими частицами своей группы.

[2] „Русско-японская война 1904 — 1905", т. V, стр. 203.

[3] „Русско-японская война 1904 — 1905", т. V, ч. II, стр. 26,

ствие громадных потерь в офицерском составе. Во многих частях не хватало офицеров на должностях батальонных командиров. Движение вперед значительно задерживалось встречавшимися часто переправами через реки и овраги. В особенности была трудна переправа через Пухе, на которой находился только один железнодорожный мост. Естественно, эта переправа явилась той точкой, к которой сразу устремилась вся масса частей и повозок.

„В дер. Ху-сан-тун,—читаем в реляции II армии,—находилось много людей, отбившихся от своих частей, греющихся у костров и готовящих чай. На ст. Ху-ши-тай образовался большой бивак пехоты, артиллерии и обозов. На переправе под Хо-куан-тай никто не заботился о регулировании движения, и не было никого, кто мог бы направить обозы, парки и артиллерию к другим переправам. Отступавшие проталкивались к одному мосту и вступали в драку с обслуживающими узкоколейку, но никому не пришло в голову пройти на полверсты в сторону, где были два проезда. То же повторилось и у Туван-дзы. В Син-че-пу вели через реку только один мост и два брода, но к ним не были приготовлены съезды. Весь южный берег реки был завален парками, санитарными повозками, китайскими арбами. Как и в иных местах, и здесь не было ничего предпринято, чтобы ввести при переправе некоторый порядок. В реке валялись повозки и павшие лошади. Переправившиеся на противоположный берег останавливались у выезда с моста для корма лошадей“, [1] что еще более затрудняло переправу. Во многих местах *возникала паника*, когда распространялся слух о появлении японской кавалерии.

В том состоянии, в каком 11 марта утром находилось большинство частей II и III армий, они не были уже боевой силой, способной к отражению значительного неприятельского напора, хотя III армия в сражении под Мукденом принимала весьма слабое участие. Ее боеспособность уничтожили, повидимому, не бои, а условия, в которых происходил отход на север, „бегство“ двух армий, полное беспорядка и частых вспышек паники.

К 3 часам пополудни 11 марта все громадное поле к югу от жел.-дор. станции Телин по восточную сторону полотна покрылось массой солдат разных частей и обозов. Несмотря

---

[1] „Дело Военно-ученого архива“, № 34888, стр. 317—318.

на принятие всяческих мер с целью установления порядка и организации этой огромной массы, часть солдат, отдохнувши и поевши, группами и поодиночке двинулась на север.

Во всяком случае под Телином окончился этот трагический отход, являвшийся эпилогом Мукденского сражения.

Еще несколько слов я посвящу вопросу: в какой мере командиры сумели во время отступления удержать в своих руках руководство частями. Большинство командиров находилось на месте, на территории отступательного движения; однако, восстановить порядок они не были в состоянии.

Во время паники под дер. Киу-сан офицер ординарец ген. Левестама, подпоручик Котов-Коношенко кинулся к отступающим, желая восстановить порядок. Однако, из всего Иркутского и двух рот Барнаульского полка он успел собрать только одну роту, с которой и занял редут у дер. Хуан-киа-пу. Полковник Леш потерял управление своей группой у дер. Ва-дзы-е в тот момент, когда группа попала в поток обозов и солдат других частей. На глазах командующего III армией ген. Бильдерлинга, находившегося у дер. Ю-лин-пу, стал таять арьергард ген. Орлова, смешавшись с идущими в том же направлении солдатами III армии и с массой обозов. „Усилия офицеров штаба армии и штаба 3-ей пех. дивизии, — читаем мы в описании действий III армии, — с целью остановить людей и создать из них части временного характера, были совершенно напрасны, несмотря на то, что ген. Бильдерлинг дал в их распоряжение драгун своего конвоя. Офицеров не было почти видно.[1] У дер. Та-ва начальник штаба V сибирского корпуса ген. Ставрович и офицеры его штаба с несколько большим успехом собирали отступавших, создавали из них части и отправляли на позиции. Однако, оказалось, что и эти усилия были напрасны; никакого резерва, как они себе представляли, им не удалось создать, так как в большинстве случаев свежесобранные части вновь поглощала прущая на север, т. е. им навстречу, масса. Также не имели никаких результатов усилия штаба V сибирского корпуса навести порядок в растянувшихся обозах. Когда 10 марта около 12 часов дня части командира I корпуса барона Мейендорфа вышли всей своей массой между деревнями Та-ва и Сон-ва на Мандаринскую дорогу, то как

[1] „Описание действий III армии", ст. 55 („Дело Военно-ученого архива", № 34759, ч. II).

командир корпуса, так и офицеры его штаба прилагали всяческие усилия, чтобы собрать части и привести их в какой-либо порядок. Им удалось задержать едва только несколько сот рядовых из состава Новочеркасского и Каспийского полков. Остальные утонули в общем потоке и пошли на север.[1] Инспектор госпиталей III армии, т. е. человек, занимавший высокое положение, поплатился жизнью за попытку восстановить порядок в одном из санитарных поездов".

Итак, мы можем смело сказать, что части, по крайней мере, II и III русских армий во время отступления вышли из подчинения своих командиров, а, следовательно, пример Мукдена не является исключением в ряду исторических примеров, иллюстрирующих „бегство целых армий".

ОТСТУПЛЕНИЕ I РУССКОЙ АРМИИ В СЕНТЯБРЕ 1914 ГОДА

Отступление I русской армии ген. Ренненкампфа из Восточной Пруссии в сентябре 1914 года напоминает отступление из-под Мукдена, но с добавлениим одной характерной черты, которую вызвали не случай, не условия и не воля неприятеля, а само командование этой армией.

Я слышал много рассказов об этом тяжелом отступлении, стоившем ген. Ренненкампфу много больше, чем все предыдущее наступление вглубь Восточной Пруссии, но, когда пришлось приступить к наброску картины этого „бегства целой армии", я нашел только один печатный источник, а именно труд участника этих происшествий, командира 29-ой русской дивизии, генерала Розеншильд-Паулина. С болью рассказывает он о всем, что видел во время отступления из Восточной Пруссии; эта боль усиливает впечатление от его повествования.

Вечером 7 сентября, неделю спустя после разгрома ген. Самсонова, части I русской армии занимали позицию на реках Дейма, Луна, Омет и на линии Грюнхейм — Норденборк — озеро Майер — Лек. 9 сентября выяснилось, что неприятель перешел в наступление и постепенно начал глубокий обход левого фланга армии. „Отдавая себе отчет в угрожающем катастрофой положении, создающемся на этом фланге", Ренненкампф отдает в полдень 9 сентября приказ об отходе.

[1] „Русско-японская война 1904 — 1905 г.", т. V, стр. 95, 161, 188 и 204.

Очередные успехи немцев создают уже угрозу не только левофланговым корпусам, но и всей I русской армии, так как удар Гинденбурга направлен против ее тылов, связи с Неманом и оперативной базой. Приходилось поспешно отступать к русской границе, ведя кровопролитные бои в тяжелых условиях, вызванных упорно продолжающимся обходом левого фланга армии. 12 сентября отступление 2-ой гвард. кав. дивизии ген. Райха к м. Вержболово открывает дорогу 8-ой немецкой кав. дивизии. Эта дивизия выходит на тылы русских колонн и обозов, внося замешательство и панику.

Поспешно отступая к Неману, I русская армия только 15 сентября выходит из-под ударов неприятеля и останавливается к западу от Немана на линии Средники — Пильвишки — Мариамполь — Людвинов, а в ночь на 19 сентября, по приказу нового командующего фронтом ген. Рузского, переходит на правый берег этой реки.

Командир 29-ой русской дивизии так описывает один из дней этого мучительного и кровопролитного отступления.

„13 сентября около 5 часов утра штаб дивизии во главе своих частей подошел к ковенскому шоссе у дер. Обрыв (7 верст к востоку от Вержболово). Здесь перед нами открылась отвратительная картина. Шоссе, начиная от Вержболово и, как потом выяснилось, вплоть до Вилковышек, было забито чудовищными рядами повозок разных обозов, перемешавшихся между собою, которые, сцепившись колесами, не могли двинуться вперед. Все окрестные деревни были до невозможности переполнены спящими людьми разных частей. Все перемешалось, командиров вообще не было видно. Вдоль шоссе горели костры, готовили пищу, кормили лошадей и спали непробудным сном чиновники, врачи, священники, все, что ездят в обозах. Никто не только не думал ни о чем, но и не помогал тем, в ком пробуждалась инициатива". Тем временем немцы обходили с юга, угрожая наступлением во фланг и окружением. Создавалось особо тяжелое положение".

„Командир дивизии, подъехав к ферме, находившейся вблизи шоссе, приказал сотне казаков, приданных дивизии, немедленно очистить ферму, распределить рядовых по их частям, а обозных погнать к их повозкам, сами же обозы гнать вперед, не позволяя им останавливаться. Несколько минут после отдачи этого приказа со стороны Вержболово раздались артиллерийские выстрелы, и над шоссе и ближайшими фермами начали

рваться шрапнели. *Возникла огромная паника.* Как из-под земли выросла плотная масса каких-то частей, которая непрерывной лавиной двигалась вдоль южного края шоссе в направлении на восток. Обозные рядовые выпрягали лошадей и, усевшись на них верхом, летели в карьер в том же направлении, крича и давя людей. Не было почти ни одного человека, который не поддался бы влиянию этой *стихии*".

„В виду этого командир дивизии решил немедленно восстановить порядок. Послав своей артиллерии, находящейся еще далеко позади, приказ об открытии огня по Вержболово, он вместе с офицерами своего штаба и конными разведчиками бросился на встречу бегущим, останавливал их, создавал роты и направлял их под командой офицеров штаба к ближайшим местным предметам, приказывая их занять. Встретив среди бегущих роту 114 Новоторжского полка,[1] он повернул ее обратно и приказал с песнями двинуться вперед. Не прошло даже и получаса от начала паники, как порядок был восстановлен, а обозы нагайками двинуты вперед. Однако же, очистка шоссе от обозов продолжалась до самой полуночи. Только тогда, оставив в арьергарде 114-й Новоторжский полк, командир дивизии направился в Вылковыск. Было необходимо повидаться с командиром корпуса, который, как выяснилось, находился здесь же. В Вылковыске все спали, как мертвые. Однако, удалось получить указание, что дивизии надлежит двигаться не на Ковно, как-то было предусмотрено ранее, а на Мариамполь".

„После короткого привала на шоссе, мы тронулись далее и около 2 часов пополудни прибыли в Мариамполь, *подвергшись в дороге еще одной панике*, случившейся в 5 верстах, не доходя города".[2]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ОБ ОТСТУПЛЕНИИ I РУССКОЙ АРМИИ

Если взвесить все условия отхода и извлечь соответствующие выводы из труда ген. Розеншильд-Паулина, то можно притти к убеждению, что отход I русской армии из Восточной Пруссии происходил в таких же условиях и носил тот же

---

[1] Из состава дивизии ген. Розеншильд-Паулина.

[2] „Военный сборник", „29 я пех. дивизия в первый поход в Восточную Пруссию"; кн. 8, стр. 241 и 242.

отпечаток, какие мы встречаем при „бегстве“ других армий. А именно:

1) неприятель угрожал тыловым путям сообщения и уже сильно напирал на один из флангов (в данном случае на левый);

2) отступавшие части должны были как можно скорее пройти полосу, грозившую им опасностью окружения или возможностью быть отрезанными от базы;

3) в виду поспешности отхода и при неустранимом отставании обозов части догоняли обозы и сливались с ними в одну хаотическую массу;

4) отдельные колонны, уклоняясь от ударов неприятеля, переходили на дороги других колонн, вызывая скрещивания, что задерживало отход и еще более увеличивало и без того уже большой беспорядок;

5) поспешность отхода, угроза быть отрезанными, физическое переутомление, упадок духа, обычный при отступлении, понимаемом большинством людей, как неудача; наконец, недостаточное питание создавали среди частей и в особенности среди обозов, непривыкших быть в непосредственной опасности, такое настроение, что вспышки паники были явлением неизбежным.

К этим общим условиям присоединялось еще, как я о том уже говорил, поведение командования армией, которое также было повинно в создании общей дезорганизации.

„Боязнь окружения, вызванная катастрофой Самсонова, угнетающе повлияла на высших командиров, — пишет ген. Головин.[1] — 12 сентября в 5 час. 30 мин. пополудни ген. Ренненкампф отдает приказ о дальнейшем отходе армии к Неману, а сам вместе со штабом уезжает в Ковно. „Военная ограниченность командующего армией выступила со всей силой, — писал в 1915 году военный министр Поливанов, — она выразилась в неумении ориентироваться, т. е. в *панике*, и по всей России распространилась весть: „Ренненкампф бросил армию и удрал“.[2] Того же 12 сентября в 7 час. 20 мин. ве-

---

[1] „Из истории кампании 1914 г. на русском фронте“, стр. 299: „бросался на своем автомобиле во все стороны, *боясь участи Самсонова*; покинул свою армию и удрал в Ковно“, — писал о Ренненкампфе один из подчиненных ему генералов (из письма Сухомлинова к Янушкевичу с датой 2 сентября (старого стиля) 1914 г., „Красный архив“, т I, стр. 239).

[2] Головин, стр. 405.

чера ген. Жилинский послал в Ставку свою известную телеграмму: „Я приказал отойти в течение одного дня похода на линию Тракены-Кеттенау. Корпуса III и XXVI отошли туда. Остальные три корпуса, среди которых II и XX, являясь прикрывающими с южной стороны, отступали с боем. Но Ренненкампф, совершенно утратив власть над собою, потерял с ними всякую связь. На мой вопрос, даны ли им указания в отношении отхода, я получил от штаба ответ, что указаний не дано... Ренненкампф удрал немедля в Вилковышки, оборвав со мною телеграфную связь. Прямо говоря, его охватила паника, и руководить армией он не в состоянии“. [1]

Телеграмма ген. Жилинского и ее стиль произвели угнетающее впечатление на Ставку, но она не содержала в себе ни фальши ни преувеличения. Руководство войсковыми соединениями со стороны командующего армией и его штаба по существу прекратилось 12 сентября и вновь было взято в руки только 15 сентября. Вследствие этого ген. Янушкевич, посланный в Ковно, чтобы там решить судьбу Ренненкампфа, не был прав, поверив Ренненкампфу и дав о нем совершенно благоприятный отзыв. „Он утверждает, — писал впоследствии Янушкевич Сухомлинову, — что корпуса отходят в порядке, кроме II, который ввязался в кровопролитный бой. Утверждает, что имеет с корпусами связь при посредстве своих офицеров ген. штаба.“ [2] В действительности же связь Ренненкампфа и его штаба с частями левого фланга, т. е. с теми, которые находясь в угрожаемом положении, более всего нуждались в руководстве с верху, была потеряна уже 11 сентября, когда ген. Ренненкампф, лишив должности своего начальника штаба ген. Милеанта, выехал в Выстуц. Отсутствие этой подробности является единственной ошибкой телеграммы ген. Жилинского.

„Действительно, частей, находящихся на позициях, я не расспрашивал“, признается ген. Янушкевич. Если бы он это сделал, быть может, его суждение было бы иным, и судьба Ренненкампфа решилась бы до ошибок под Вышегродом и Ловичем. По крайней мере, вот, что сказал бы Янушкевичу командир 29-ой пехотной дивизии: „Отступление войск нашей I армии, происходившее непосредственно севернее Роминской пущи и которое я лично наблюдал, происходило в хаотическом беспо-

---

[1] „Воспоминания Поливанова“, Москва, 1924 г., стр. 179.

[2] Письмо Янушкевича к Сухомлинову (без даты), „Красный архив“, I, стр. 237.

рядке, возникшем только потому, что высшее командование и их штабы, забывши о своей непосредственной обязанности взять в свои руки крепкое управление этими трудными действиями, *уехали в тыл и оставили войска без необходимого руководства.* В частности „ни 29-я ни 28-я дивизии не получили от своего командира корпуса (ген. Смирнова) никаких указаний относительно отступательного марша; попросту говоря, они были оставлены на произвол судьбы“. [1] Командир 29-ой дивизии говорит о тех войсковых единицах, которые находились севернее Роминской пущи, но, ведь, до вечера 11 сентября русские силы находились и южнее этой пущи, а именно большая часть кавалерии армии и конный корпус хана-Нахичеванского, человека, который нуждался в особом и постоянном руководстве. Ведь, вечером 4 сентября, в день сражения под Столупянами, Ренненкампф сделал ему замечание за то, что он не оказал никакой помощи XX корпусу; ведь, накануне боя под Гомбином (6 августа) командир I армии опять подчеркивал неправильность действий хана-Нахичеванского и, убедившись в полной неспособности этого вождя кавалерийских масс, стал посылать ему не обычные директивы, а совершенно конкретные приказы; ведь это был тот самый хан-Нахичеванский, который во время боев под Гомбином, несмотря на приказы Ренненкампфа, не сумел или позабыл осветить, занимают ли немцы лес Тзулькинен, и оставил в руках неприятеля эту „полезную маску“, которой противник также не сумел воспользоваться, сначала для обхода, а затем и разгрома правого русского фланга. Если бы Ренненкампф не покинул руководства, быть может, ген. Раух не ушел бы окончательно от Роминской пущи, а хан-Нахичеванский — в район дер. Милькамен; быть может, и один и другой не искали бы прикрытия у пехоты, а облегчили бы ее тяжелое положение, прикрывая левый фланг и тыл своей армии.

Нет! Ген. Янушкевич должен был безусловно произвести обследование и среди „частей на позициях“, т. е. среди линейных командиров. Тогда он мог бы убедиться, что руководство I армией прервалось в наиболее критическое время, и это по собственной воле командующего армией, который, несомненно, подвергся паническому настроению, вызванному трагическим концом соседа — ген. Самсонова.

---

[1] Розеншильд-Паулин, стр. 245.

ОТСТУПЛЕНИЕ V ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ В АВГУСТЕ 1914 ГОДА

Как известно, начало войны 1914—1918 г. принесло Франции тяжелые неудачи. Первоначально (1—7 августа) I и II французские армии вели наступление в Эльзасе и Лотарингии; армии проявляли много мужества, было много героических дел; однако, значительных результатов достигнуто не было; после местных успехов наступление замерло.

8 августа III и IV французские армии входят в Бельгию, входят с завязанными глазами в лесистые и пересеченные Ардены, неожиданно встречают немцев, в колоннах попадают под артиллерийский огонь и в беспорядке отступают. V французская армия спешит к Самбре, с целью принять участие в этом преждевременном наступлении; однако, на переправах ее предупреждает II германская армия и наносит тяжелое поражение. Угрожаемая с тыла III германской армией, V французская в беспорядке отходит к югу. На севере, т. е. влево от V армии, англичане, напираемые I германской армией, уходят, не оказывая сопротивления.

11 августа общее положение выглядит таким образом, что правый фланг французов после неудачного наступления переходит к пассивной обороне, а середина и левый фланг после тяжелых неудач всем фронтом отступают к югу.

Германские армии, опьяненные победой в этом так называемом пограничном сражении, медленно, но упорно преследуют своего противника. Французы еще раз пробуют свои силы в упорных арьергардных боях, но оказывается, что ничто уже не в состоянии остановить „железных армий“, возбужденных победой. [1]

В течение этих тяжелых для Франции дней, предшествовавших победе на Марне, состояние отступающих французских армий близко напоминает все то, что мы видели в приведенных ранее примерах.

---

[1] 13 августа под Сан-Кентен II германская армия вновь сталкивается с V французской, и только вследствие того, что первой не была оказана помощь, немецкие армии не наносят нового поражения.

14 августа французы оказывали упорное сопротивление IV и V германским армиям; однако, в конце концов должны были отступить.

„От 1 до 5 сентября“, — пишет командующий V армией ген. Ланрезак, — армия, во избежание клещей неприятеля, обходившего ее с левого фланга, вынуждена была отходить днем и ночью, в то время, как ее арьергард с утра до вечера сражался с немецкими авангардами“.

Условия похода были крайне тяжелые.

Жара стояла невыносимая. Гражданские беженцы стали уже менее многочисленны, так как в течение тех 3 дней успели отойти дальше, когда армия останавливалась в окрестностях Гюиза. Зато в настоящее время с частями перемешалось некоторое количество солдат, покинувших свои знамена. Одни из них утверждают, что они заблудились, другие говорят, что больны и не могут итти. Беглецы [1] эти имеют жалкий вид. Проявляя удивительную сообразительность, чтобы избежать жандармов (обремененных, впрочем, работой), они, неизвестно, каким способом, успевали обгонять на один, два перехода боевые колонны, хотя эти последние ежедневно проходили значительные расстояния. Создавая небольшие группы, питаясь при помощи грабежа, они сеяли страх среди населения своими лживыми рассказами. Наказания не в состоянии искоренить зло, поскольку оно приняло уже чрезвычайно большие размеры, прежде чем было решено поступать со всею суровостью.

Так как движение армии происходило преимущественно ночью, части постоянно теряли дорогу и сталкивались с соседними частями, увеличивая тем затруднения. Среди разных тыловых элементов, у которых уже в начале отступления не хватало порядка, беспорядок увеличивался еще более тем, что штабы, не зная, как прибрать их к рукам, сами не в состоянии были урегулировать их движения с какой-либо точностью. Частые остановки этих групп задерживали движение боевых колонн, следствием чего было то, что части, постоянно опаздывая, почти круглые сутки находились на ногах; лишенные сна и регулярного питания, они несли работу, превышающую человеческие силы. Люди, оставшиеся в рядах, [2] хотя и доходили до последней степени изнурения, все же двигались вперед с удивительной выносливостью. Но запряжки, в особенности в артиллерийских парках, теряли некоторую часть повозок

[1] Большинство из них не заслуживает иного слова (Ланрезак).

[2] В общем значительная часть (Ланрезак).

и даже орудий, которые оставшиеся лошади не в силах были втащить на плоскогорие, находившееся к югу от Марны. [1]

Следовательно, V французской армии, так же как армиям Куропаткина и Ренненкампфа, угрожал удар не только с фронта, но и с фланга; ее части вначале также попали в толпы уходивших местных жителей, а затем — в поток беглецов разных частей; вся армия также поспешно отходила и в 6 дней (с 30 августа до 5 сентября исключительно) прошла до 200 километров. Армия шла день и ночь, без ночлегов, без отдыха, нерегулярно питаясь. Люди, подобно армиям Куропаткина и Ренненкампфа, доходили до крайнего утомления и изнурения, теряли лошадей, бросали повозки, не могли вывезти многих орудий. Однако же, судя по приведенному отрывку, в армии Ланрезака остался еще „дух“ военного организма — известная дисциплинированность. Командиры, за некоторыми исключениями, о которых говорит Ланрезак в других местах своего труда, не выпустили частей из своих рук и так же, как прежде, управляли и командовали ими.

Зато ген. Ланрезак подчеркивает падение дисциплины и, как следствие этого, самовольное оставление строя, скидывание предметов снаряжения, уход в поисках продовольствия и вина. Тающие части выходят из рук командиров, начиная с ближайших; настроение падает, и в армии начинается дезорганизация.

„Дисциплина заставляет желать многого,— пишет Ланрезак.— Ослабление дициплины обозначается уже во время похода и на стоянках.

На походе часть людей, изнуренных августовским тягостным зноем 1914 г., останавливается без разрешения под предлогом утомления; а потом их находят в разных закоулках за рюмкой; другие, говоря, что они чересчур обременены ношей, бросают части снаряжения, запасы продовольствия и проч., так что из всего того, что брошено по дороге, по которой идет наша колонна, смело можно бы было открыть базар. Во время остановок эти же люди, несмотря на их утомление и наперекор повторяющимся приказам, двигаются дальше в поисках вина и продовольствия. Унтер-офицеры и даже офицеры не реагируют на все это с достаточной строгостью, так как чувствуют

[1] Lanrezac, „Le plan de campagne français et le premier mois de la guerre“, Paris, 1920, стр. 253, 254, 255.

себя бессильными в отношении людей, недостаточно проникнутых чувством дисциплины. Зло приняло такие размеры, что командиры без колебания потребовали восстановления декрета о полевых судах, изданного в 1871 г. правительством национальной обороны. Правительство 1914 года считало без сомнения применение этого средства опасным, так как отвергло его и даже официально запретило применение наказаний (Инструкция военного министра Мессимы)." [1]

„Видевшим расстройство этих колонн, — читаем в труде ген. Паля, — которые скучивались и пробирались по дорогам, не имея тылового охранения, казалось, что немцам достаточно было отпустить поводья лошадям их кавалерии, чтобы отступление обратилось в непоправимое поражение".

Таково было состояние не только V но и соседней IV армии. Вот, что о ней пишет ген. Паля:

„Занимаем позиции и покидаем их, занимаем их снова, ведем арьергардные бои, вновь отходим. Приказы и контрприказы взаимно перемежаются. Батальоны и полки перекрещиваются, обгоняют один другой, перемешиваются в придорожных канавах, проложенных среди густых лесов. Бежим из последних сил. Многие, с окровавленными ногами, с трудом поспевают; те, кто сохранил еще ранцы, скидывают их. Все полны чувста беспокойства и изнервничались вследствие колебаний командования." [2]

Закрадывается недоверие к командирам.

„Никто не давал себе ясного отчета о причинах этого отступления", — пишет Гоффик. [3]

Как это часто случается в подобных условиях, по рядам бегут неясные, но зловещие слухи о какой-то измене.

Нет ничего удивительного, что в подобных условиях паника становится нередким и неизбежным явлением, и что панически настроенные части теряют свою боеспособность. О случаях паники неоднократно упоминает ген. Паля; в своем V томе пишет о них и ген. Ланрезак.

„С 16 часов, — говорит он в описании боя под Шарлеруа,— положение на левом фланге ухудшается. В III корпусе немецкое наступление, поведенное из долины Гер (Heure), ока-

---

[1] Lanrezac, стр. 124.

[2] Palat, „La grande guerre sur le front occidental", Paris, t. V, стр. 41, 36.

[3] „Un peintre soldat" (Revue Hebdomadaire, 28 апреля 1917 г.), стр. 462.

залось неожиданным для левого фланга дивизии, и она поспешно отступила. Отошел весь корпус, чтобы вновь собраться на позиции Шастр-Мориальм; артиллерия нашла там великолепные позиции, с которых прикрывала отступление пехоты. *Однако, части ген. Сорэ находились в таком беспорядке, что уже через минуту можно было решить, что они не задержатся в Шастре,* хотя немцы очень сильно не напирали; с большим трудом удалось этого достигнуть (в 21-м часу).“ [1]

Когда корпус занял новую позицию, ген. Ланрезак думал, что он может быть за нее спокоен.

„Я мог думать, что III корпус находится в хорошем состоянии так как ген. Сорэ писал мне, что „его части, расположившиеся на назначенных им позициях, готовы перейти в наступление.“ Мое удовлетворение было недолгое, так как офицер моего штаба, несущий обязанности офицера связи при III корпусе, донес мне, что „в корпусе происходит что-то неладное, и что в начале ночи левый фланг спешно покинул свои позиции при виде обыкновенного наступления немцев.“

Потеря некоторыми частями их боеспособности явилась следствием их панического настроения и обнаружилась несколько позднее, 3 сентября, когда V французская армия перешла не левый берег Марны. „Пополудни немецкая пехота, отброшенная многочисленной артиллерией, перешла реку и заняла расположенные южнее высоты. Дивизия Янник (Iannic), обстрелянная с далекого расстояния 15-*см* снарядами, при обыкновенном наступлении противника стала искать опору в стороне Кондэ-ан-Бари, где находились главные силы XVIII корпуса“. [2]

У немцев создалось впечатление, что неприятель сломлен, что он бежит, бросая обозы и поклажу, что он в будущем вряд ли в состоянии оказать сопротивление, если покинул столь сильную оборонительную линию, как река Марна.

Однако же немцы, правильно оценивая обстановку отступления французской армии, ошиблись в отношении заключительного акта. Французы нашли силу, волю и умение для перехода в наступление и одержали победу на той самой Марне, которую они так легко оставили, победу в момент

---

[1] Lanrezac, стр. 179.
[2] Lanrezac, стр. 182, 183, 257.

напряженной борьбы, казавшуюся не столь значительной, как это выяснилось в дальнейшем, когда были учтены все ее бесчисленные последствия.

ОТСТУПЛЕНИЕ XVI СОВЕТСКОЙ АРМИИ В 1920 ГОДУ

Подробности отступления XVI советской армии в 1920 году я привожу из статьи „Бегство полевых армий“.

13 августа 1920 г. после четырехдневного похода, части XVI советской армии вышли на линию Радзимин-Осецк, где уже под самой Варшавой ее задержали поляки. Красные были измучены и ослаблены, так как вследствие малой пропускной способности железной дороги нельзя было к надлежащему времени подвезти пополнения; число штыков в дивизиях упало до 2000; предпринятые 14 и 15 августа попытки прорыва польской линии окончились неудачно, что еще больше ослабило части; растянувшиеся на громадном пространстве тыловые учреждения не успевали снабжать части необходимыми боевыми средствами. Поляки занимали укрепленную линию вблизи своих тыловых учреждений, имели возможность выслать пополнения и выставить новые формирования.

16 августа поляки перешли в наступление против мозырской группы Красной армии и, отбросивши ее к востоку, двинулись против 8-й дивизии. Высшее советское командование ориентировалось в положении довольно быстро и пыталось обеспечить левый фланг Красной армии выводом этой дивизии в резерв фронта в район Лукова. Однако, соответствующая директива опоздала. Тем временем около 6 часов вечера 17 августа 8-я дивизия была также сбита с позиций и стала отступать в северо-восточном направлении, обнажая левый фланг своей армии. Им воспользовлись поляки и стремительно двинулись на тылы XVI армии. Одновременно поляки, защищавшие подступы к Варшаве, перешли на всем фронте в наступление. Связь с частями уже тогда была весьма затруднена, вследствие чего донесения и приказы доходили с большим опозданием. Кроме того, сведения о происшедшем на левом фланге армии и в районе мозырской группы представляли создавшееся положение в неверном освещении. В результате штаб XVI армии отдал приказ об отходе слишком поздно; отступавшие части неудачно направил на юго-восток, чем подставил армию под непосредственные удары

с юга. Дивизии, выполняя приказ, подходя к линии Соколов — Седлец, неожиданно наткнулись на неприятеля, перерезавшего им путь отступления, и после боя были вынуждены самостоятельно искать новые дороги для дальнейшего отхода.

Отход армии происходил в условиях неимоверно тяжелых. Войсковые единицы армии, малочисленные по составу, измученные, почти без всяких боевых средств, охваченные неприятелем с запада и юга, стали быстро терять свою сплоченность. Польская кавалерия, а также партизаны внесли в тылы полное расстройство. Вследствие того, что приказ об отводе обозов назад был издан поздно, и поляки успели отрезать тыловые дороги, обозы вынуждены были отходить в том же северо-восточном направлении, что и дивизии. Догнав обозы, части перемешались с ними, и вся эта масса забила все дороги [1] на пространстве десятков верст. Эту массу атаковывали со всех сторон; польские летчики расстреливали ее сверху. Начиная с 18 августа, т.-е. с начала отступления, штаб армии, а за ним и большинство штабов дивизий и бригад, потеряли связь с подчиненными им частями. Только 23 августа в окрестностях Волковыска ее удалось восстановить. В виду поспешности отступления в условиях почти полного окружения армия понесла огромные потери как в людях, так и в материальной части, в том числе в артиллерии. Понадобилось продолжительное время, чтобы перемешанные части были приведены в организационный порядок и рассыпавшиеся по лесам красноармейцы вновь возвратились в ряды.

СРАЖЕНИЕ ПОД ИЕНОЙ 14 ОКТЯБРЯ 1806 ГОДА

На первый взгляд события, разыгравшиеся под Иеной, с точки зрения общих условий, в которых армиям пришлось отступать, должны быть причислены к категории „бегства целых армий“. Однако, между этим примером и предыдущими имеется известная разница. В предыдущих примерах бегство вызывается не паникой, а другими причинами, преимущественно стратегического характера. „Бегство“ развивалось однако в таких условиях, что среди „бежавшей армии“ создается в скором времени почва, благоприятствующая возникновению вспышек паники, которые в зависимости от обстановки начинают все чаще проявляться то здесь, то там, доводя, наконец,

[1] Достаточно плохие и весьма малочисленные в этом районе. *Ред.*

армию до полного разложения. Под Иеной же самое сражение оканчивается чудовищной паникой. Пруссаки, гонимые этой паникой, продолжавшейся беспрерывно, не ослаблявшей ни на минуту своего напряжения, теряют почти все свое государство и почти все вооруженные силы. Следовательно, в предыдущих примерах паника возникла на фоне „бегства", но никогда не охватывала армии во всей ее полноте; только, вследствие взаимодействия с целым рядом других причин, приводила армии к разложению. Под Иеной же паника возникла на поле сражения в тот момент, когда армия дрогнула, не покинула ее в течение всего отступления и являлась основной причиной полного исчезновения с европейской сцены целого государства (Пруссии).

Вследствие этой разницы я решил не смешивать панику, происшедшую после сражения под Иенной, с группой предыдущих примеров и полагаю, что ею можно воспользоваться с целью показать картину паники, охватывающей *весь театр военных действий* и продолжающейся с момента ее возникновения вплоть до момента начала мирных переговоров. В результате этой паники армия должна была либо погибнуть, либо перестать существовать, как боевая сила.

Потрясение, полученное пруссаками под Иеной, было исключительное по своей силе. После Иены, как смеялись потом, прусские крепости сдавались французским разъездам. Силу морального потрясения можно частично объяснить качеством побежденной армии и авторитетностью вождей: наполеоновские французкие войска стояли с любой точки зрения выше прусской армии времен Иены, этой „наследницы" армии Фридриха Великого, и одновременно Великий Корсиканец, благодаря точному расчету своих действий, непоколебимости, убийственности наносимых им боевых ударов, возбуждал в неприятеле непреодолимый страх.

Вспомним вкратце Иену.

14 октября 1806 г. встреча Наполеона с прусской армией привела в действительности к двум сражениям. Под Иеной Наполеон во главе 54 тысяч людей сражается с 55 тысячами князя Гогенлоэ, а под Ауэрштадтом маршал Даву, имевший 27 тысяч людей, бьет 50-тысячную армию князя брауншвейгского. Французы в обоих сражениях потеряли около 12 тысяч людей, пруссаки — 40 тысяч и 315 орудий, т. е. почти половину сил, принимавших участие в этом деле.

Интересен тот факт, что общее паническое настроение пруссаков, которое с такой силой обнаружилось после Иены, проявилось в форме *особой паники* еще за три дня до сражения. Вот, что говорит об этом прологе иенской драмы полковник Массенбах, ее непосредственный свидетель:

„11 октября вечером прусские части находились в Иене. Части передового охранения французов были еще далеко. Князь (брауншвейгский) садился за обед, как вдруг поднялось неожиданное смятение. Кричали, что неприятель близко... Это было невозможно, так как все дороги, ведущие в город, были заняты нашими частями, от которых не было получено никаких вестей, подтверждавших подобные слухи. А, однако, такой именно слух распространился с молниеносной быстротой среди солдат как в самой Иене, так и в окрестностях, а результат был таков, что князь вынужден был выступить лично, чтобы положить конец этому слуху. Возник неслыханный позорный беспорядок... Со всех сторон кричали, что подошли превосходные силы французов, что они уже отбросили передовое охранение... Однако, никто, повидимому, не мог сказать, откуда они подходят. На дороге в Веймар собрались толпы солдат всех родов войск. Наконец, паника приняла такие размеры, что пришлось организовать офицерские дозоры для прохождения лесов и осмотра погребов; сообщали, что окрестности Иены уже полны неприятельских стрелков... спустя час убедились, что не видать ни одного француза, и что тревогу вызвали несколько солдат, бежавших из боя под Шлейцом и Саальфальдом“.[1] Следует заметить, что части, среди которых возникла паника, до этого времени ни разу с французами не встречались.

Спустя два дня, 14 октября, разыгралось сражение. Описывать его не стану. Напомню только, что в прусской группе, примыкавшей к Иене, отступление началось на правом фланге. Вот, какую картину рисует один из участников сражения фон-дер-Марвитц:

„На правый фланг, который заканчивался четырьмя саксонскими батальонами,—показывал он на следствии,—сильно нажимает корпус Ожеро (Augereau), двигавшийся через лес Иссерштадт. Князь Гогенлоэ находился на прикрытом левом фланге. Однако, чрезвычайно убийственный огонь разогнал эти ба-

[1] Daudignac, стр. 79.

тальоны. Так как позади них проходило прекрасное шоссе в Веймар, то батальоны автоматически воспользовались им для бегства. Это движение распространилось и на соседние с ними полки. Французы, наступавшие со стороны Виерзен Хейлиген, еще более усилили это бегство, и наша колеблющаяся армия оказалась разделенной на две части, которые спустя непродолжительное время потеряли уже всякое соприкосновение между собою. Уходившее на Веймар правое крыло вскоре распылилось; это было настоящее бегство. [1]

Когда убегавшие достигли места, где в ночь на 14-ое бивакировал ген. Рюхель, они нашли там два нетронутые батальона, прикрывавшие обозы. Около этих нерасстроенных еще бойцов, — говорит Марвитц, — мы начали собирать и приводить в порядок всех прибежавших и наново организовывать расстроившиеся батальоны. Все шло хорошо. Неприятеля, который мог бы нам помешать, не было видно. Вскоре образовывалась видимая сила, которую можно было бы расценивать по меньшей мере в 10 батальонов. Расположились мы, имея позади себя теснину".

Долго продолжались споры, в каком направлении отступать. Одни указывали на Эрфурт, другие на Лиебштедт. Спорили долго, но никому не пришло в голову отойти за теснину. Вдруг, в 5 час. утра вслед за несколькими беглецами появилась французская кавалерия.

„Князь поехал к находившемуся впереди батальону Троенфельса и фузильеров, — пишет далее Марвитц, — как те вдруг повернули назад и побежали. Нет ничего удивительного в том, поскольку это учинили свежие части, что *панический страх* охватил и тех, которые вернулись из боя. Толпа, образовавшаяся не менее чем из 10 батальонов, повернула назад, побросала ружья и патронташи и в диком беспорядке бросилась с горы вниз по дороге в Веймар между летящими в карьер и опрокидывающимися орудиями, ящиками и повозками. На мосту в Тор и на перекрещивающихся узких улицах Веймара порядок был окончательно потерян. За Веймаром делались попытки остановить дико несущуюся вперед толпу: однако, охвативший ее страх был так велик, что беглецы бросали оружие, и вся перемешавшаяся толпа пехоты безумно неслась по шоссе, ведущем в Эрфурт".

---

[1] Все описание сделано по: „Das preussische Offizierkorps und die Untersuchung der Kriegserreignisse". Zweite Auflage, Berlin, 1906, стр. 176, 179, 180, 72, 74, 73, 206, 204, 205, 75.

„Толпа беглецов и частей всех родов войск с каждым моментом увеличивалась; *панический страх* охватил почти всех рядовых; они не слушали и не исполняли никакой команды, не оказали воздействия даже угрозы принудить их штыками вернуться обратно в сторону противника. Не было ни человеческой силы ни авторитета, которые могли бы успокоить взводы и бросить их вперед. Многие офицеры, в том числе и я, всячески пытались остановить людей, прибегая даже к физическому воздействию, но, если нам в одном месте удавалось кого-либо повернуть лицом к неприятелю, то в другом они разбегались снова“.

„Вечером 14 октября прусские войска, как это не раз случалось в истории народов, представляли собою картину массовой паники, совершенно дезорганизовавшей, вследствие понесенного поражения, армии. В данном случае паника должна была быть тем большей, чем более армия верила ранее в свою непобедимость“.

Наступила ужасная ночь, хотя князь Гогенлоэ, обращаясь к офицерам, прибывшим за получением приказов, сказал: „Только ночь может нас спасти“. Ночь была так темна, что нужно было держаться за патронташи идущих спереди, чтобы не свернуть с дороги. Никто не знал местности и дорог. Пехота, кавалерия, обозы, орудия скучились в спутанный клубок на дорогах, идущих глубокими оврагами. Из столпившихся колонн раздавались ружейные выстрелы. Масса беглецов влекла за собою и отдельные сохранившие до этого времени порядок части, как, например, батальон гвардейских гренадер. „Отдельный человек был так сплетен со всею массою, точно нитка в клубке“, — говорит один из штабных офицеров Королевского полка. Другой офицер того же полка показывает: „Мы не могли воспрепятствовать этой всеобщей вспышке. Что может сделать один человек перед огромной массой, охваченной паникой. Кто оказался в волнах океана, вынужден отдаться им и довериться лишь судьбе. Я предпочел бы не пережить этого несчастья; однако, подобные сцены неизбежны в разбитых армиях“.

Спустя уже два года, рассказывавшие об этой ночи, все еще испытывали страшный ужас. „Впечатление, оставленное в моем воображении этими страшными сценами, было ужасно, происшествия следовали с такой быстротой, что я едва в состоянии установить их последовательность“.

Это была такая ночь, о которой по прошествии нескольких десятков лет Гнейзанау говорил: „Лучше сто раз умереть, чем еще раз пережить что-либо подобное“.

Паника была так велика, что сам король бежал на Берлин и Кистрин; однако, до Берлина не доехал. Князь Гогенлоэ бежал с полком кавалерии. В течение этой ужасной ночи он проскакал 56 километров и 15 октября в 7 часов утра находился уже в Зондергаузе. Здесь он встретился с королем, которого сопровождали князь Саксен-Кобургский и несколько адъютантов. „Король был без денег, — рассказывает Марвитц, князь отдал ему свои деньги и еще одолжил 100 золотых фредериков у князя фон-Зондергаузена“.

В каком душевном состоянии находился сам Гогенлоэ, об этом свидетельствует тот же Марвитц:

„Князь впал в бесчувственное равнодушие, которое не покидало его весь день. Горе понесенного им впервые поражения, бешенство на полный разгром одного из флангов его армии, также, быть может, и боль от полученной контузии так подорвали его моральные и физические силы, что он прямо-таки находился в бессознательном состоянии и в течение всего дня не произнес почти ни одного слова“. Когда подходили к Веймару, казалось, что князь ищет смерти, „так как он не слышал, когда капитан Гнейзенау указал ему на неприятеля, и, не понимая в чем дело, остановился“. По дороге он неоднократно повторял: „Вождь, едущий без армии“.

Произведенное затем следствие выяснило поведение многих офицеров. „Полковник Клох ф. Корнитц сдался 15 октября утром вместе с остатками своего батальона фузильеров малой французской части; женатые офицеры уезжали вперед в свои гарнизоны, с целью повидать или принять меры охранения своих семей. Многие просили об отпуске и, что удивительно, получали его для получения денег, белья или обмундирования; один из офицеров письменно просил об увольнении его со службы и уехал, не дожидаясь ответа.

Легко раненые не имели сил переносить невзгоды и потом заявляли, что считали дальнейшую борьбу совершенно бесцельной и не хотели подвергать себя опасности. Полки их рассыпались, — что же могли сделать одиночные люди! Вследствие таких рассуждений они присоединялись нередко к чужим, сдающимся неприятелю частям и обозам“.

Маршал Сульт вечером 16 октября писал генералу Грессену:

„Все более утверждаюсь в своем убеждении, что неприятельские генералы пали духом в равной степени, как и их солдаты“. [1] В тот же день в 9 час. вечера Мюрат доносил Наполеону: „Офицеры говорят открыто, что они не желают служить, уходят из-под своих знамен и разъезжаются по домам; они уверяют меня, что, если я их догоню, они сложат оружие; офицеры давали советы солдатам бросать оружие и сдаваться в плен, когда они увидят французов“. [2]

В виду подобного и столь быстрого морального падения большинства прусских командиров [3] и панического настроения солдат, совершенно утративших боеспособность, нет ничего удивительного, что начался ряд капитуляций как на укрепленной местности, так и в открытом поле.

Капитулировали: в ночь с 15 на 16 октября Эрфурт и его цитадель крепость Петерсберг. Крепость сдалась без выстрела кавалерии Мюрата. В руки французов досталось 14 000 пленных (6000 здоровых) и артиллерийский парк в количестве 120 орудий;

25-го октября — Шпандау;

27-го — майор ф. Лошебрандт с полком жандармов под Вихманнсдорфом;

28-го — Пренслау, где сдался в плен сам князь Гогенлоэ с остатками армии (12 000 человек). В момент сдачи французы располагали только конницей Мюрата и небольшим количеством пехоты, которую на своих конях привезли кавалеристы;

29-го — Штетин вместе с 6000-гарнизоном. Полковники ф. Гаген и ф. Позер с 5 пех. батальонами и 5-м кирасирским полком сдались одной кавалерийской дивизии Лессаля у м. Пасевальк;

30-го — генералы ф. Биля 1-ый и 2-ой с двумя батальонами, одной ротой и многими мелкими частями, а также остатками кавалерийских полков под Анклям;

Майор фон Гепфнер с 6 офицерами, 21 — 34 орудиями разных полков, двумя обозными колоннами и 200 лошадей под Больдеков;

---

[1] Forecart, „Campagne de Prusse (1806) Prenzlow-Lubeck“, Paris, 1890, стр. 49 и 50.

[2] Там же, стр. 59.

[3] 14-го разыгрался бой, а уже 16-го французские маршалы оценивают моральное состояние неприятельских командиров в общем весьма удачно.

1-го ноября — Кистрин с 6000-гарнизоном сдался нескольким ротам пехоты маршала Даву. Роты переправились на лодках, высланных комендантом крепости;

майор ф. Шмюде со 170 лошадьми под Вареном;

2-го – подполковник ф. Притвитц с обозами армии Гогенлоэ под Вольгастом;

5-го — генерал Иседом с остатками гусарского полка под Висмаром;

6-го — майоры ф. Энде и ф. Шердахелли с 4 эскадронами и с конной полубатареей под Кремперсдорфом;

7-го — будущий фельдмаршал Блюхер с остатками восьми пех. полков, шести батальонов гренадер и восьми фузильеров, с частями различных полков, с невыясненным числом орудий — всего около 9000 людей под Любеком — Раткау;

8-го — Магдебург. В руки французов попали 22000 людей, 800 орудий, миллион пудов пороха. Генерал Клейст, подписавший капитуляцию, объяснял свою сдачу тем, что он делал это, чтобы „избежать еще большего несчастья для государства", а также, что он действовал „в интересах короля и торгового города Магдебурга"; [1]

майор ф. Шведен с батальоном пехоты под Травемюнде;

12-го — генерал ф. Пелет с 200 лошадей драгунского короля Баварского полка и с полубатареей под Люнебургом;

19-го — форт на Ясной Горе в Ченстохове;

20-го — Гамельн;

25-го — Ниенбург и Плассенбург;

3-го декабря — Глогау;

7-го января 1807 г. — Вроцлав;

16-го — Бржеги;

16 февраля — Свидница;

25 мая — Данциг;

1-го июня — Нисса;

10-го и 26-го — Козле и Глатц. [2]

К моменту перемирия держались еще Зильберберг, Колобржег и Грюнвальд, а в кампании 1807 года принимал участие корпус Лестока, числивший всего 25000 людей.

---

[1] Фон-дер-Гольц, стр. 41.

[2] „Das Preussische Offizierkorps", стр. 37. Привел я эту длинную страницу, так как до сего времени о происшествиях после Иены говорилось только в общих чертах. В настоящее время немцы восполнили эту брешь.

„Коль скоро ваши гусары берут крепости, мне остается распустить инженерный корпус и перелить осадные орудия“, — писал Наполеон Мюрату в ответ на донесение о взятии Щетина кавалерийской дивизией Лессаля.

Легкость, с которой сдавались крепости, а также остатки разбитой под Иеной и Ауэрштедтом армии и спешившие к ней на помощь поддержки, объясняется тем *паническим настроением*, которое, начавшись в рядах и среди командиров на самом поле сражения и в первую ночь отхода безнадежной паникой, продолжалось в течение 24 дней на пространстве, считая от Иены, 700 километров, умело поддерживаемое преследованием победителя, необыкновенная энергия которого является лучшим доказательством его моральной силы. Паника, господствовавшая в течение стольких дней и на столь громадном пространстве, является одним из редчайших явлений в истории войн.

ЛОШАДИНЫЕ ПАНИКИ

Я не стал бы вообще говорить о панике среди животных, в частности среди лошадей, если бы такого рода паника не передавалась сражающимся и если бы лошадиные паники не обладали некоторыми особенными свойствами, с которыми стоит познакомиться.

Подобно людям, и животные в стаде подвергаются припадкам общей паники. С этой точки зрения особенно впечатлительны лошади. Этим часто пользовались индейцы Северной Америки при ограблении эмигрантов, углублявшихся в обширные пространства прерий.

Если человек по своей природе создан боязливым, то что же говорить о лошади, которая значительно нервнее, более пуглива, попросту — труслива. Паника среди людей не так страшна, как среди животных. Человек, охваченный паникой, теряет способность понимания. Что же делается с животными, обладающими только инстинктом? Сила лошади, ее величина и быстрота дают ей возможность все переворачивать на своем пути, создавать страшный беспорядок и мешать человеку восстановить порядок. Совершенно ясно, что самой страшной по своим результатам паника бывает там, где люди и лошади находятся рядом, т. е. в кавалерии, артиллерии, парках и обозах. Паника среди этих частей продолжается значительно дольше, чем в пехоте, так как человек долго бежать не может.

Он должен остановиться, чтобы отдышаться, а незначительная уже остановка дает командирам возможность снова взять руководство в свои руки.

Собственно, там, где паника наиболее грозна, а именно среди парков и обозов, она случается довольно часто и обладает тенденцией перебрасываться на соседние части.

Из сказанного мною вытекает, что паники эти можно разделить на два рода: а) чисто лошадиные паники, в которых люди участия не принимают, и б) смешанные, в которых принимают участие и люди и лошади.

Случаи чисто лошадиных паник вовсе не редки.

Из этого рода паник я приведу следующие примеры.

В 1854 году, в начале крымской кампании, в то время, когда на полуострове Галлиполи сосредоточивалась французская армия, в лагере одного из кавалерийских полков случилась паника лошадей. С неимоверным трудом удалось их переловить; однако, много из них пропало, другие были поранены, иные стали непригодны к дальнейшей службе. В течение нескольких дней ловли лошадей полк вынужден был двигаться пешком.

В 1857 году, во время боевых действий французов против кабилов, в экспедиционном корпусе ночью в обозах случилась паника, в которой участвовало 2000 лошадей и мулов. Животные одно за другим вырывались из лагеря и летели по всем направлениям. Так как все корпусные запасы перевозились на лошадях и мулах, то, пока их не переловили, корпус вынужден был оставаться на месте. Могло ведь случиться, что было бы переловлено недостаточное их количество для дальнейшего движения корпуса; но на счастье французов так не случилось. Однако, когда после огромных усилий животные были переловлены и приведены в лагери, паника вновь повторилась, в этом случае среди белого дня и за несколько часов до назначенного времени выступления в поход. В обоих случаях причину паники установить не удалось. [1]

Весьма интересная и поучительная паника имела место в 1871 г. в русском гвардейском кирасирском полку.

„Гвардейский ее величества кирасирский полк, в составе 900 человек, прибыл на стоянку. Лошади одного из эскадронов чего-то испугались и разбежались; за ними ринулись и

[1] Pfülf, стр. 66.

соседние; паника охватила всех лошадей, и в один момент 900 коней понеслись в диком смятении... Как велика была паника, можно судить хотя бы по тому, что некоторые лошади были найдены в глубине Финляндии в расстоянии 120 миль...«[1]

В этой панике мы можем отметить две интересные подробности. Во-первых, лошади, все как одна, признали одну из своей среды *вождем.* Это было сильное, большое животное. Видно было, что лошади смотрели на нее и ждали, когда она ринется вперед, а затем в страшном смятении тотчас же поскакали за нею. Интересен также способ, при помощи которого удалось задержать часть лошадей. Несколько миль уже проскакали они плотной массой, как, наконец, под прямым углом повернули к реке. Перед ними находился мост, а по другой его стороне—небольшая кавалерийская часть. Конь-вождь, увидев кавалерию, не пошел мостом, а повернул в сторону и бросился вплавь. Масса в 900 лошадей плыла вместе. Когда они уже переплыли реку и начали скакать далее, командир кавалерийского полка надумал дать кавалерийский сигнал на трубе, обозначавший время выдачи корма. Более старые лошади насторожили уши, заколебались, остановились и, наконец, повернули в направлении раздавшегося сигнала. Это спасло почти всю массу. Остальные разбились на мелкие группы.

По мнению Пфюльфа, более интересными являются смешанные паники, когда психологические процессы людей и лошадей безусловно оказывают взаимное воздействие. Из этого рода паник характерной является паника, имевшая место 18 августа 1870 г. в 7 часов 30 мин. вечера в 9-м прусском гусарском полку. Эта паника известна под названием *второй прусской паники под Гравелотом.* Случилась она в боевых условиях, и последствия ее могли быть грозными.

Юго-западнее фермы С. Губерт 9-й полк прусских гусар попал под такой огонь неприятеля, что командир полка приказал ему спешиться. В этот именно момент прибыла маршевая команда запасных на реквизированных лошадях. Командир полка создал из них 5-й эскадрон и развернул его в одну линию с прочими эскадронами. В это время французы отбросили новое наступление пруссаков на Пон-дю-Жур и открыли по

---

[1] „Военный сборник", 1910 г., № 7, стр. 163.

гусарам еще более сильный огонь. Чтобы не терять людей. командир полка приказал полку отойти. Видя, что пехота также отходит, перепугавшиеся запасные перешли на рысь. Темп хода становился все более скорым, пока, наконец, лошади, не привыкшие к огню и перепуганные суматохой, не понеслись, охваченные паникой. Последняя перекинулась на лошадей соседнего эскадрона, и оба эскадрона в карьер полетели в направлении на Гравелот *(1-я лошадиная паника).*

Все, находившиеся в этот момент под Гравелотом, с удивлением увидели кавалерийскую массу, вынырнувшую в бешеном карьере из леса. В первый момент все были перепуганы; в этом случае испуг был даже сильнее, чем во время предыдущей паники, бывшей в тот же день в 6 час. 30 мин., за час до описанного эпизода, к югу от шоссе. В данном случае прекращение паники требовало еще больших усилий, чем успокоение первой и отняло больше времени, так как лошади бегут скорее и дольше, чем люди. Ошалелые лошади врезались в остатки полков, собиравшиеся на шоссе. Захваченные примером гусарских лошадей повернули также и ринулись в общую кучу лошади разнообразнейших обозов, стоявших вправо от шоссе *(2-я лошадиная паника).* Усилия ряда офицеров, бросившихся в толпу с целью остановить движение, были совершенно безрезультатны.

Гусары, пехотинцы из разных корпусов, офицерские лошади, всякого рода повозки — все перемешалось и, как поток, прорывалось в тыл.

Люди и лошади утратили способность что-либо чувствовать. Сабельные удары и проклятия не производили ни малейшего впечатления. Только, когда у людей и лошадей захватило дыхание, поток их остановился. Совершенно понятно, что остановить его удалось уже довольно далеко. Много беглецов добежало до Вионвилля, повсюду разнося весть, что „мы (пруссаки) разбиты“.[1]

---

[1] Dodignac, стр. 92—94; Pfülf стр. 66 и 67; Изместьев, стр. 67 и 68. Все эти данные опираются на труд Генига, „24 heures de stratégie de Moltke“.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I

СПИСОК РАБОТ ИНОСТРАННЫХ АВТОРОВ ПО ВОЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

(СОСТАВЛЕН АВТОРОМ)

1) Beitrage zur Psychologie des Krieges: „Psychographie des Krieges“, von Paul Plaut; „Beiträge zur Psychologie der Furcht im Kriege“ v. Ludwig Walter; „Zur Psychologie der Todesahnungen“, v. Schihe („Beihefte zur Zeitschrift für angewandte Psychologie“, № 21, Leipzig, 1920).

2) Bonnal H., général, „De Rosbach à Ulm L'esprit de la guerre moderne), Paris 1903, и „Les conditions de la guerre moderne“, Paris, 1916.

3) Bonnet, „L'âme du soldat“, Paris, 1917.

4) Brousseau Albert, docteur, „Essai sur la peur aux armées 1914—1918“, Paris, 1920.

5) Campeano, M., „Essai de psychologie militaire individuelle et collective“, Paris, 1902.

6) Cordonier, général, „L'obéissance aux armées“, Paris, 1924.

7) Du-Teil, „La psychologie du commandement“, Paris, 1911.

8) Freitag—Loringhoven, général, „Die Macht der Persönlichkeit im Kriege“, Berlin, 1905.

9) Gaucher, „Etude sur la Psychologie de la Troupe et du commandement“, Paris (без даты).

10) Gudden Hans, „Ueber Massensuggestion und psychische Massenepidemien“, München, 1918.

11) Janet Pierre, „L'automatisme psychol gique“, Paris, 1917.

12) Jünger Ernst, „In Staelgewittern. Aus dem Tagebuch eines Stoss-Truppführers“, vierte Auflage, Berlin, 1922.

13) Lacombe P., „La guerre et l'homme“, Paris, 1900.

14) Le-Bon Gustave, „Psychologie des foules“, Paris, 1912.

15) Ménard Pierre, dr. „Psychologie militaire. La peur subconsciente du soldat dans les tranchées (Infanterie, 1922, № 352).

16) Minarelli—Fitzgerald A., „Psychologie der Massen (Infanterie-Massen im Angriff)“, Budapest, 1905.

17) Montaigne, lient.-col., „Vaincre. Esquisse d'une doctrine de la guerre“ (в двух томах), Paris, 1913.

18) Mosso Angelo, „La peur. Etude psycho-physiologique“, traduit de l'italien par M. F. Hément, 1908.

19) Ниссель, „Психология бойца“, перев. А. Ч.

20) Payot, I., „L'éducation de la volonté“, Paris, 1920 (30-е издание)

21) Percin, général, „Le combat", Paris, 1914.
22) Sighele „La foule criminelle", traduit de l'italien, Paris, 1892.
23) Sully James, „Die Illusionen" (перев. с английского). Leipzig, 1884.
24) Tarde, G., „Les lois de l'imitation", Paris, 1890.
25) Thomas, P. F. „La suggestion, son rôle dans l'éducation intellectuelle", 1910.
25) Viotte, colonel, „De la surprise" („Revue milit". 1922, № 15).
27) Warms, „Psychologie collective et psychologie individuelle", Paris.
28) „La guerre et l'armée", Paris, 1899 (неизвестного автора).

Приложение II

СПИСОК НАИБОЛЕЕ ИНТЕРЕСНЫХ РАБОТ ПЕТЕРБУРГСКОГО ОБЩЕСТВА РЕВНИТЕЛЕЙ ВОЕННЫХ ЗНАНИЙ

1) Дружинин, „Исследования душевного состояния воинов в разных случаях боевой обстановки по опыту русско-японской войны 1904—1905 г.", СПБ, 1910.
2) Г. Шумков, „Душевное состояние воинов в ожидании боя" („Военный сборник", №№ 5 и 6); того же автора „Чувство тревоги, как доминирующая эмоция в период ожидания боя" („Военный борник", 1913, № 11).
3) Ген.-майор Турбин, „Воспитание в войсках. Дисциплина, как основа этого воспитания" (оттиск из журнала „Общества ревнителей военных знаний", СПБ, 1914).
4) Н. Корф, „О воспитании воли военачальников". (журнал Общества военных знаний, 1906 г., кн. 1-я).
5) Ряд статей Шумкова и Дмитриевского („Военный сборник", 1912 г., №№ 8 и 11, также 1913 г., № 6).
6) М. Энвальд, „Две доктрины боевого воспитания войск", („Военный сборник", 1911, № 1).
7) А. Дмитриевский, „Страх и борьба с ним", Петербург, 1913 г.

Приложение III

СПИСОК ТРУДОВ, ПОСВЯЩЕННЫХ ПАНИКЕ, КОТОРЫМИ РАСПОЛАГАЛ АВТОР

1) Daudignac, général, „Les réalités du combat", Paris, 1915, в котором панике автор посвятил стр. 69—146.
2) Brousseau, „Essai sur la peur aux armées... 1914—1918 г. Paris, 1920; в этом труде встречаем случаи индивидуальной паники.
3) Lichtenstern Karl Reişner Frh. v., „Die Macht der Vorstellung im Kriege" Berlin..., 1902 (напечатано в „Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine 1902", т. I, стр. 12—29, 295—317 и 417—425: в извлечениях помещено в „Варшавском военном журнале", 1902. № 9, стр. 866—875 и № 10, стр. 938—944), в которых помещены случаи паники, охватывающие вождей.

4) Stark Fr., „Paniken. Ein Beitrag zur Psychologie des Krieges“ Berlin, 1904 (напечатано в „Militär Wochenblatt“, 1904, Beiheft 10).

5) Pfülf Emil, „Die Panik im Kriege“... 1908.

6) Montaigne, „Vaincre. Esquisse d'une doctrine de la guerre“ Paris, 1913; в этом труде на стр. 151 — 206 автор приводит целый ряд случаев паники.

7) Pinouard, „Паника в войсках“, перев. с французского, напечатана в журнале „Братская помощь“, 1908, № 7 и 8.

8) Trachu, „L'armée francaise en 1867“, Paris, 1867.

9) А. Розанов, „Паника“ (психологический этюд), „Военный сборник“, 1916, № 7.

10) Н. Головин, „Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека, как бойца“, СПБ, 1907 г., где на стр. 129 — 335 автор говорит о панике в армии. Так как паника бывает частым явлением во время войны и вытекает из психических свойств человека, я пользовался этой работой весьма широко. Фактическую сторону своего исследования я основывал на известных трудах из военной истории, на которые я ссылался в тексте, указывая об этом в выносках.

Приложение IV

БОЙ СУДОВ ЭСКАДРЫ РОЖДЕСТВЕНСКОГО В СЕВЕРНОМ МОРЕ

Так как этот эпизод мало известен, я задержусь на нем несколько дольше, нежели того требует цель этой работы. Еще в то время, когда эскадра находилась на рейде в Ревеле и Либаве, Морское Министерство и адмирал Рождественский имели сведения о подготовляющемся нападении японских миноносцев на русскую эскадру в европейских водах.

8 октября, когда эскадра находилась в Северном море, в 9 часов вечера, адмиральский корабль получил ряд телеграмм, якобы с транспорта „Камчатка“, остававшегося в тылу. В 11 часу уже не подлежало сомнению, что эти телеграммы были посланы какой-то вражеской рукой. Одна из телеграмм доносила, что на „Камчатку“ напали какие то миноносцы. Наконец в 12 ч. 55 мин. ночи, в момент, когда корабли оказались в самой середине английской рыбачьей флотилии, произошло нападение миноносцев на главные силы эскадры.

„Весь правый борт „Суворова“ открыл сильный огонь, пишет свидетель нападения, однако *замешательства* не было. Наоборот, каждую минуту были слышны звонки артиллерийских приборов, передающих приказы. *Видимо, было руководство. Это не было похоже на паническую стрельбу в воду*, свидетелем которой я был 31 марта в Порт-Артуре (Семенов, „Расплата“. 2-е изд. СПБ. 1910, стр. 225).

В 1 час. 10 мин. все окончилось.

Истина мало по малу обнаружилась. Метавшая на Россию громы английская пресса и общественное мнение особенно были возмущены тем, что *„один из русских миноносцев оставался до утра на месте происшествия* и не помогал рыбакам, спасавшим своих товарищей“. За означенные действия, кроме других требований, Англия требовала

отдачи под суд всех замешанных в этом деле и в частности *командира миноносца.* Но в эту ночь при эскадре миноносца не было. В момент нападения миноносцы находились в 200 и более милях впереди эскадры. Следовательно, миноносец, остававшийся до утра на месте ночного происшествия, несомненно, принадлежал к числу тех, которые атаковали эскадру, а именно это был тот миноносец, который, по свидетельству офицеров эскадры, был сильно поврежден. Повидимому, он чинился или ожидал товарищей.

Когда все это выяснилось, англичане стали утверждать, что рыбаки ошиблись и приняли за миноносец транспорт „Камчатку", которая утром 9-го проходила этот район. Однако и это было не убедительно: „Камчатка" *проходила,* а разговор шел о миноносце, который в течение всей ночи до самого утра стоял на месте. А затем, можно ли допустить, чтобы рыбаки, старые морские волки, могли при дневном свете принять „Камчатку", нескладный, с высокими бортами торговый пароход, за миноносец. Наконец, все, кто утверждал, что, собственными глазами видал миноносец", описывали его внешний вид совершенно одинаково, хотя свидетели эти являлись экипажем 5 разных судов и до показания не были между собою ни в какой связи.

Девять месяцев спустя один из свидетелей происшествия, капитан 1 ранга В. Семенов, тяжело раненый под Цусимой, лежал в японском госпитале в Сасебо и встретил там японского лейтенанта, командира миноносца, который лечился в том же госпитале от острого ревматизма. В Портсмуте велись мирные переговоры, и японец, очевидно, уже не усматривая необходимости блюсти тайну в отношении минных действий, откровенно сообщил, что получил свою болезнь во время перехода из Европы в Японию.

„Ваша европейская осень хуже нашей зимы".

„Осень? — я его спросил — а какой месяц?"

„Октябрь. Наш отряд вышел в конце этого месяца". „В октябре? одновременно с нашей второй эскадрой? Каким же образом мы ничего о вас не знали? Под каким флагом вы шли? Когда вы прошли Суэцкий канал?"

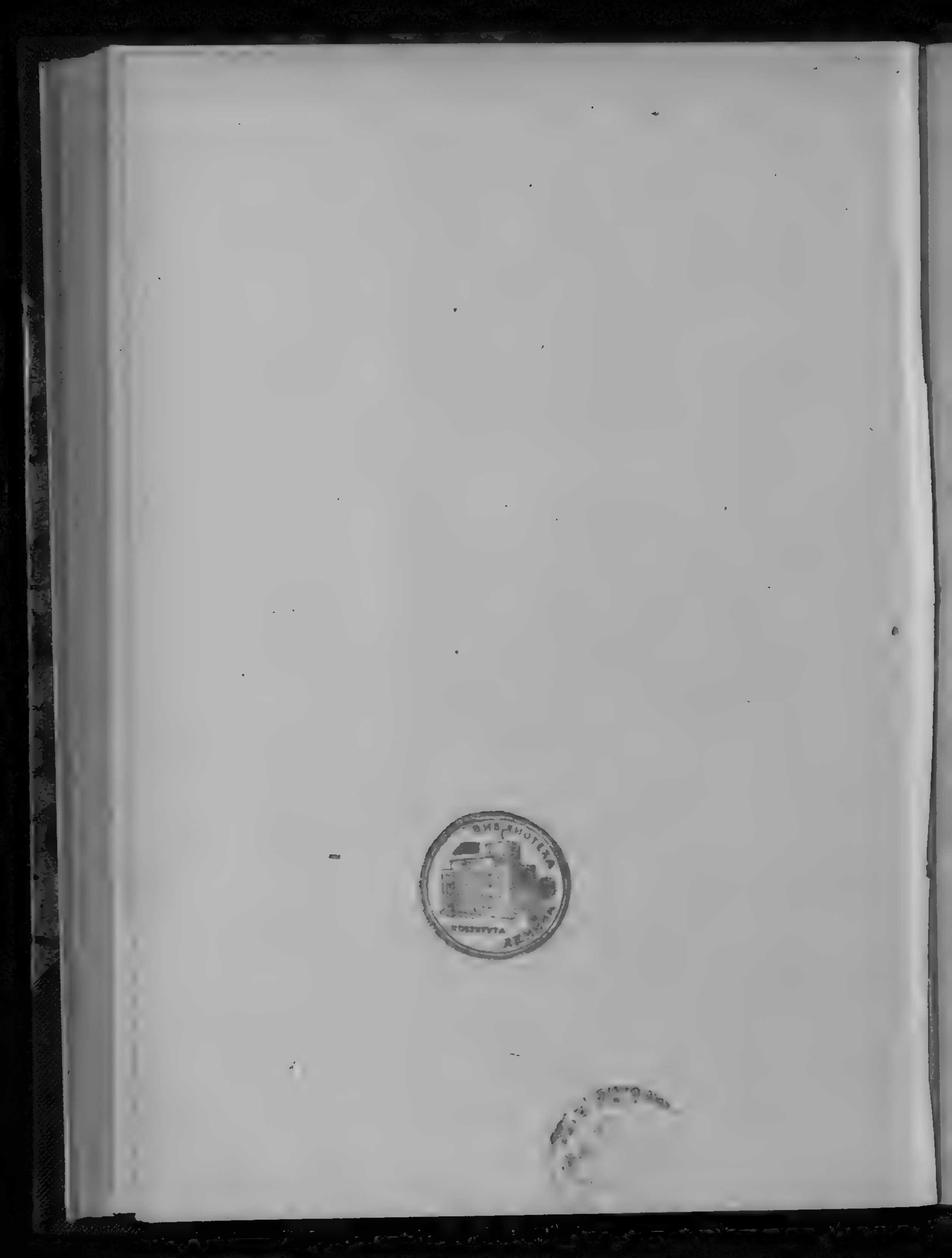
„Слишком много вопросов!—засмеялся японец.—Под каким флагом? Конечно, не под японским. Почему вы не знали, это уже надо вас самих спросить. Когда мы прошли Суэцкий канал? Вслед за эскадрой Фелькерзама".

„Но в таком случае это вы принимали участие в гулльском инциденте.

„Ха! Ха! Ха! Это уже совсем ненужный вопрос!"

В это время (октябрь, ноябрь 1904 г.) в европейской прессе появились туманные сообщения о каких-то четырех миноносцах, построенных в Европе, направлявшихся на восток в состав азиатской эскадры Северных Американских Штатов (см. Семенов, стр. 251, 253, 256, 257, 265, 266, 267 и 268).

Итак, в ночь на 9 октября 1904 года, паники на кораблях русской эскадры не было, ее огонь не был следствием панического настроения, но целесообразной, правильной и законной *защитой от нападения 4 японских миноносцев,* укрывшихся позади рыбацких пароходов и шедших под чужим флагом.

1 р. 50 к.

